ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

♦

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

♦

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

♦

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(30–31)

МОСКВА
2021

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалын (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджиахмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалын (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), А.М. Молдован (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)

Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)

Научный редактор: З.Н. Экба (Москва)

Ответственный секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)

Члены редколлегии: А.А. Акматалиев (Бишкек), Т.А. Аникеева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Б.Т. Койчуев (Бишкек), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), В.Г. Родионов (Чебоксары), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), Т.М. Хаджиева (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходившего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2021

© Российский комитет тюркологов, 2021

№ 1–2(30–31)

ISSN 2079-9160

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGIUSTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), N.Kh. Gadzhiakhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalın (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), Zh.S. Syzdykova (Moscow), M.Z. Ulakov (Nal'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)
Executive Secretary: O.N. Pustogacheva (Moscow)
Members of the editorial board: A.A. Akmataliyev (Bishkek), T.A. Anikeyeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), D.A. Funk (Moscow), L.L. Gabysheva (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), T.M. Khadzhiyeva (Moscow), B.T. Koychuyev (Bishkek), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (İstanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), V.G. Rodionov (Cheboksary), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal “Russian Turcology” is a continuation of the journal “Soviet Turcology” that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.
After 1991 in Azerbaijan the “Türkologiya” journal is being published.
The journal “Russian Turcology” is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
© The Committee of Russian Turcologists, 2020

№ 1–2(30–31)

ЭДХЯМ РАХИМОВИЧ ТЕНИШЕВ

(24.04.1921–11.07.2004)

к 100-летию со дня рождения

№ 1–2 (30–31) 2021

ПАМЯТИ ЭДХЯМА РАХИМОВИЧА ТЕНИШЕВА (1921–2004)

А.В. Дыбо, А.В. Шеймович
г. Москва

Эдхям Рахимович Тенишев – крупный российский востоковед, тюрколог, ученый с широким диапазоном интересов, видный руководитель российской тюркологической науки. Он оставил яркий след практически во всех областях востоковедения – от этнографии и фольклористики до истории, грамматики и диалектологии тюркских и монгольских языков, от исследований древних письменных памятников до подготовки учебных пособий по тюркским языкам.

Э.Р. Тенишев родился 25 апреля 1921 г. в г. Пенза в семье татарских интеллигентов. Род Тенишевых – старинный татарский дворянский род, восходящий к чингизидам улуса Джучи. В XIX – нач. XX вв. пензенская ветвь этой семьи включала многих известных общественных и культурных деятелей татарского народа: например, писатель Захир Бигиев, ученый и реформатор религии Муса Бигиев, врач Осман Тенишев, юрист Якуб Тенишев, офицер, участник русско-японской войны Измаил Тенишев, педагог Айша Тенишева, один из создателей национального театра Рахим Тенишев. Родители, Рахим Мубинович и Амина Алимовна Тенишевы, не жалели усилий для образования сына. Обучаясь в школе, он дополнительно занимался европейскими языками, музыкой, спортом. Склонность к гуманитарным наукам проявилась не сразу. В 1938 г. Эдхям Рахимович поступил в Московский институт инженеров транспорта. Первая научная работа Э.Р. Тенишева «Два решения интеграла Эйлера» была опубликована в 1941 г. Ранняя математическая направленность интересов, видимо, сказалась на всем его последующем творчестве: отсюда кристальная четкость мысли и строгость изложения, поразительная в работах филолога.

В начале Великой Отечественной войны Э.Р. Тенишев обратился в военкомат с просьбой об отправке на фронт, но получил отказ из-за плохого зрения. В военные годы он работал на почте, затем на радиоузле военного завода.

На восточный факультет Ленинградского университета Э.Р. Тенишев поступил лишь по окончании войны. Тогда там преподавал целый коллектив выдающихся ученых, в числе которых были И.Ю. Крачковский (арабист), В.М. Алексеев (ки-

Дыбо Анна Владимировна – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, зав. Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, e-mail: adybo@mail.ru.
Шеймович Александра Валерьевна – младший научный сотрудник, ученый секретарь Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, e-mail: asheimovich@yandex.ru.

таист), В.М. Жирмунский (германист), С.Е. Малов, Н.К. Дмитриев, Н.Н. Кононов (тюркологи), В.В. Струве (историк Древнего Востока), А.В. Холодович (кореист), Д.А. Ольдерроге (индолог), И.П. Петрушевский, А.А. Фрейман (иранисты), И.А. Орбели (специалист по древним культурам народов Ближнего и Дальнего Востока).

Э.Р. Тенишев – студент МИИТа. 1941 г.

Главным учителем Э.Р. Тенишева стал С.Е. Малов. Круг интересов С.Е. Малова был очень обширен – от руники, древнеуйгурского языка до современных тюркских языков. Это определило научные интересы его ученика и создало благоприятные условия для его дальнейшего всестороннего развития.

В 1949 г. Э.Р. Тенишев под руководством С.Е. Малова защитил диплом на тему «Кыпчакский язык и его связь с современными кыпчакскими языками (система спряжений)» и поступил в аспирантуру. Его кандидатская диссертация была посвящена языку древнеуйгурского памятника «Сутра Золотого Блеска», защита состоялась в 1953 г.

В 1954 г. Э.Р. Тенишев переехал в г. Москва и начал работать в Секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР под началом Н.К. Дмитриева. С 1963 г. Э.Р. Тенишев возглавил Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания, впоследствии объединившийся с Сектором финно-угорских языков и в 1990 г. выросший в Отдел урало-алтайских языков. Во времена СССР это подразделение, несомненно, являлось центром тюркологических и монголоведческих исследований, объединяло основные тюркологические силы страны. В нем создавались крупные коллективные труды, на много лет определившие направления развития тюркологии и монголистики.

В 1956 г. Э.Р. Тенишев был командирован в г. Пекин по заданию Президиума АН СССР для оказания помощи китайским коллегам в описании неизученных тюркских языков Китая. Там, предварительно выучив уйгурский язык, он читал на курсах Института национальных меньшинств КНР для студентов и аспирантов

Слева направо: Э.Р. Тенишев, С.Г. Кляшторный, А.Н. Кононов, Э.Н. Наджип, А.Н. Щербак, И. Маликов. Ленинград, 1950-е годы.

лекции по турецкому языку и истории тюркских языков, а также подготовил и сдал в печать – на китайском языке – две монографии: «Введение в изучение тюркских языков» и «Грамматика турецкого языка» – и несколько статей по тюркологии[1]. В это же время он совершает три экспедиции в западный Китай (Синьцзян – 1956 г., Циньхай – 1957 г. и Сюньхуа – 1958 г.), где были собраны уникальные лингвистические, фольклорные, этнографические и исторические материалы, которые впоследствии легли в основу научных трудов, переведенных на китайский и тюркские языки.

Впоследствии исследование языков Центральной Азии стало одним из основных направлений научной деятельности Э.Р. Тенишева.

В 1959 г. по возвращении в Москву Э.Р. Тенишев приступил к обработке и публикации материалов китайских экспедиций. Одна за другой вышли несколько статей по саларскому, сарыг-югурскому языку и уйгурским диалектам Синьцзяна, по древнеуйгурским памятникам; в этих работах были заложены основы представлений об особенностях восточной части центральноазиатского языкового союза, включающего исходно разносистемные языки, получившие ряд общих

[1] Все работы, отсутствующие в списке литературы к статье, см. ниже в Библиографии работ Э.Р. Тенишева.

Сектор тюркских и монгольских языков, 1956 г.

типологических особенностей на основе китайского влияния. Впервые были введены в научный обиход ценнейшие материалы в результате публикации хрестоматии «Саларские тексты» (М.: Наука, 1964) и монографий «Строй саларского языка» (М.: Наука, 1976) и «Строй сарыг-югурского языка» (М.: Наука, 1976). По теме «Строй саларского языка» Э.Р. Тенишев защитил докторскую диссертацию в 1969 г. В этой работе окончательно определен статус саларского как самостоятельного языка (ранее он рассматривался как уйгурский или туркменский диалект), определен диалектный состав саларского языка (выделяется два диалекта) и его генетическая основа (язык огузской группы, наиболее близок к туркменскому). Также Тенишевым были обнаружены особенности, возникшие под кыпчакским влиянием (в результате контактов предков саларов с кыпчаками в XII–XIV вв. в районе Самарканда), и контактные явления, явившиеся следствием соприкосновения с потомками древних уйгуров в Синьцзяне (с XIV в.). Ряд структурных изменений произошел в более позднее время в связи с влиянием китайского, тибетского языка и южномонгольских языков Синьцзяна. Для фонологии это превращение корреляции по глухости-звонкости в корреляцию по силеслабости; появление «глухого» *ř*; ослабление гармонии гласных. В морфологии упростилась словоизменительная система, исконные, тюркские числительные практически полностью заменены на китайские. Изменен порядок слов в предложении, лексика переполнена новыми заимствованиями. В книге «Строй сарыгюгурского языка» было показано, что структурная близость этого языка к саларскому обусловлена теми же факторами влияния китайского языка и синьцзянских

языков (практически те же изменения в фонологии и морфологии, но система числительных сохранилась, сохраняется в основном и синтаксическая система). Генетическая же основа сарыг-югурского языка совсем иная, чем у саларского. По Э.Р. Тенишеву, это *d*-язык типа древнеуйгурского, сохранивший ряд архаических явлений в словоизменении и древнюю тюркскую систему счисления, а также древнюю основу указательного местоимения *ko-* (сохраненную еще только в чувашском). Как предполагает автор, *d*-язык в VIII–IX вв. под влиянием древнекиргизского был заменен на *z*-язык. Таким образом, Э.Р. Тенишев нашел основания для сближения сарыг-югурского с хакасским, шорским, чулымским и фуюйско-киргизским языками. Работы Э.Р. Тенишева по языкам Синьцзяна явились огромным вкладом в тюркологию и одновременно в развитие теории языковых союзов – темы, в дальнейшем составившей одно из направлений его теоретических исследований (резюме его взглядов в этой области можно найти в статье «De la branche orientale de l'alliance de langues centrale asiatique» в сборнике в честь М. Алинеи, 1986 г.). В 1997 г. в г. Бишкек вышла книга Э.Р. Тенишева «Древнекыргызский язык», представляющая собой уникальный опыт реконструкции двух этапов развития киргизского языка: древнего и среднего, как результата взаимодействия сменяющих друг друга диалектных баз; следы этого взаимодействия могут быть обнаружены в других языках. Реконструкции первого этапа дают представление о том раннем языке, на котором был создан киргизский эпос «Манас».

Одновременно Э.Р. Тенишев продолжал исследования по языкам древнетюркских памятников. Одно из направлений, развиваемое в работах его и его учеников – изучение особенностей древних тюркских языков в связи с их принадлежностью к центральноазиатскому языковому союзу. Другое открытое им направление – изучение функционирования древних письменных языков, их использования в этнических сообществах разных эпох. Э.Р. Тенишев доказал смешанный характер языка рунических памятников, показал, что он имел литературную природу, восходя при этом к дописьменному периоду – к существовавшему в устной форме койнэ различных тюркских племен: огузов, уйгуров, кыпчаков, кыргызов. Таким образом, имея дело с отдельным руническим памятником, исследователь может говорить лишь о диалектных особенностях, отразившихся в тексте, а не о собственно диалектной принадлежности памятника. Как литературный Э.Р. Тенишев рассматривал и древнеуйгурский язык, влияние которого впоследствии проходит во всех тюркских литературных традициях. В связи с таким подходом им впервые была поставлена задача реконструкции народных языков, соответствующих определенным литературным языкам, которые дошли до нас лишь в памятниках письменности. Новаторский опыт Э.Р. Тенишева состоял в восстановлении разговорной основы языка жителей Синьцзяна и Турфана в древнеуйгурский период в ее отношении к древнеуйгурскому и современному уйгурскому языкам. На основе его теоретических разработок в области построения истории народно-разговорных и литературных языков с начала 70-х гг. в тюркологии возникает новое направление – составление исторических грамматик литературных тюркских языков.

Основополагающее значение приобрели работы Э.Р. Тенишева для современной тюркской диалектологии, в особенности для диалектологии новоуйгурского языка. Определенные им принципы выделения диалектов тюркских языков

Слева направо: проф. А. Абдуллаев (Азербайджан), проф. Г. Дерфер (Германия), акад. А.Н. Кононов, акад. М.-ага Ширалиев (Азербайджан), проф. Э.Р. Тенишев, проф. Э.В. Севортян. Поездка в Гереме (Турция)

он применил в ряде конкретных исследований. Еще в 1963 г. в статье «О диалектах уйгурского языка Синьцзяна» Э.Р. Тенишев выделил в Синьцзяне три основных диалекта: центральный, южный и восточный (лобнорский). Впоследствии он показал, что лобнорский диалект, постепенно сливаясь с уйгурским, имеет иную этническую основу, чем другие уйгурские диалекты. В 1984 г. Э.Р. Тенишев опубликовал собранные им в экспедициях фольклорные материалы по уйгурским диалектам Синьцзяна в книге «Уйгурские тексты». Тексты подаются по географическим пунктам, в которых они записаны, а пункты идут в соответствии с их распределением по диалектам. В прозаических и поэтических текстах выделяются различные жанры, с которыми связаны некоторые языковые черты. В 1990 г. был опубликован «Уйгурский диалектный словарь», составленный на основе записей, сделанных Э.Р. Тенишевым в синьцзянских экспедициях. Это словарь дифференциального типа, но он включает и те единицы, которые часто выпадают из поля зрения диалектолога, составляющего дифференциальный словарь. Именно в него входят дублеты литературных слов в диалектной фонетике; слова литературного языка, имеющие в диалекте другую семантику; слова литературного языка, входящие как подсистема в обозначение тех или иных понятий в диалекте. Уйгурские слова снабжены ссылками на более ранние диалектологические источники и историко-этимологическим комментарием. К словарю приложен имеющий отдельную ценность для ономастики список специфических имен собственных, встречающихся реально и в фольклорных текстах у уйгуров Синьцзяна. В «Заключении» автор делает ряд важных выводов об исследованной лексике. Оказывается, что ядерная часть уйгурской диалектной лексики (общая для всех

диалектов) обнаруживает большую близость с узбекским языком (тем самым составляя одну из особенностей карлукской группы). Рассмотрены также характерные лексические и фонетические признаки каждого из синьцзянских диалектов. Особенности лобнорского диалекта демонстрируют его близость к киргизскому и горноалтайскому языкам; по-видимому, он отражает один из более ранних этапов развития киргизского языка. Словарь представляет собой ценнейший вклад не только в уйгуроведение, но и в сравнительно-историческую тюркологию в целом.

Э.Р. Тенишеву принадлежит ряд статей, в которых выдвинуты методические и методологические принципы сравнительно-исторического исследования тюркских (и шире, алтайских) языков, а также рассмотрены некоторые узловые конкретные проблемы сравнительно-исторической тюркологии (в частности, фонетики, глагольной морфологии, истории числительных). С начала 70-х гг. под его руководством Сектор тюркских и монгольских языков (позднее – Отдел урало-алтайских языков) работал над большим коллективным трудом «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». Э.Р. Тенишевым была задумана и в значительной степени воплощена долгосрочная программа компаративистского исследования, призванного осветить все уровни пратюркского языкового состояния – задача, решение которой ставит сравнительно-историческую тюркологию вровень с такими разработанными областями компаративистики, как индоевропеистика и сравнительно-исторические грамматики отдельных индоевропейских групп. Четыре из вышедших томов («Фонетика» (1984), «Морфология» (1989), «Лексика» (1998) и «Региональные реконструкции» (2002)) созданы при его непосредственном участии. В томе «Фонетика» его перу принадлежат введение, очерк о щелевых и аффрикатах, а также о *j*-образных соответствиях («Соответствие $j \sim ǯ \sim ž$», «Соответствие $j \sim j̃ \sim n \sim ń$»). Введение содержит очерк принципов и методов, на которые опирались авторы коллективной монографии. В книге ставится задача системного описания фонологических и фонетических явлений, свойственных различным этапам в существовании тюркских языков. Проблема периодизации поставлена не только для эпохи раздельного существования языков, но и для пратюркского; выделяется по крайней мере две стадии – раннепратюркская (предтюркская) и позднепратюркская (переходная к отдельным диалектным группам). В применении сравнительно-исторической процедуры утверждается приоритет внешней реконструкции. Результаты сравнительно-исторического анализа поддерживаются применением ареальных и типологических методов. Реконструкция дается в пределах тюркских языков, но для контроля, а также при изложении отдельных узловых моментов истории тюркских фонологических систем учитываются данные внешнего сравнения с алтаистических позиций. В очерках по конкретным частям фонологической системы Э.Р. Тенишев применял и развивал эти принципы. Для каждой фонемы рассматривается вопрос, может ли она восстанавливаться как входящая в раннепратюркскую и позднепратюркскую системы, или же она возникает вторично, и под влиянием каких причин. История фонем дана по морфонологическим позициям: положению в слове и в различных типах морфем. Один из важных конкретных выводов – возведение к пратюркскому архетипу *j*- в ряду с носовыми рефлексами; подтверждается точка зрения, согласно которой назализация здесь является поздней и позиционной. В томе «Морфология» Э.Р. Тенишеву принадлежат «Предисловие» и «Введение»,

Тюркологический конгресс в г. Стамбуле (Турция). 1990-годы

в котором определяются основные особенности, общие для морфологического строя тюркских языков. Им же написаны разделы «Категория числа», где рассмотрены все форманты, которые могут претендовать на значение множественности, коллективной множественности и парности в пратюркском, и «Числительные», где тщательно разбираются разнообразные этимологии тюркских количественных числительных, а также все когда-либо существовавшие у тюрок способы обозначения чисел; этимологии числительных увязываются с предполагаемыми древними системами счисления. При рассмотрении типов числительных учитывается также такая лексическая группа, как нумеративы; для пратюркского восстанавливаются конструкции с нумеративами, что сближает его с языками Восточной Азии.

IV том издания, выполненный под руководством и при авторском участии Э.Р. Тенишева, – «Лексика» – это реконструкция категориальной и культурной лексики пратюркского языка. Она посвящена в первую очередь реконструкции лексикона пратюркского языка и прослеживанию его эволюции в современных и древних тюркских языках. В работе проведено рассмотрение лексики, входящей в пратюркский лексикон, по лексико-семантическим классам, в стандартном тезаурусном порядке. Перу Э.Р. Тенишева принадлежат предисловие и введение книги, где обсуждается идеология представленной работы, а также разделы «Растительный мир» и «Элементы духовной культуры» – «Символика чисел», «Фрагменты ритуально-поэтических и мифологических текстов» (последний включает реконструкцию фрагментов текстов для позднепратюркского уровня, а также реконструируемые сведения о поэтической речи).

Ко времени появления книги была уже подготовлена почва для подобной работы: имелись два изданных этимологических словаря тюркских языков; вышли шесть томов Этимологического словаря тюркских языков (выполнявшихся в том же Отделе урало-алтайских языков Института языкознания) [ЭСТЯ], который включает обще- и межтюркскую лексику в наиболее полном объеме. Было опубликовано значительное число лексикологических разработок синхронного плана

по отдельным тюркским языкам и ряд реконструктивных работ по отдельным лексико-семантическим группам (цветообозначения, названия животных, растений, оружия, частей тела и под.). Однако до того еще не предпринималось попыток суммирования этой информации и реконструкции пратюркского лексикона как такового. Книга заполнила эту лакуну, наличие которой, впрочем, является общим местом практически для всех реконструируемых к настоящему времени праязыков. Реконструкция пралексикона позволяет приблизить наши представления о праязыке к реальности, так как, с одной стороны, описывает лексику этого праязыка как целостный языковой страт в его функционировании (как должна описываться лексика реальных языков); с другой стороны, поскольку лексические средства языка служат для расчленения и восприятия действительности, постольку их реконструкция имеет особую важность этнокультурного порядка, позволяя составить представление о действительности, окружавшей членов этноса-носителя праязыка, и об их восприятии ее. Идея создания лексикологии праязыка была достаточно новой теоретически; подход к таковой можно найти во второй части труда В.В. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [Гамкрелидзе, Иванов 1984], однако в основном в плане восстановления «картины мира» (практически не затрагиваются ономасиологические аспекты). В процессе анализа лексикона авторы освещали и вопросы происхождения пратюркской лексики: заимствования в пратюркский из других языков; пратюркскую лексику, восходящую к праалтайской; собственно пратюркские новообразования; последующие источники заимствований и основные типы новообразований в отдельных тюркских группах и языках.

V том серии «Региональные реконструкции», также созданный при руководстве и активном участии Э.Р. Тенишева, был посвящен реконструкции региональных тюркских праязыков. Основное его содержание – рассмотрение языковых систем современных тюркских языков и диалектов, а также письменных памятников, и создание ступенчатой реконструкции по генетическим группам, что позволяет значительно более полно представить историю тюркских языков, разделения и скрещивания их диалектных систем и в конечном счете приводит к уточнению пратюркской реконструкции. Э.Р. Тенишеву принадлежит глава «Кыргызская группа», включающая реконструкцию языка-основы «группы кыргызских (или *z*-) языков», которой послужили материалы пяти современных языков с их диалектами – хакасского, шорского, чулымско-тюркского, сарыг-югурского и фуюйско-кыргызского. Использованные методы исследования совмещали в себе сравнительно-исторические и лингвогеографические/ареалогические аспекты. Следует отметить, что, работая с лингвогеографическими данными, авторский коллектив, руководимый Э.Р. Тенишевым, ставил перед собой компаративистскую задачу и потому исходили в любом случае из «древесной» модели изменения языкового явления. Генеалогические деревья для разных языковых явлений при этом оказываются различными (например, дерево для лексики устроено иначе, чем дерево для фонетики данной языковой семьи), но тем не менее внутри каждого из них древесность сохраняется, и в случаях ее нарушения ставится вопрос о заимствовании и его направлении (а не применяется «волновая модель», которую невозможно использовать при реконструкции в силу отсутствия достаточной жесткости. В сравнительно-исторической лингвогеографии приходится ис-

ходить из наличия жестких объектов типа языка и диалекта, независимо от того, что на разных этапах своего существования этот объект может объединяться с другими такими же в различные группы. Действительно, если в момент вхождения диалекта в некоторую группировку в нем возникает определенная инновация, общая для этой группировки, то при исследовании рефлексов этой инновации для нас исходным узлом генеалогического дерева будет именно эта группировка; предположим, однако, что в части диалектов этой группировки имеются следы архаического явления, общие с чертами диалектов другой группировки. В этом случае получается другое, причем, очевидно, более старое дерево с другими узлами, соответствующими другим, более старым группировкам диалектов. Таким образом, лингвогеографический подход в данной форме позволяет получить относительную хронологию перегруппировок диалектов или близкородственных языков).

Практика показала высокую адекватность традиционной генетической классификации тюркских языков; однако при отсутствии специальных работ по реконструкции отдельных тюркских семей утверждения о характеристиках этих семей по необходимости носят скорее типологический характер. С другой стороны, без достаточно подробных представлений о пратюркском как языковом состоянии, лежащем между праалтайским и отдельными тюркскими группами, невозможно было адекватное описание отношений между диалектными системами тюркских языков в их динамике, что не позволяло впрямую заниматься реконструкциями тюркских групп. Теперь стал возможным челночный возврат к изучению этой проблематики. Ступенчатая реконструкция позволяет значительно уточнить пратюркскую реконструкцию, сужая выбор при неединственности возможных интерпретаций.

Последний, VI том «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» вышел в свет уже после кончины Э.Р. Тенишева, в 2006 г. Он состоит из двух частей: «Пратюркский язык» и «Картина мира пратюрков». Э.Р. Тенишевым был подготовлен материал трех глав, вошедших во вторую часть книги: «Символика чисел», «Реконструкция фрагментов текста», «Свидетельства о поэтической речи» [СИГТЯ 2006: 629–647]. В исследовательскую программу вошло рассмотрение языковых особенностей, могущих быть реконструированными для системы языка-предка современных тюркских языков и диалектов периода его распада, а также исследование возможности выявления предшествующих языковых состояний в связи с положением пратюркского языка среди алтайских. Кроме того, на основании грамматических и лексических данных была реконструирована в общих чертах языковая картина мира пратюрка – опыт, совершенно новый в сравнительно-историческом языкознании, представляющий значительный методологический интерес. Выявление инновационных и архаических явлений, результатов системного развития в полученной на предыдущем этапе работы общей картине ареально-генетического членения диалектного континуума, образовавшегося после распада пратюркского языка, построение относительной хронологии процессов привели к относительно точному представлению об исходной языковой системе, т. е. пратюркском языке-основе. На основании грамматической и лексической реконструкции пратюркского состояния выявляется языковая картина мира носителей пратюркского языка, систематизируются данные об их духовной и материальной культуре.

Все эти работы, будучи органическим продолжением предшествующего творчества Э.Р. Тенишева, имеют для сравнительно-исторической тюркологии этапное значение.

С 1995 г. Э.Р. Тенишев начал заниматься тюркскими языками Крыма – крымскотатарским, караимским, крымчакским. Он был куратором издания серии монографий, посвященных языкам и истории Крыма, в частности, таких крупных источников по истории Крыма, как экспедиционный отчет Палласа (XVIII в.) и записки Эвлия Челеби (XVI в.).

В 1997 г. вышел коллективный труд «Тюркские языки» (в серии «Языки мира») объемом 50 п. л. Это энциклопедическое издание не имеет аналогов в мировой тюркологии: здесь описано около сорока древних и новых тюркских языков. Э.Р. Тенишев был его ответственным редактором и автором многих статей.

Приведенными направлениями круг научных интересов Э.Р. Тенишева далеко не ограничивался. Его привлекали и проблемы контактов тюркских языков с монгольскими, уральскими и западноевропейскими языками, и тибетология (ему принадлежит описание тибетского говора Амдо). Как монголист он участвовал в проекте «Сравнительно-историческая грамматика монгольских языков». Фольклористы высоко ценят его работы по фольклору тюркских народов; с 1990 г. он был руководителем фундаментальной серии «Эпос народов Евразии» в ИМЛИ им. М. Горького. Под редакцией Э.Р. Тенишева вышли пять двуязычных публикаций – киргизский, карачаево-балкарский, карело-финский и бурятский эпосы. III и IV книги «Манаса» завершили первое полное двуязычное комментированное издание эпоса (что было отмечено на юбилейной конференции 1995 г. в г. Бишкек), а также был издан узбекский эпос «Алпамыш».

Широко известны и этнографические труды Э.Р. Тенишева, посвященные разнообразным аспектам материальной и духовной культуры тюрок. В 1995 г. вышли представляющие немалый интерес для этнографов дневники его путешествий по Синьцзяну, Тибету и Центральному Китаю [Тенишев 1995].

Широта и многогранность научных интересов Э.Р. Тенишева, прекрасное владение не только научными, но и человеческими аспектами организации коллективной работы сделали его выдающимся руководителем тюркологической науки. С 1963 по 2004 гг. он был заведующим Сектором тюркских и монгольских языков (впоследствии Отделом урало-алтайских языков) Института языкознания РАН. Под его научным и административным руководством отдел выпустил большое число исследований, хорошо известных специалистам. Намеченная Э.Р. Тенишевым программа научной деятельности Отдела строилась по целевому принципу: выполнение обобщающих сравнительно-исторических и исторических (историческая грамматика, история литературного языка, языки памятников), ареально-диалектологических, грамматических, лексиколого-этимологических и типологических исследований, имеющих актуальное значение для теории и практики и не выполнимых пока силами других учреждений (как у нас, так и за границей), введение в научный оборот нового материала, библиография и история науки.

В основу работы отдела разработанная Э.Р. Тенишевым программа ставит интерес к фундаментальным проблемам алтайского языкознания, прежде всего к сравнительно-исторической тюркологии. Уже упоминалась выше фундаменталь-

ная многотомная «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». Кроме ее лексикологического раздела (в котором реконструировано около 1000 основ) и «Этимологического словаря тюркских языков» предполагалась особая серия «Тюркские лексические реконструкции», которая будет издаваться в течение длительного периода (15–20 тыс. основ).

По мнению Э.Р. Тенишева, проработанные реконструкции позволяют начинать отсчет формирования современных тюркских языков. Опираясь на реконструкции древнего и среднего периода, тюрколог, историк отдельного языка, получит возможность составлять историческую грамматику современных тюркских языков, привлекая для этой цели и диалектный материал живых языков.

Вместе с изложенным выше ходом исследований по истории тюркских языков живого, диалектного типа Э.Р. Тенишев наметил другую линию исторических исследований в отделе – изучение истории литературных (книжно-письменных) языков тюрков донациональной поры (с VIII по XVI–XVII вв.) – рунического, древнеуйгурского, караханидско-уйгурского, хорезмско-тюркского, чагатайского, языка тюрки – периодов как единой цепи. Первые публикации в этой области появились в 1997 и в 2000 гг. В настоящее время идет к завершению работа над изданием. Это новое направление впервые начало разрабатываться именно в российской тюркологии.

По плану Э.Р. Тенишева после 2005 г. в отделе должен был начаться заключительный этап работы над трехтомником «Основы тюркского языкознания» – углубленное введение в изучение тюркских языков. Первый том трехтомника – «Диалекты тюркских языков» – вышел в 2010 г. [Диалекты тюркских языков 2010]. Он представляет собой составленное по единой схеме описание диалектных систем современных тюркских языков. Второй, исторический том планировалось посвятить реконструкциям и языкам памятников; третий том – кодификации различных направлений изучения современных тюркских языков с приложением сжатого формального описания тюркских языков и новой их классификации. Планировалась активизация изучения современных тюркских языков, применение к их описанию новых методик, таких как логический анализ языка, теория речевых актов, теория дискурса и под.

Изменившийся научный инструментарий внес в эти планы свои коррективы, хотя и не поменял кардинально их содержание. Работа над реконструкцией пратюркской лексики в настоящее время продолжается уже в форме построения иерархической базы данных, связывающей грамматические словари отдельных языков и отдельных групп языков, с углубленным изучением семантических процессов, происходивших в различных ветвях тюркской семьи. В рамках интегрального описания тюркских языков выстраивается постепенно система аннотированных корпусов тюркских языков и диалектов, которая позволяет построить машинно-реализуемые грамматики; в ту же систему баз данных и корпусов включаются памятники тюркской письменности; так, в настоящий момент под руководством И.В. Кормушина ведется работа по созданию компьютерной версии словаря Махмуда Кашгарского. В последнее десятилетие отдел особенно много места уделяет полевой работе по описанию сохранившихся до настоящего времени живых диалектов, созданию фонетических диалектных словарей и звучащих корпусов диалектов. Эта работа позволяет значительно более системно

представить и реконструкцию пратюркской фонетики и морфологии, и процессы, происходившие и происходящие в тюркских языках, как генеалогического (дивергентного), так и ареального (конвергентного) характера.

Что касается монгольских языков, Э.Р. Тенишев предполагал продолжать серию историко-типологических работ по грамматике монгольских языков, начатых в середине 90-х гг. XX в. В связи с этим он предусматривал подготовку монографий по каждому из уровней языка: фонетике, морфологии, синтаксису и лексике. Такая серия принципиально продвинула бы вперед понимание эволюции строя монгольских языков в типологическом отношении и стала бы надежным подспорьем в разработке основ сравнительно-исторической грамматики монгольских языков.

Э.Р. Тенишев возглавлял Комитет тюркологов при ОЛЯ РАН с 1986 по 2004 гг. В декабре 1996 г. по его инициативе было организовано Московское объединение тюркологов при Комитете в целях активизации исследовательской и информационной деятельности в тюркологии. Много времени и сил Э.Р. Тенишев посвящал восстановлению научных связей между тюркологами Москвы (Институт языкознания РАН и ИСАА МГУ), Киева и Стамбула, в частности, в исследовании тюркологических проблем Крыма.

С 1977 г. Э.Р. Тенишев состоял в Главной редакции Лингвистического атласа Европы – международного предприятия при ЮНЕСКО. Он подготовил более 20 докторов и около 30 кандидатов наук, успешно работающих в тюркологии. За выдающиеся научные и научно-организаторские заслуги в 1982 г. Э.Р. Тенишев был избран почетным членом Турецкого лингвистического общества, а в 1984 г. – членом-корреспондентом АН СССР. С 1982 г. он являлся также членом-корреспондентом Финно-угорского общества.

Э.Р. Тенишев не замыкался на чисто научной деятельности. Много сил и времени он отдавал огромной культурной работе, возглавляя с момента его возникновения Научный совет по сохранению и развитию культур народов России при Фонде культуры. Такой выбор оказался естественным для ученого, книги которого являются подлинным памятником исчезающим языкам и народам Западного Китая. Совет объединил культурологов, социологов, этнографов, лингвистов, историков, журналистов, заинтересованных в решении социокультурных проблем малых народов. В рамках программ Совета были созданы секции по сохранению и развитию культур народов Севера, турок-месхетинцев, цыган, ногайцев, караимов, Алеутский культурный центр. Была проведена большая работа по решению культурных проблем вепсов, крымских татар, шорцев. Совет организовывал экспедиции, снимал этнографические видеофильмы, проводил выставки народного прикладного искусства. По настоящее время ведется поддержка этнического образования. Значение этой деятельности в наше время, когда мы становимся свидетелями исчезновения этносов, их культур – невосполнимой утраты для человечества – неоценимо для мировой культуры.

Последние годы жизни Э.Р. Тенишев значительное время уделял работе в Татарском дворянском собрании. Татарское дворянское собрание является коллективным членом Русского дворянского собрания. Из различных сторон его деятельности наиболее интересны исследования по восстановлению генеалогиче-

ских древ дворянских родов России. По общей оценке, около трети русских дворянских родов имеют восходящие к средневековью татарские связи. Часто из татарского княжеского рода выделялась ветвь, принявшая православие и таким образом вошедшая в русское дворянство. Иногда момент разделения татарской и русской ветвей уже затемнен и требует дополнительных архивных «раскопок». Э.Р. Тенишев с его мышлением, воспитанным в рамках наиболее точной из исторических наук – исторического языкознания, принимал плодотворное участие в этих исследованиях, призванных пролить свет на наименее востребованную XX веком историю – историю личностей.

Литература

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2 т. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – 1409 с. {*Thomas V. Gamkrelidze, Vyach.V. Ivanov.* Indo-European and the Indo-Europeans. In 2 volumes. – Tbilisi: Tbilisi University publishing house, 1984. – 1409 p.}

Диалекты тюркских языков 2010 – Диалекты тюркских языков: очерки / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – 533 с. {Dialects of Turkic languages: sketches / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. – 533 p.}

СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 6: Пратюркский язык-основа: картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. *Э.Р. Тенишев*. – М., 2006. – 912 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Volume 6: Proto-Turkic basis language: the picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to the language data / Ed. by *E.R. Tenishev*. – Moscow, 2006. – 912 p.}

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Т. I: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Авт. сл. статей *Э.В. Севортян*. – М., 1974. – 768 с. {Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 1: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with vowels / The author of articles: *E.V. Sevortyan*. – Moscow: Nauka, 1974. – 768 p.}

Этимологический словарь тюркских языков. Т. II: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Авт. сл. статей *Э.В. Севортян*. – М., 1978 – 349/352 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. Volume 2: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with letter «B» / The author of articles: *E.V. Sevortyan*. – Moscow: Nauka, 1978. – 349/352 p.}

Этимологический словарь тюркских языков. Т. III: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» / Авт. сл. статей *Э.В. Севортян*. – М., 1980. – 395/390 с. {Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 3: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with letters «V», «G», «D» / The author of articles: *E.V. Sevortyan*. – Moscow: Nauka, 1980. – 395/390 p.}

Этимологический словарь тюркских языков. Т. IV: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ӂ», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей *Э.В. Севортян*, *Л.С. Левитская*. Ред. *Н.З. Гаджиева*. – М., 1989. – 196 с. {Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 4: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with letters «Ž», «J̌», «J̵» / The authors of articles: *E.V. Sevortyan, L.S. Levitskaya*. Ed. by *N.Z. Gadziyeva*. – Moscow: Nauka, 1989. – 196 p.}

Этимологический словарь тюркских языков. Т. V: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей *Л.С. Левитская*, *А.В. Дыбо*, *В.И. Рассадин*. Рецензенты *Э.Р. Тенишев*, *Е.А. Грунина*. Отв. ред. *Г.Ф. Благова*. – М.: Языки Русской Культуры, 1997. – 368 с. {Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 5: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with letters «K», «Q» / The authors of articles: *L.S. Levitskaya*, *A.V. Dybo*, *V.I. Rassadin*. Reviewers: *E.R. Tenishev*, *E.A. Grunina*. Ed. by *G.F. Blagova*. – Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997. – 368 p.}

Этимологический словарь тюркских языков. Т. VI: Общетюркские и межтюркские основы Авт. сл. статей *Л.С. Левитская*, *А.В. Дыбо*, *В.И. Рассадин*. Отв. ред. *Г.Ф. Благова*. – Москва: Индрик, 2000. – 266 с. {Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 6: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with letter «Q» / The authors of articles: *L.S. Levitskaya*, *A.V. Dybo*, *V.I. Rassadin*. Ed. by *G.F. Blagova*. – Moscow: Indrik, 2000. – 266 p.}

Этимологический словарь тюркских языков. Т. VII: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей *Л.С. Левитская*, *Г.Ф. Благова*, *А.В. Дыбо*, *Д.М. Насилов*. Отв. ред. *А.В. Дыбо*. – М.: Восточная литература, 2003. – 446/448 с. {Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 7: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with letters «L», «M», «N», «P», «S» / The authors of articles: *L.S. Levitskaya*, *G.F. Blagova*, *A.V. Dybo*, *D.M. Nasilov*. Ed. by *A.V. Dybo*. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. – 446/448 p.}

Библиография основных научных трудов Э.Р. Тенишева

Список сокращений

ВЯ	журнал «Вопросы Языкознания»
ИВЛ	изд-во Восточной литературы
ЛЭС	Лингвистический энциклопедический словарь
НАА	журнал «Народы Азии и Африки»
СТ	журнал «Советская тюркология»
СЭ	журнал «Советская этнография»
ЭВ	журнал «Эпиграфика Востока»
AOH	журнал «Acta Orientalia Hungarica»
MSFOu	«Mémoires de la Société Finno-Ougrienne»
UAJb	журнал «Uralo-Altaische Jahrbücher»

1951

1. Совет уйгуршунасиниң йеңи китави (В связи с выходом в свет книги: С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. АН СССР, 1951) // Йеңи һайат. – Алма-Ата, 1951. – № 12 (81). – С. 31–32.

1953

2. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1953. – 16 с.
3. К истории узбекского языка (повесть об «Обитателях пещеры») // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию: сб. статей. – М., 1953. – С. 275–278.

1957

4. Памяти С.Е. Малова // Хань юй (Китайский язык). – Пекин, 1967. – № 12. – С. 37–39. (На кит. яз.)

1958

5. Руническая надпись на утесе р. Чарыша (Алтай) // ЭВ. – М.–Л., 1958. – XII. – С. 62–66.
6. Три документа о продаже Бинь Туна (Шань Биня), написанные на древнеуйгурском языке, и жалоба (Бинь Туна) на своего хозяина // Каогу сюбао (Археология). – Пекин, 1958. – № 2 (20). – С. 109–120 и 4 стр. фотокопий. (На кит. яз., аннотация на рус. яз, транскрипция документов – в латинской граф.) (в соавт. с Фэн Цзяшен)

1959

7. Грамматика турецкого языка. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 1959. – 209 с. (На кит. яз.)
8. Рец.: Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика (Алма-Ата, 1957) // ВЯ. – 1959. – № 2. – С. 136–138.

1960

9. Вопросы исторического развития лексики тюркских языков // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР / Н.З. Гаджиева Ф.Г. Исхаков, А.А. Коклянова, Л.А. Покровская, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак, А.А. Юлдашев. Под рук. Н.К. Дмитриева и Е.И. Убрятовой. – М., 1960. – 27 с.
10. Воспоминания желтых уйгуров о С.Е. Малове // Изв. АН КазССР. Сер. филологии и искусствоведения. – Алма-Ата, 1960. – Вып. 1 (14). – С. 63–65.
11. Из наблюдений над саларским языком (о влиянии китайского языка на саларский) // ВЯ. – 1960. – № 4. – С. 97–102.

12. Три новых уйгурских документа из Турфана // Проблемы востоковедения. – М., 1960. – № 3. – С. 141–149 и 3 стр. фотокопий. (в соавт. с Фэн Цзяшен)
13. Probleme historischer Entwicklung der Lexik der Türksprachen. – Moskau: Verlag für orientalische Literatur, 1960. – 36 S. (XXV Internationaler Orientalisten Kongress, см. № 9).

1961

14. Введение в изучение тюркских языков. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 1961. – 544 с. (На кит яз.)
15. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С. 232–293.
16. Новые труды по уйгуристике (лексикологический анализ книги А.Т. Кайдарова «Парные слова в современном уйгурском языке», Алма-Ата, 1958 и изданного А. фон Габен и В. Винтером «Türkische Turfantexte», IX–X, Berlin, 1958–1959) // ВЯ. – 1961. – № 1. – С. 134–137.
17. О значении слова *Taklamakan* // Труды Ин-та яз. и лит АН КазССР. Т. 2. Вопросы уйгурской филологии. – Алма-Ата, 1961. – С. 38–40.
18. Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыг-югурам // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1961. – Т. 20, вып. 2. – С. 180–184.

1962

19. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // СЭ. – 1962. – № 1. – С. 59–66.
20. Sur le folklore et la langue des salars // AOH. – Budapest, 1962. – T. 14, вып. 3. – С. 253–272.
21. Рец.: Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь (М., 1961) // ВЯ. – 1962. – № 3. – С. 145–147.
22. Рец..: Philologiae Turcicae Fundamenta. 1 (Wiesbaden, 1959) // ВЯ. – 1962. – № 1. – С. 105, 115–117.

1963

23. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. Тюркологические исследования: сб. статей. – М.–Л., 1963. – С. 136–151.
24. Памяти Ф.Г. Исхакова // Уч. Записки Хак. НИИЯЛИ. – Абакан, 1963. – № 9. – С. 118–136.
25. Саларский язык. – М., 1963. – 55 с.
26. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. – Баку, 1963. – С. 124–135.
27. Указатель грамматических форм Махмуда Кашгарского // Труды Ин-та языкознания АН КазССР, т. 3. Вопросы казах, и уйгур, языкознания. – Алма-Ата, 1963. – С. 190–212.

1964

28. Древнеуйгурские надписи Киргизии // НАА. – 1964. – № 1. – С. 146–149.
29. Еще раз о происхождении лобнорцев. – М.: Наука, 1964. – 9 с. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, см. № 56).
30. О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков: сб. статей. – М.–Л., 1964. – С. 128–131.
31. Саларские тексты. – М.: Наука, 1964. – 141 с.

1965

32. Доланы и их язык // Исследования по уйгурскому языку. 1. – Алма-Ата, 1965. – С. 94–103.
33. Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке // Исследования по грамматике и лексике тюркских языков: сб. статей. – Ташкент, 1965. – С. 37–77.

1966

34. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. – М., 1966. – С. 262–265.
35. Изучение древнетюркских языков за сорок лет (1926–1966) // Тюркологическая конференция (при Ин-те лит. и яз. им. Низами АН АзССР). – Баку, 1966. – С. 10–11.
36. О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР) // ВЯ. – 1966. – № 1. – С. 88–96.
37. Салары // Народы Восточной Азии. – М.–Л., 1966. – С. 641–645.
38. Юйгу // Народы Восточной Азии. – М.–Л., 1966. – С. 647–651.
39. Язык желтых уйгуров // Языки народов Азии и Африки. Раздел «Язык сарыг-югуров». – М.: Наука, 1966. – 84 с. (в соавт. с Б.Х. Тодаевой)

40. Рец.: Материалы по татарской диалектологии (Казань, 1962) // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 4. – Баку, 1966. – С. 214–222.
41. Ред.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 4. – Баку, АН АзССР, 1966. – 235 с.
42. Ред.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – 531 с.

1967

43. Заметки о саларской лексике // Филология и история тюркских народов: тезисы докладов. – Л., 1967. – С. 38. (См. № 67).
44. К истории тюркского условного наклонения // Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Тезисы сообщений. – М., 1967. – С. 31–32.
45. Профессор Гуннар Ярринг. (к 60-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1967. – Т. 26, вып. 6. – С. 560–561. (в соавт. с Н.А.Баскаковым)
46. Профессор Гуннар Ярринг, Узбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 1967. – № 5. – С. 66–67. (На узбек. яз.) (в соавт. с Н.А.Баскаковым)
47. Тюркские языки. 1 // Советское языкознание за 50 лет. – М., 1967. – С. 251–255.
48. Отв. ред.: Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. – М.: Наука, 1967. – 220 с.

1968

49. О монографическом и лингвогеографическом изучении тюркских диалектов // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Фрунзе, 1968. – С. 171.
50. Ред.: Тувинско-русский словарь. – М.: Сов. энцик., 1968. – 646 с.

1969

51. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII. – 676 с. (в составе авторов и редакторов)
52. Строй саларского языка: автореф. дис. … докт. филол. наук. – М., 1969. – 104 с.
53. Уйгурская эпиграфика Синьцзяна // Исследования по тюркологии: сб. статей, посв. акад. С.К. Кенесбаеву. – Алма-Ата, 1969. – С. 79–91.
54. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология / Ред. кол.: Х.Р. Курбатов, Л.Т. Махмутова, Л.П. Смолякова, Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1969. – 380 с.

1970

55. Ахнеф Ахметович Юлдашев (к 50-летию со дня рождения) // СТ. – 1970. – № 3. – С. 142–143.
56. Еще раз о происхождении лобнорцев // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964; Труды, т. 9. – М., 1970. – С. 355–360. (Перепеч. № 29)
57. Из стихов Смаила Тонука (лобнорского поэта) // Тюркологические исследования: сб. статей, посвящ. акад. К.К. Юдахину. – Фрунзе, 1970. – С. 249–254.
58. Координационное совещание по вопросам татарского и башкирского языкознания (Казань, апрель 1970) // СТ. – 1970. – № 2. – С. 138–139.
59. «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук» // СТ. – 1970. – № 4. – С. 24–31.
60. «Кутадгу билиг» ва «Олтин ерик» // Узбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 1970. – № 6. – С. 29–36.
61. Место кыпчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков // Изв. АН КазССР. Сер. общественная. – Алма-Ата, 1970. – № 5. – С. 78–81.
62. Место саларского и сарыг-югурского языков в системе тюркских языков // Исследования по уйгурскому языку. 2. – Алма-Ата, 1970. – С. 49–53.
63. Николай Александрович Баскаков (к 65-летию со дня рождения) // СТ. – 1970. – № 2. – С. 146–147. (в соавт. с А.А. Юлдашевым)
64. Новый источник чагатайского языка раннего периода // СТ. – 1970. – № 1. – С. 82–83.
65. Рец.: Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка (Алма-Ата, 1969) // СТ. – 1970. – № 2. – С. 117–118.

1971

66. Заметка об уйгурских языках // ВЯ. – 1971. – № 1. – С. 89–90.
67. Заметки о саларской лексике // Вопросы тюркологии (к 60-летию акад. АН АзССР М Ш. Ширалиева). – Баку, 1971. – С. 165–171.
68. К истории тюркского условного наклонения // Studia Turcica (Bibliotheca Orientalis Hungarica, XVII). – Budapest, 1971. – С. 441–449.

69. К понятию «общетюркское состояние» // СТ. – 1971. – № 2. – С. 13–16.
70. Камень с рунической надписью из Юрьева (Марийская АССР) // Лингвистический сборник (посв. В.В. Решетову). – Ташкент, 1971. – С. 21–23.
71. Перебой *s*/*š* в тюркских рунических памятниках // Структура и история тюркских языков: сб. статей. – М., 1971. – С. 289–295.
72. Рец.: Саттаров Г.Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики (Казань, 1970) // СТ. – 1971. – № 5. – С. 124–126.
73. Ред.: Современный татарский литературный язык. Синтаксис / Х.Р. Курбатов, Л.Т. Махмутова, Л.П. Смолякова, Э.Р. Тенишев. – М.: Наука,1971. – 261 с.

1972

74. В.В. Радлов – фонетист и грамматист // Тюркологический сборник 1971. – М., 1972. – С. 32–41.
75. О состоянии и перспективах развития тюркского языкознания // СТ. – 1972. – № 2. – С. 125–126.
76. Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет // СТ. – 1972. – № 6. – С. 13–15.
77. Ольга Ивановна Иванова-Шацкая (к 75-летию со дня рождения) // СТ. – 1972. – № 3. – С. 131–132. (в соавт. с Л.А. Покровской)
78. Рец.: Садвакасов.Г. Язык уйгуров Ферганской долины (Алма-Ата, 1970) // ВЯ. – 1972. – № 2. – С. 139–140.

1973

79. Говор урумов села Прасковеевки // СТ. – 1973. – № I. – С. 92–96. (То же на турец. яз., см. № 93)
80. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // СТ. – 1973. – № 5. – С. 119–124.
81. О фольклоре сарыг-югуров // Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В.М. Жирмунского (сб. статей). – Л., 1973. – С. 367–369.
82. П.М. Мелиоранский – языковед // Тюркологический сборник, 1972. – М., 1973. – С. 18–23.
83. Руническая надпись из Кувы // Восточная филология, 3. – Тбилиси, 1973. – С. 263–265.
84. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // СТ. – 1973. – № 2. – С. 40–45.
85. Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский // СТ. – 1973. – № 6. – С. 54–61.
86. Отв. ред.: Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973. – 408 с.

1974

87. О работе над «Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза» // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. – Л., 1974. – С. 101–107.
88. О центральноазиатском шаманизме // Историко-филологические исследования. Сб. статей памяти Н.И. Конрада. – М., 1974. – С. 339–343.
89. Принципы выделения диалектов уйгурского языка // ВЯ. – 1974. – № 5. – С. 124–129.
90. Рец.: Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропотопонимнары (Татарстан авылларының исемнәре) (Казан, 1973) // СТ. – 1974. – № 2. – С. 102–104.

1975

91. Мордовские заимствования в татарском языке. Финно-угорские народы и Восток. Тезисы. Тарту, ноябрь 1975. – Тарту, 1975. – С. 70–75.
92. Об отражении диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы. Баку, октябрь 1975. – М., 1976. – С. 106–108. (См. № 99)
93. Praskoveyefka köyündeki urumların lehcesi // Türk Dili. Bilimsel Kurultayına Sunulan Bildiriler. – Ankara, 1975. – С. 349–353.
94. Отв. ред.: Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

1976

95. Академик А.Н. Кононов – ученый и организатор науки (в связи с 70-летием со дня рождения) // СТ. – 1976. – № 3. – С. 66–71.
96. Ареальные явления в саларском и сарыг-югурском языках // Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы. – Алма-Ата, 1976. – С. 52–53.

97. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова: сб. статей. – М., 1976. – С. 230–232.
98. О языке калмыков Иссык-Куля // ВЯ. – 1976. – № 1. – С. 82–87.
99. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // СТ. – 1976. – № 1. – С. 27–33.
100. О построении истории народно-разговорного и литературного языков // Тюркологические исследования: сб. статей. – М., 1976. – С. 230–232.
101. Отрывок из «Истории саларов» (XVII–XVIII вв.) // UAJb. – Wiesbaden, 1976. – Bd. 48. – С. 237–248.
102. Саларские числительные // Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Nemeth. – Budapest, 1976. – С. 159–162.
103. Строй саларского языка. – М.: Наука, 1976. – 575 с.
104. Строй сарыг-югурского языка. – М.: Наука, 1976. – 307 с.
105. Эпиграфика. Тюркские надписи // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. – М., 1976. – С. 566–567.
106. Mongolische Entlehnungen in der Sprache der «Šira Uighuren» // Tractata altaica Denis Sinor sexagenario dedicata. – Wiesbaden. 1976. – С. 633–640.
107. Ред.: Всесоюзная тюркологическая конференция. Секция 1. Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы / Ред. кол.: А.Н. Кононов, С.К. Кенесбаев, Н.А. Баскаков, Э.Р. Тенишев.
108. Отв. ред.: Тюркологические исследования: сб. статей. – М.: Наука, 1976. – 272 с.
109. Отв. ред.: Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова / Ред.: С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян. – Л.: Наука, 1976. – 364 с.

1977

110. Исследование типологии древнетюркских литературных языков. Тезисы докладов 1-го Международного симпозиума ученых социалистических стран. Ч. 2. – М., 1977. – С. 63.
111. О тюркизмах в селькупском языке // Altaica. – Helsinki, 1977. – MSFOu., Т. 158. – С. 235–239.
112. Тюркское языкознание в СССР за шестьдесят лет // СТ. – 1977. – № 6. – Главы 4 и 8.
113. Формирование диалектной системы современного уйгурского языка // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы. Нальчик, сентябрь 1977. – М., 1977. – С. 116–117.
114. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков: сб. статей. – М., 1977. – С. 61–78.
115. Отв. ред.: Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1977. – 270 с.
116. Мордовские заимствования в татарском языке // Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 455. Финноугорские народы и Восток. Труды по востоковедению. IV. – Тарту, 1978. – С. 105–108.
117. С.Е. Малов – исследователь современных тюркских языков // Тюркологический сборник. 1975. – М., 1978. – С. 26–33.
118. Соответствие начальных $j \sim \tilde{j} \sim n \sim ń$ // Источниковедение и история тюркских языков. – Казань, 1978. – С. 17–21.
119. Тюркские «один», «два», «три» // Тюркологический сборник 1974. – М., 1978. – С. 109–113.
120. Үр артыннан үрләр күрене // Казан утлары. – Казан, 1978. – № 8. – С. 177–179. (в соавт. с Ф.С. Сафиуллиной)
121. Рец.: Ахмадуллин Ш.А. Аларны Бөек Октябрь тудырды (Казан, 1977) // Социалистик Татарстан. – Казан, 1978. – № 111, 12 май.
122. Отв. ред.: Ахметов М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). – Саратов, 1978. – 131 с.
123. Отв. ред.: Источниковедение и история тюркских языков. Сб. статей. – Казань,1978. – 151 с.
124. Отв. ред.: Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
125. Отв. ред.: Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. – М.: Наука, 1978. – 206 с.
126. Отв. ред.: Чеченов А.А. Язык памятника «Кодекс Куманикус» (XIV) в ареальном освещении. – М., 1978. – 57 с.

1979

127. Жилище народов тюркоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной и Центральной Азии. – М., 1979. – С. 186–189.
128. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // ВЯ. – 1979. – № 2. – С. 80–90.
129. Морфология современного уйгурского языка по древнеуйгурским документам // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы. Душанбе, сентябрь 1979. – М., 1979. – С. 260–261.
130. Рец.: Eckmann J. Middle Turkic Glosses of the Rylands Interlinear Koran Translation (Budapest, 1976) // НАА. – 1979. – № 5. – С. 244–247.
131. Рец.: Kara G., Zieme P. Fragmente tantrischer Werke in uigurischer Übersetzung (Berlin, 1976) // НАА. – 1979. – № 6. – С. 240–242.
132. Отв. ред.: Антонов Н.К. Лекции по тюркологии. 4.2. (Древнетюркская эпоха). – Якутск, 1979. – 55 с.
133. Отв. ред.: Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. Средний диалект. (Учебное пособие). – Уфа, 1979. – 80 с.
134. Отв. ред.: Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979. – 279 с.
135. Отв. ред.: Ахматов И.А. Проблемы семантического анализа простого предложения. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 99 с.
136. Отв. ред.: Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. – М., 1979. – 202 с.
137. Отв. ред.: Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М.: Наука, 1979. – 263 с.

1980

138. Новое исследование по теории имитативов // Диалекты и топонимия Поволжья. Межвуз. сб. 8. – Чебоксары, 1980. – С. 95–102.
139. Des mots türks en Espagnol // Liber amicorum Weijnen. Een bundel opstellen aangeboden aan prof. Dr. A.Weijnen bij zijrt zeventigste verjaardag. – Assen, 1980. – С. 318–321.
140. Ареальные явления в саларском и в сарыг-югурском языках // Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 27–29 сентября 1976. – Алма-Ата: Наука, 1980. – С. 67–71.
141. Тюркское языкознание в СССР. Итоги и перспективы. III Всесоюзная тюркологическая конференция. Языкознание. Тезисы. Ташкент, 10–12 сентября 1980. – Ташкент: Фан, 1980. – С. 3–5. (в соавт. с А.Н. Кононовым, Э.И. Фазыловым)
142. Николай Александрович Баскаков (к 70-летию со дня рождения) // СТ. – 1980. – № 2. – С. 87–88. (в соавт. с Е.А. Поцелуевским)
143. Ахнеф Ахметович Юлдашев (к 60-летию со дня рождения) // СТ. – 1980. – № 4 . – С. 108–109.
144. Об итогах Всесоюзной тюркологической конференции (Ташкент, 1980) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1980. – Т. 39. – № 2. – С. 185–186.
145. Сергей Ефимович Малов (к 100-летию со дня рождения) // СТ. – 1980. – № 6. – С. 56–63.
146. Рец.: Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики (М.: Наука, 1979) // СТ. – 1980. – № 1. – С. 84–86.
147. Ред.: Диалекты и топонимия Поволжья. Межвузов. сб. 8. – Чебоксары, 1980. – 171 с.
148. Ред.: Проблемы современной тюркологии // Материалы 2-й Всесоюзной тюркологич. конференции. – Алма-Ата: Наука, 1980. – 428 с.
149. Ред.: 6-я Всесоюзная тюркологическая конференция. – Ташкент: Фан, 1980. – 68 с.
150. Отв. ред.: Ахатов Г.Х. Мишарский диалект татарского языка. – Уфа, 1980. – 268 с.

1981

151. Введение в изучение тюркских языков / Перев. Чэнь Пын, Миньцзу Чубайшэ. – Пекин, 1981. – 620 с. (На кит. яз.)
152. Академик Андрей Николаевич Кононов (к 75-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1981. – Т. 40. – № 6. – С. 548–549.
153. О наддиалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников // Типы наддиалектных форм языка: сб. статей. – М., 1981. – С. 266–277.
154. Тюркологические исследования в СССР: основные направления, формы координации // Общественные науки. – М., 1981. – № 2. – С. 175–181. (в соавт. с Г.Ф. Благовой)

155. Тюркское языкознание в СССР: итоги и перспективы // СТ. – 1981. – № 1. – С. 3–22. (в соавт. с А.Н. Кононовым, Э.И. Фазыловым)
156. Тюркские языки. Сравнительно-историческая фонетика и морфология // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. – М.: Наука, 1981. – С. 206–234.
157. Отв. ред.: Закиров Р.Л. Язык памятника древнетюркской письменности «Куан-ши-им пусар». – Уфа, 1981. – 31 с.

1982

158. Введение в изучение тюркских языков / Перев. Чэнь Пын. – Пекин: Миньцзу Чубаньшэ, 1982. (На кит. яз.)
159. К вопросу о происхождении киргизов и их языка // СТ. – 1982. – № 4. – С. 3–17.
160. О соотношении внешних и внутренних факторов в развитии тюркских языков (по письменным памятникам и диалектным данным) // Письменные памятники Башкирии (историко-филологические исследования). – Уфа, 1982. – С. 48–51.
161. Региональное координирование диалектологических исследований – насущная задача тюркского языкознания в СССР // IX конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы. – Уфа, 1982. – С. 91–92. (в соавт. с Г.Ф. Благовой)
162. Башҡорт телселәренен ҡаҙанышы. – Агиҙел, Өфө, 1982. – № 9. – С. 100–102.

1983

163. Заметки об одном тибетском говоре Амдо // Acta Orient. – Hung., 1983. – T. 36. – Fasc. 1–3. – С. 515–520.
164. Новый список Рабгузи // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Сб. ст. – Казань, 1983. – С. 25–31.
165. Тюркологические исследования в СССР: характер, система, содержание // Советская панорама. Вестник Агентства Печати Новости. – М., 1983. – 25 февраля.
166. Рец.: Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период (Изд. 2-е, дополн. Д., 1982. С. 360) // Изв. АН КазССР. Сер. филологич. – Алма-Ата, 1983. – № 3. – С. 55–56.
167. Ред.: Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / ред. М.З. Закиев. – Казан, 1983. – 543 с.
168. Отв. ред.: Арсланов Л.Ш. Формирование островных говоров татарского языка (говоры Астраханской и Волгоградской областей). Учебное пособие. – Казань,1983. – 79 с.
169. Отв. ред.: Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке (основные вопросы теории). – Нальчик, 1983. – 359 с.

1984

170. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. Т.1. – М.: Наука, 1984. – 484 с. (Отв. ред. и один из авторов)
171. Уйгурские тексты. – М.: Наука, 1984. – 174 с.
172. История всемирной литературы. Т. 2. – М.: Наука, 1984. – С. 190–192. (в соавт. с Х.Г. Короглы) (Автор введения: «Литературы Центральной Азии»)
173. Отв. ред.: Языки народов СССР. II. Тюркские языки. – М., 1984.
174. Отв. ред.: Кормушин И.В. Системы времен глаголов в алтайских языках. – М., 1984. – 84 с.
175. Отв ред.: Дарбеева А.А. Русско-монгольские контакты в условиях двуязычия. – М., 1984. – 190 с.
176. Ред.: Ахатов Г.Х. Татар диалектологиясе (югары уку йорта студентлары очен дәресләр). – Казан, 1984. – 116 с.
177. Ред.: Вопросы лексики и грамматики народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1986. – 255 с.

1985

178. Система форм существования древнеуйгурского языка // Функциональная стратификация языка. – М.: Наука, 1985. – С. 192–201.
179. Из реки по имени «Манас». Новое двуязычное издание эпоса // Советская Киргизия. – 1985. – 28 июня.
180. Корком ойдун соолубас дайрасынан «Манас» эпосун эки тилде, басылышы // Советтик Кыргызсаты. – 1985. – 28 июня.

181. Реликты древнеуйгурской формы на *-yuluq* в современных тюркских языках (на материале чулымско-тюркского языка) // СТ. – 1985. – № 2. – С. 3–7. (в соавт. с Р.М. Бирюковичем)
182. Рец.: «Манас». Киргизский героический эпос. Кн. 1. (Гл. ред. серии «Эпос народов СССР». М.: Наука, 1984) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1985. – Т. 44. – № 5. – С. 451–453.
183. Рец.: Хисамов Н. Бөек язмышлы әсәр (Казан, 1984) // СТ. – 1985. – № 4. – С. 96–98. (в соавт. с Х.М. Махмутовым)
184. Отв. ред.: Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань, 1986. – 320 с.
185. Отв. ред.: Турниязов Н.Ю. Принципы формирования синтаксической структуры сложноподчиненного предложения. – Ташкент, 1985. – 122 с.

1986

186. О языке поэмы Кул Гали «Кысса-и Юсуф» // Turcologica. – 1986. – С. 268–276.
187. Основные лингвистические направления в алтаистике // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной Международной Алтаистической конференции. Ташкент, сент. 1986. Ч. 2-я. Лингвистика. – М., 1986. – С. 114–115.
188. Основные лингвистические направления в алтаистике // Узбек тили ва адабиёти. – Ташкент, 1986. – № 4. – С. 19–23.
189. Тюркское языкознание в СССР в XI пятилетке. Итоги и проблемы // СТ. – 1986. – № 1. – С. 5–14. (в соавт. с А.Н. Кононовым, Б.Ч. Чарыяровым)
190. De la branche orientale de l'alliance de langues centrale asiatique (ALCA) // Aspects of Language. Studien in Honour of Mario Alinei. Vol. 1. – Amsterdam, 1986. – С. 203–211.
191. Eski türklerde edebi dil var mıydı? // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. – Ankara, 1986. – S. 157–161.
192. Предисловие и отв. ред. кн.: Абдуллин И.А. Описание первых произведений печати на татарском языке периода революции 1905–1907 годов. – Казань, 1986. – 220 с.
193. Отв. ред.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. Т. 3 / Н.З. Гаджиева, Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1986. – 285 с.
194. Отв. ред.: Шервашидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. – Тбилиси, 1986. – 136 с.

1987

195. Язык произведений Давлетмухаммеда Азади и Махтумкули Фраги // Сущность, развитие и функции языка. – М., 1987. – С. 196–202.
196. Язык села Усть-Уза // Tatarica. (Сборник в честь Умера Дахера). – Ваммала,1987. – С. 307–333.
197. Tradition in the development of Turkic literary languages of Middle Asia // Central Asia Tradition Change. Abstract. – London, 1987.
198. Mogilyan-bilge kağan yazılı anıtının dili ve janrı // Beşinci Milletler arası türkoloji kongresi. İstanbul, 23–28 Eylul, 1985. – İstanbul, 1987. – S. 229–233.
199. Рец.: XIII–XIV асрлар туркий адабий едгорликлар тили: Морфология/масъул мухаррир УзССР фа мухбир аъзоси Э.И. Фозилов (Тошкент: Фан, 1986. 288 с.) / Г.Ф. Благова, Э.Н. Наджип, Э.Р. Тенишев // СТ. – 1987. – № 5. – С. 125–127.
200. Рец.: Гулијев Мирзә Казымбәј (Бакы, 1987, 204 с.) // СТ. – 1987. – № 6. – С. 97–99.
201. Отв. ред:. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий Волжской Булгарии. – М., 1987. – 203 с.

1988

202. Заметки Н.К. Дмитриева в книге С.К. Церуниана «Курс османских разговоров» // СТ. – 1988. – № 4 . – С. 98–105.
203. Актуальные проблемы тюркского языкознания // Вопросы советской тюркологии. Материалы IV Всесоюз. тюрк. конференции. Ч. 1. – Ашхабад, 1988. – С. 5–21. (в соавт. с А.Н. Кононовым, Б.Ч. Чарыяровым)
204. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. Т. 2. – М.: Наука, 1988. – 560 с. (Отв. ред. и один из авторов)
205. Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // СТ. – 1988. – № 1. – С. 67–85.
206. О развитии советского монголоведения // Проблемы монгольского языкознания. – Новосибирск, 1988. – С. 3–33. (в соавт. с Л.Д. Шагдаровым)

207. Carte 1. 36: la chêne. Atlas Linguarum Europe. Fasc. 3. – Assen, 1988. (в соавт. с Brozovic D., Kruijsen J.)
208. Рец.: Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция именных корней в тюркских языках // ВЯ. – 1988. – № 3. – С. 148–151. (в соавт. с А.А. Чеченовым)
209. Рец.: Орловская М.Н. Язык Алтан Тобчи // ВЯ. – 1988. – № 6. – С. 144–146. (в соавт. с А.А. Дарбеевой)

1989

210. О киргизском литературном языке в донациональный период // ВЯ. – 1989. – № 5. – С. 32–40.
211. К вопросу о происхождении киргизов и их языка // СТ. – 1989. – № 4. – С. 3–17.
212. Советскому комитету тюркологов – 15 лет // СТ. – 1989. – № 5. – С. 3–12.
213. Языковые аспекты культур народов СССР // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1989. – Т. 48. – № 3. – С. 195–200.
214. Ответ на вопрос о числе народов СССР // Аргументы и факты. – 1989. – №. 17. – 29 апр. – 5 мая.
215. Улуттук доорго чейинки кыргыз адабий тили жонундо.// Ала тоо. – Фрунзе, 1989. – № 9. – С. 139–145.
216. В семье народов. Вклад в тюркологию (после XV заседания СКТ в Уфе) // Вечерняя Уфа. – 1989. – 3 июля.
217. Отв. ред.: Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. – Л., 1989. – 208 с.
218. Отв. ред.: Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами ат-тауарих» Жанаире. – Алма-Ата, 1989. – 242 с.
219. Ред.: Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1989. – 405 с.
220. Отв. ред.: Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к Волго-Дунайскому ареалам. – Ставрополь, 1989. – 296 с.

1990

221. Уйгурский диалектный словарь. – М.: Наука, 1990. – 200 с.
222. Древнетюркские языки // ЛЭС. – М., 1990. – С. 143–144.
223. Саларский язык // ЛЭС. – М., 1990. – С. 430–431.
224. Сарыг-югурский язык // ЛЭС. – М., 1990. – С. 433–434.
225. Теоретические основы «Грамматики алтайского языка» // СТ. – 1990. – № 1. – С. 3–11.
226. Фонд культуры – не оборона, а наступление! Интервью ж. «Союз». – 1990. – № 16. – С. 15.
227. Names of Monetary units in the Old Turcic Languages of Central Asia // Aspects of Altaic Civilization. Ed. by Denis Sinor. III. – Bloomington, 1990. – С. 218–222.
228. Ossetica-turcica. К 90-летию В.И. Абаева // ВЯ. – 1990. – № 6. – С. 140–143. (в соавт. с. М.И. Исаевым)
229. Отв. ред.: Галяутдинов И.Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсоггулова. – Уфа, 1990. – 240 с.
230. Отв. ред.: «Манас». Киргизский героический эпос. Кн. 3 // Серия «Эпос народов Евразии». – М., 1990. – 509 с.

1991

231. Язык и культура // Наука и человечество. Международный ежегодник. – М.: Знание, 1991. – С. 42–53.

1992

232. Размышления об алфавитах тюркских языков // Язык, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Т. 1. – Казань, 1992. – С. 7–9.
233. Ahmed Yesevi ve Ahmed Yüknekinin eserlerinin dili üzerine // Milletlerarası Ahmed Yesevi Sempozyumu Bildirileri. – Ankara, 1992. – S. 99–102.

1993

234. Über einige Reliktenformen im Chotanischen Dialekt von den Uiguren Sinkiangs // Orientalia Suecana. V. 61–62 (1992–1993). – Stokholm, 1993. – С. 281–286.
235. Die kirgisische Literatursprache und uhre Bezienungen zum Tatarischen // Orienalia Suecana. V. 61–62 (1992–1993). – Stokholm, 1993. – С. 276–280.

1994

236. Milli döneme kadar edebi türk dilleri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten 1989. – Ankara, 1994. – S. 301–307.
237. Ред.: Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев // Сер. «Эпос народов Евразии». – М., 1994.
238. Ред.: Карело-финский героический эпос. Кн. 3 // Сер. «Эпос народов Евразии». – М., 1994.
239. Рец.: Усеинов С.М. Крымско-татарско-русский словарь (Тернополь, 1994. 397 с.) // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. Т. 54. – № 6. – С. 86–87.

1995

240. К изучению тюркских языков Крыма // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. Т. 54. – 1995. – № 1. – С. 41–48.
241. У тюркских народов Китая (дневники 1956–1958 гг.). – М., 1995. – 240 с.
242. Ред.: Гэсэр. Бурятский героический эпос // Сер. «Эпос народов Евразии». – М., 1995. – 662 с.
243. Ред.: Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 4 // Сер. «Эпос народов Евразии». – М., 1995. – 766 с.

1996

244. Начальная пора формирования эпоса «Манас» // Изв РАН. Сер. литературы и языка. Т. 55. – 1996. – № 2. – С. 3–10.
245. Письменный язык крымчаков // Mappa Mundi. Збірнік науковіх праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. – Львів–Київ–Нью-Йорк, 1996. – С. 671–673.
246. Родословная Тенишевых // Российская провинция XVIII–XX вв. Материалы Всероссийской конференции. Кн. 1. – Пенза, 1996. – С. 397–401.
247. Некоторые социолингвистические проблемы в тюркском мире // Сборник материалов конференции. – Анкара, 1996.
248. Н.А. Баскаков // 90 лет Н.А. Баскакову. От коллег и учеников. – М., 1996. – С. 5–17.
249. Ред.: Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М., 1996. – 394 с.
250. Ред.: Чеченов А.А. Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев. – М., 1996. – 172 с.

1997

251. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Т. 4. – М.: Наука, 1997. – 799 с. (Отв. ред. и один из авторов)
252. Древнекыргызский язык. – Бишкек, 1997. – 53 с.
253. Разговорный язык литовско-польско-белорусских татар XV–XVI веков // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. Т. 56. – 1997. – № 6. – С. 3–8.
254. Les peuples turques et mongoles d'Europe orientale. Atlas linguarum Europae. Perspectives nouvelles en géolinguistique. – Roma: Libreria dello stato, 1997. – PP. 43–49.
255. Тюркские языки // Сер. «Языки мира». – Бишкек, 1997. (Отв. ред. и один из авторов)
256. 90 лет Н.А. Баскакову. – Бишкек, 1997. (Отв. ред. и один из авторов)

1998

257. Язык и письменная культура тюрков Восточного каганата // Академик Мирфатых Закиев. К 70-летию со дня рождения. – М., 1998. – С. 53–59.
258. Жизнь, отданная науке // Н.К. Дмитриев – выдающийся тюрколог и педагог. – Казань, 1998. – С. 4–11.
259. Религия содействует сохранению этноса // Мусульмане России накануне XXI века. – М., 1998. – С. 98–101.

1999

260. Тувинское племя кёкмунчак из Синьцзяна // Общее и восточное языкознание (посвящен 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Солнцева). – М., 1999. – С. 130–133.

2000

261. Стихи кёкмунчаков // У времени в плену. Памяти С.С. Цельникера. – М., 2000. – С. 313–314.

262. К истории литературного языка и культуры татарского народа // Вестник АН РБ. – 2000. – Т. 5. – № 91. – С. 27–31.
263. К истории культурной деятельности татар г. Пензы (в послереволюционное десятилетие) // Источники и краеведение в культуре России. Сб. к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. – М., 2000. – С. 286–288.
264. В.Н. Ярцева как тюрколог // Сб. памяти В.Н. Ярцевой. – М., 2000.
265. О зональных языках межнационального общения // Res linguistica. К 60-летию д.ф.н., профессора Владимира Петровича Нерознака. – М., 2000. – С. 227–238.

2001

266. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Т. 4. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с. (Отв. ред. и один из авторов)

2002

267. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. Т. 5. – М.: Наука, 2002. – 767 с. (Отв. ред. и один из авторов)
268. Сб., посвященный 100-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. – М., 2002. – 279 с. (Отв. ред. и один из авторов)

2003

269. Некоторые социолингвистические проблемы в тюркском мире // Татарский мир. – 2003, февраль. – № 2 (12). – С. 9–10. Перепеч.: Тюркский мир (сб. научных статей). – М.: Инсан, 2004. – С. 21–28.

2004

270. Изучение тюркских языков в синхронии и диахронии. Ч. I. Современные тюркские языки и их изучение // Вопросы филологии. – 2004. – № 3 (18). – С. 34–43.

2005

271. Изучение тюркских языков в синхронии и диахронии. Ч. II. Древние тюркские языки и их изучение // Вопросы филологии. – 2005. – № 1 (19). – С. 41–48.

2006

272. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 6: Пратюркский язык. Картина мира пратюрков. – М.: Наука, 2006. – 909 с. (Отв. ред. и один из авторов)

In memoriam of Edham Rakhimovich Tenishev (1921–2004)

A.V. Dybo, A.V. Sheymovich
Moscow

Anna Vladimorovna Dybo – Ph.D. in philology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Uralic and Altaic Languages of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: adybo@mail.ru.
Aleksanra Valeryevna Sheymovich – research assistant of Department of Uralic and Altaic Languages of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: asheimovich@yandex.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ ДОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОРЫ[1]

Э.Р. Тенишев

Тюркские народы расселены на огромном пространстве Азии и Европы. История тюркских народов и их языков тесно переплетена с историей и языком многих народов обоих континентов, имея порой судьбоносное значение для них. Особенно велика роль тюркских народов в развитии исламской культуры. Поэтому изучение истории тюркских языков приобретает в настоящее время – время возрождения тюркских народов и их культур – особо важное значение.

Мы, главный редактор (и автор), а также коллектив цикла «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» рады высокому признанию нашего труда и глубоко благодарны за премию, присужденную нам Комитетом мусульман Азии в Кувейте (фонд аль-Бухари).

Мы ведем всестороннее изучение истории тюркских языков: и исторической грамматики, и истории литературных языков. Свое выступление я посвящаю второй проблеме. В тюркском языкознании господствует в основном исторически сложившееся структурно-генетическое направление в исследовании языков древне- и среднетюркских письменных памятников. Сущность этого направления заключается в том, что языки памятников рассматриваются как отражение разговорных языков (или диалектов) тюркских племен и народов, с одной стороны, и как языки, имеющие продолжение в настоящем, с другой. В соответствии с этим, например, язык памятников рунического письма делится на наречия, диалекты, говоры, подговоры, или считается праязыком, родоначальником группы языков, предком отдельных тюркских языков. Существует и другое понимание языкового состояния тюркских письменных памятников, давно наметившееся, но не получившее в дальнейшем развития. Это направление связано с именами В.В. Радлова, С.Е. Малова и содержит в себе призыв увидеть в старых текстах воплощение наддиалектного и единого для ряда племен и народов языка, иными словами, отличать литературную форму от народно-разговорной.

---

[1] Доклад для торжественного собрания, посвященного вручению премий аль-Бухари по номинации «Языки мусульманских народов СНГ, их прошлое, настоящее и будущее» (г. Баку, 09.06.1997 г.). Доклад был опубликован в книге: Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество (1921–2004) / сост. *Е.А. Тенишева*. – М.: Инсан, 2005. – 125 с. Однако книга стала библиографической редкостью, поэтому редколлегией журнала было принято решение сделать републикацию статьи в текущем номере журнала.

Справедливости ради следует сказать, что термин «литературный» почти закреплен исследователями за тюркоязычными текстами средневековья, но специфика понятия остается ими нераскрытой. Отсюда следует, что в центре внимания должно быть понятие «литературный язык» – понятие, в равной мере относящееся и к современным, и к древним языкам. В последнее время в советском языкознании вновь пробудился интерес к функциональному аспекту языка, к исследованию истории и типологии литературных языков с привлечением материала различных языковых семей; об этом наглядно свидетельствует научная продукция последних лет.

Литературный язык, будучи одной из социально организованных форм языка, различными признаками имеет: а) большую или меньшую степень обработанности, шлифовки, б) наддиалектный характер, в) функционально-стилистическую вариативность.

Введение письменности расширяет сферу применения литературного языка и становится одним из важнейших условий его существования и развития. Вместе с тем язык фольклора, устной поэзии, а также народного права обладает признаками обработанности и наддиалектности в такой степени, что его можно отнести к раннему периоду истории литературных языков, к истокам их истории[2]. Следует заметить, что преемственность языкового развития, исследование престижной традиции – существенный признак литературных языков вообще.

I. Руническое койне – первый письменный литературный вариант. Обращаясь к языку крупных рунических памятников «орхонского» круга VI–VIII вв., нельзя не заметить его ярко выраженный наддиалектный характер, представляющий собой сплав двух (или более) начал: огузского, строевые элементы которого – вин. падеж с формантом *-yγ*, прошедшее время с формантом *-myš*, форма на *-duq*, глагол *bul-* ‘находить’, и уйгурского, конститутивные черты которого – наличие *d* в середине имен и глагольных основ, дат. падеж с формантом *-γa*, форма на *-dacy*, глаголы *bar-* ‘идти’, *bol-* ‘быть, становиться’ и т. д. Свидетельством наддиалектности является и широкий пласт лексики рунических памятников: нейтральные к диалектам фразеологические сочетания и группа слов в метафорическом употреблении. Перечень подобных признаков можно продолжить, но и из приведенного ясно, что данное языковое образование возникло путем концентрации нескольких диалектов (или племенных языков).

Язык орхонских надписей к моменту фиксации его рунических знаками предстает в достаточно обработанном виде. Об этом свидетельствует богатый набор различного рода формул, устойчивых сочетаний слов. Наиболее обширен разряд поэтических формул, включающий в себя постоянный эпитет, описание

[2] *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* О некоторых принципах изучения литературных языков и их истории // ИАН ОЛЯ. – 1977. – № 5. – С. 441 (здесь же см. библиографию темы); *Гухман М.М.* Введение // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. – М., 1977. – С. 5–6; *Ярцева В.Н.* Развитие национального литературного английского языка. – М., 1969. – С. 5, 92. О роли письменности см.: *Филин Ф.П.* О свойствах и границах литературного языка // ВЯ. – 1975. – № 6. – С. 12; *Гринбаум Н.С.* Проблема древнегреческого литературного языка // ВЯ. – 1977. – № 6. – С. 87.

внутреннего состояния предмета или лица, характеристику простого народа и высших должностных лиц, обороты речи для передачи сложных расчлененных представлений типа поговорок, афоризмов, сентенций и т. д.

Выделяется слой ораторских формул – формулы начала речи, обращения, риторического вопроса и т. п. Есть некоторое количество правовых и обиходно-бытовых формул, а также стилистически окрашенная лексика – представления идеологического порядка и ряд глаголов с метафорическим значением. Насыщенный репертуар формул со всей очевидностью устанавливает связь языка текстов с языком фольклора, а также народного права.

При внимательном наблюдении улавливается функционально-стилистическая обособленность отдельных групп памятников, на что уже обратил внимание А.Н. Кононов[3]. Так, наибольшая стилистическая законченность, качества высокого стиля присущи орхонским памятникам: надписям Кюль-Тегину и Бильгя Кагану (автор текстов – лицо ханского рода Йолыг-Тегин), Тоньюкуку (автор текста – вельможа Тоньюкук), Онгинской, Моюн-Чуру и Кули-Чуру.

Строго нормированный язык орхонских надписей, составителями которых были лица придворного круга, обслуживал высшие слои древнетюркского общества, выполнял функции литературного языка аристократического типа и потому, естественно, не допускал диалектных включений. Некоторые различия в языке орхонских памятников следует объяснить влиянием диалектной стихии и индивидуальными особенностями стиля или манеры письма составителей. Что касается енисейских надписей, фиксирующих поминальный стиль, то они принадлежат более широким социальным слоям, чем орхонские, и несут на себе заметную примесь диалектизмов. Надписи из Алтая, содержащие представления бытового порядка, тяготеют явно к обиходному стилю.

Таким образом, язык тюркских рунических надписей в целом по сути своей есть запись древнетюркского койне, первый литературный вариант в истории тюркских языков. Языком рунических надписей как единым и общепонятным пользовались различные тюркские племена или союзы племен – огузы, уйгуры, киргизы, кипчаки и др. Каждое племя имело, разумеется, свой народно-разговорный язык для повседневного общения.

Типологическую параллель к языку тюркских рунических надписей составляет широкий диапазон языков: германских рунических надписей, древнеисландского устно-литературного языка, древнерусского языка и койне северно-албанских горцев[4].

II. Древнеуйгурский литературный язык. В середине VIII в. уйгуры, вытесненные киргизами из Монголии, переселились на юг и юго-запад в район Турфана и Ганьчжоу. Здесь впоследствии возникли два уйгурских государственных образования – Турфанское и Ганьчжоуское. Наибольший след в культурной истории уйгуров оставило Турфанское княжество. В начальный период нового

[3] *Кононов А.Н.* Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкук // Philologica. Исследования по языку и литературе. – Л., 1970. – С. 90.

[4] *Десницкая А.В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. – Л., 1970. – С. 86–98.

государства уйгуры продолжали употреблять прежний литературный язык и руническое письмо. Руническая письменность применялась в религиозной и деловой сферах: таковы небольшая по объему «Книга гаданий» («Ырк битиг») шаманского содержания, несколько юридических документов и надписей на бытовых предметах. Однако руническое койне было для уйгуров архаичным и не обеспечивало потребностей общественных институтов государства. Это обстоятельство явилось толчком к созданию на базе рунического койне в исторически короткий срок нового литературного языка, понятного широким слоям народа. Из рунического койне была бережно сохранена его огузо-уйгурская основа. К этой традиционной части были прибавлены национальные, собственно уйгурские элементы всех уровней – фонетического, грамматического, лексического: *j* вм. *c*, исх. падеж на *-dyn*, «двойное склонение» местоимений, особые системы времен индикатива и личного оформления кондиционалиса, большое количество новых слов и терминов. Среди них особо следует отметить заимствования из санскрита, согдийского, среднеперсидского, тохарского и китайского языков. Так возник структурно смешанный язык, называемый в уйгурских рукописях *turk ujγur tili* (тюрко-уйгурский язык).

В.В. Радлов полагал, что этот язык окончательно сложился между VIII и XI вв. и потом уже употреблялся в монастырях без всякого изменения. Уйгурская письменность (у ганьчжоуских уйгуров), судя по находкам С.Е. Малова, существовала до начала XVIII в. Кроме рунического алфавита, который был сравнительно небольшим эпизодом, уйгуры пользовались согдийским и адаптированным его вариантом (называемым уйгурским), манихейским и брахми шрифтами. Небывалого расцвета литературный язык достиг в собственно уйгурский период. Общественное употребление литературного языка привело к созданию его функционально-стилевой системы, включающей стили религиозной (философско-дидактической) литературы, художественной литературы (прозы и поэзии), научных произведений, деловых документов и частной переписки. Основные лингвистические средства выражения стилистических вариантов приходятся на долю лексики и синтаксиса.

Стиль религиозной литературы у уйгуров был самым развитым. Наибольшее количество сохранившихся рукописей имеет буддийское содержание, затем идут рукописи шаманского, манихейского и христианского содержания. Для стиля буддийских трактатов, в основном переводных, характерно огромное количество терминов, словосочетаний и оборотов для передачи сложных представлений буддизма. Уйгурам было свойственно стремление освободиться от иноземной терминологии, прежде всего санскритской, и заменить ее своей тюрко-уйгурской.

На основании сохранившихся легенд светского содержания можно полагать, что у уйгуров значительного развития достиг стиль художественной литературы. Особенно процветала поэзия.

Существовали различные стихотворные жанры, были свои известные поэты, имена которых сохранили рукописи. В стихах широко применялась вертикальная аллитерация. Поэты обращались к такой редко встречающейся форме стиха, как трехстишия.

Уйгурский деловой стиль представлен юридическими документами, ярлыками и записями хозяйственного содержания. В самой общей форме надо заметить,

что стиль деловых документов отражает элементы народного языка в большей степени, чем стили религиозной или художественной литературы.

От назначения, формы документов и производящей их канцелярии зависит мера отражения народно-разговорной или, точнее говоря, устной разновидности литературного уйгурского языка. Древнеуйгурский литературный язык, несмотря на широкое общественное употребление, что подтверждают различные его стили, тем не менее был языком только письменного общения подобно древним литературным языкам Китая и Японии.

Для устного общения литературный язык уйгуров не был пригоден. В обиходно-разговорной практике уйгуры использовали язык близкий, но не тождественный литературному. Этот язык в какой-то степени можно реконструировать, опираясь на часть литературного языка, свободную от архаизмов, на данные памятников на брахми, отражающих устную норму произношения, и привлекая материал диалектов современного уйгурского языка и языка родственных уйгурам сарыг-югуров. Подобный язык условно можно назвать говором (полудиалектом) древнего Турфана. Именно он питал древнеуйгурский литературный язык, вошел в диалектную систему современного уйгурского языка и получил отражение в тюркских языках Сибири.

Древнеуйгурский литературный язык, достигший блестящего развития, был чрезвычайно популярен и хорошо известен другим тюркоязычным народностям. Позднее он был использован при формировании других вариантов литературных языков. Поэтому для углубленного понимания их структуры совершенно необходимы в первую очередь полная нормативная грамматика уйгурского языка и подробный уйгурский словарь.

III. Караханидско-уйгурский (хаканский, буграханский) литературный язык. Вслед за уйгурским литературным языком на территории караханидского государства к XI–XII вв. при других исторических обстоятельствах сформировался свой литературный язык. Караханидское государство – первое в истории Средней Азии государство мусульманской культуры с центром в г. Кашгар, западные границы которого доходили до Самарканда и Бухары.

Когда возникла династия караханидов и какова ее этническая принадлежность – остается неясным. От караханидского периода сохранились поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Атабат ал-хакаик» Ахмада Югнаки, «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского и комментарий к Корану, из которого опубликован сюжет о семи спящих отроках «Асхаб ал-кахф». В процессе сложения язык данных произведений впитал в себя традиционно огузо-уйгурскую основу древнеуйгурского языка, которая, несомненно, воспринималась как уйгурская в целом. Уйгурское влияние сказывалось и на внешней стороне – углублении наряду с арабским и уйгурского алфавита (некоторые списки «Кутадгу билиг» и «Атабат ал-хакаик» переписаны уйгурским шрифтом).

Традиционная часть представлена вин. падежом с формантом *-уγ*, старой формой исх. падежа на *-da* и уйгурской его разновидностью на *-dyn*, в косвенных падежах перед падежным формантом присутствует *-n*, местоимения обладают двойным склонением, а в глаголе функционируют формы на *-myš*, прошедшее время с формантом *-myš*, на *-duq*, форма на *-γlu*, на *-γluq*, на *-dacy* и т. д.

С этим набором старых языковых черт взаимодействуют в системе единого языка «новые», национальные элементы: звук *δ* в середине имен и конце глагольных основ, вин. падеж с формантом *-ny*, исх. падеж с формантом *-dan*, повелительное наклонение с тремя видами формантов для 3 л.: *-su*, *-sun*, *-suny*, условное наклонение с формантом *-sa* + аффикс сказуемости, причастие настоящего времени на *-γan*, новая система количественных числительных и обильная арабская и персидская лексика, нейтральная в диалектном отношении. Таков явно наддиалектный характер данного языка. Как литературному языку ему свойственны высокая степень обработанности, шлифовки и жанрово-стилистическая модификация. Поэзия с ее разнообразными жанрами и видами представлена более полно, чем проза. Поэтические произведения хранят в себе старых элементов заметно больше, чем прозаические.

Типологически сходное явление (т. е. архаичный характер языка поэзии) обнаруживается в поэтическом творчестве многих народов мира: французского, итальянского, испанского, русского, арабского, таджикского и т. д. Научный трактат о тюркских языках Махмуда Кашгарского следует выделить особо ввиду неоднородности приводимого материала: среди иллюстраций встречаются и образцы поэзии на литературном языке, на что давно уже указал В.В. Бартольд, и примеры с диалектными пометами, и немаркированные примеры, быть может, придуманные самим автором.

В научной литературе письменный язык караханидской поры принято именовать караханидско-уйгурским. Термин не обладает достаточной точностью. Первая часть его («караханидский») остается нераскрытой, а вторая («уйгурский») употребляется в самом общем смысле, как нечто пришедшее из уйгурского по линии преемственности, но и для уйгурского языка эта часть не полностью своя. В этих обстоятельствах уместно вспомнить термины, использованные самими средневековыми авторами. В предисловии к «Кутадгу билиг» автор язык поэмы называет «буграханским», буквально «буграханов язык» (*buγra han tili*), подразумевая под этим династийным термином придворный, аристократический, высокий стиль языка. Сходный термин употребляет и Махмуд Кашгарский, а именно «хаканский» (*haganije* ‘царский’), в двух значениях: 1) «самый прозрачный и сладкий» из тюркских языков и 2) тот, на котором говорят жители Кашгара. Второе значение указывает на городской говор (полудиалект) Кашгара, который лег в основу высшего стиля литературного языка караханидов. Подтверждение этому дает Ахмад Югнаки, прямо указывая, что его поэма написана на «кашгарском языке» (*kalγar tili bild*).

Литературный язык и литература караханидов пользовались в свое время большой популярностью, имели они влияние и в последующий период. Это видно из того, что на нижнем течении р. Урал, в Сарайчике, был найден кувшин с надписью-стихами из «Кутадгу билиг», относящийся приблизительно к XIII в.[5]

IV. Хорезмско-тюркский литературный язык. В XIII–XIV вв. следующим после Кашгара очагом мусульманской тюркской литературы и, соответственно, литературного языка сделалась местность по нижнему течению р. Сыр-Дарья

[5] *Самойлович А.* Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика // ЗВО РАО. – СПб., 1912. – XXI. – 1. – С. 46.

вместе с Хорезмом, а также территория Золотой Орды. Еще недавно область проявления иранской культуры и иранского языка – Хорезм и культурно связанные с ним города – стала местом тюркской, весьма активной литературной и научной деятельности (как до монголов, так и после них), протекавшей на тюркском, арабском и персидском языках. В тюркизации Хорезма в XI–XII вв. деятельное участие принимали огузские и кипчакские племена, языки которых образовали основу литературного языка.

К памятникам данного периода относятся «Кысас ал-анбийа» Насираддина Рабгузи, «Муин ал-мурид» Шайха Шариф-Ходжа, «Хусраву Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хоразми, «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ибн Али, анонимные «Мифтах ал-‘адл» и «Ме’радж-наме». Традиционную, огузо-уйгурскую часть языка этих текстов составляет далеко не полный перечень форм литературного языка караханидской поры: наличие межзубного *δ* в середине имен и конце глагольных основ, исх. падеж с формантом *-dun*, причастие на *-γlu*, причастие и одна из форм прошедшего времени на *-myš*, форма на *-duq*, редкая форма условного наклонения *-sa* + аффикс сказуемости. К этой части добавлены новообразования в значительной степени кипчакского происхождения: слова со среднеязычным *j* в середине имен и конце глагольных основ, вин. падеж с формантом *-ny*, дат. падеж на *-γa* с формами 3 л. ед. ч. принадлежности без промежуточного *-n-* (редко), мест. падеж на *-da* с формами 3 л. ед. ч. принадлежности без *-n-* (редко), ординарная система склонения местоимений, форма условного наклонения с аффиксом *-sa* + аффикс принадлежности, форма настоящего времени на *-a* + *turur*, форма прошедшего времени на *-p* + *turur*. В составе литературной лексики присутствует большое количество арабских и персидских слов.

Такова смешанная, наддиалектная природа языка указанных памятников. Хотя уйгурская часть в ней невелика, но уйгурское влияние все еще сказывается на графике памятников, часть из них написана уйгурскими буквами. Наддиалектный язык сочетается с хорошей обработанностью, шлифовкой и наличием жанрово-стилистической вариативности – жанрами поэзии и прозы со стилистическими различиями (религиозного, философско-дидактического и светского характера). Сказанное убеждает в том, что это особый литературный язык, именуемый в восточных источниках «хорезмско-тюркским».

V. Чагатайский литературный язык. Самым блестящим и вместе с этим завершающим периодом в истории тюркских литератур и литературных языков средневековья были XV–XIX вв.

Начало периода совпало с эпохой тимуридского государства (XV–XVI вв.). Поразительный расцвет литературы и развитие литературного языка гармонировали с творческим подъемом в области науки и искусства.

Источников литературного языка великое множество: называя их, пришлось бы перечислить все произведения поэтов, писателей, ученых. Полное представление об этом наследии можно получить из обзорных работ В.В. Бартольда, Ф. Кёпрелю и Я. Экмана[6]. В языке письменных памятников указанного периода

[6] *Бартольд В.В.* Чагатайская литература // Сочинения. Т. V. – М., 1968. – С. 606–610; *Koproly F.* Cadatay edebiyati // Islam Ansiklopedisi. C. 3. – İstanbul, 1954. – S. 270–323;

от традиционной огузо-уйгурской основы осталось немного – дат. падеж на *-a*, *-yna*, мест. падеж на *-ynda*, исх. падеж на *-yndyn*, прошедшее время на *-myš*, деепричастие на *-ban*.

Основной же фонд строевых элементов языка памятников состоит из инноваций: среднеязычного *j* в середине имен и конце глагольных основ, систем косвенных падежей от форм принадлежности 3 л. ед. ч. с формантами *-γa*, *-da*, *-dun*, без промежуточного *-n-*, причастия на *-γan*, настоящее время на *-a+dur*, ,будущее время – аффикс *-γu* + аффиксы лица + *dur*, прошедшее время на *-p* + *dur*, условное наклонение с аффиксом *-sa* + аффиксы принадлежности. Стихотворные произведения, как и в предыдущий период, насыщены архаизмами больше, чем прозаические.

Уйгурское влияние все еще сказывается в том, что некоторые произведения имеют варианты на уйгурском шрифте. Следует отметить порой очень значительный пласт заимствований арабской и персидской лексики. В основе литературного языка лежит говор (полудиалект) крупных центров городской жизни: Самарканда, Андижана.

В целом, язык памятников носит смешанный, наддиалектный характер. Очень высок уровень его шлифовки, обработанности, художественной выразительности и терминологической полноты. Жанры поэзии и прозы включают в себя гамму стилевых модификаций (стили религиозной, философско-дидактической, научной, юридической, деловой, эпистолярной литературы). Язык памятников данного периода – очень богатый, гибкий и выразительный литературный язык. Тюркские авторы именуют его «чагатайским». У Алишера Навои встречается термин *caylataj lafzy* ‘чагатайская речь’, у Мирзы Мехди-хана – *tuγat-i cayataj* ‘чагатайский язык’, у Абу-л-Гази – *cayataj turkisi* ‘чагатайский тюрки’ или ‘чагатайско-тюркский’.

В развитии чагатайского языка можно выделить несколько этапов. Прежде всего ранний этап – к нему относятся поэты до Навои. Второй этап классический – золотая пора чагатайского периода. Гениальный узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои, пользуясь материалом предыдущего периода, создал в своих сочинениях понятный (хотя и требовавший комментариев) народным массам новый литературный язык и доказал, что по своим художественным потенциям он не уступает достоинствам такого прославленного языка восточной литературы, как персидский. По меткому выражению С.Е. Малова, Алишер Навои был не только фактом, но и фактором истории[7]. Созданное им было подхвачено и развито поэтами и писателями последующего этапа. Третий этап чагатайского языка – поздний классический – смыкается с периодом «тюрки».

Чагатайская литература и чагатайский язык достигли необычайной популярности – влияние их ощущается на обширном пространстве от Турции до Китая: у ранних турецких поэтов на западе и уйгурских писателей и историков на востоке.

Ekcmann I. Die tshagataische Literatur // Philolodiae Turcicae Fundamenta. Tomum secundum. – Wiestbaden, 1964. – S. 304–402.

[7] *Малов С.Е.* Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии // ИАН ОЛЯ. – 1947. – № 6. – С. 480.

VI. Литературный язык тюрки. С появлением на исторической арене современных тюркоязычных народов, до того как они сплотились в рамках своих государств, чагатайский язык использовался как литературный. Постепенно он вобрал в себя местные народные элементы (городских говоров), что привело к возникновению локальных вариантов письменного языка, которые в целом в отличие от чагатайского можно было бы называть литературным языком «тюрки».

Известно несколько вариантов «тюрки»: среднеазиатский (староузбекский, староуйгурский, старотуркменский), поволжский (старотатарский, старобашкирский), арало-каспийский (староказахский, старокаракалпатский, старокиргизский), кавказский (старокарачаево-балкарский, старокумыкский, староазербайджанский), малоазиатский (старотурецкий). С этого момента наступает начальная пора современных тюркских литературных языков.

Однако традиция использования чагатайских и даже более ранних хорезмских памятников у тюркских народов, можно думать, не прерывалась и дошла до наших дней.

Вот несколько примеров. Фольклорная экспедиция Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского научного центра АН СССР обнаружила, что в селениях Татарстана, а также Пермской, Ульяновской, Пензенской областей главным образом пожилые женщины в долгие зимние вечера охотно поют или пересказывают отдельные места из «Кисса-и Йусуф» («История Иосифа») Кул Али и «Киссау'л-анбийа» Рабгузи, сохраняя старый языковой колорит произведений. Слушатели нередко запоминают их и стремятся передать другим. В процессе запоминания и пересказа творчески перерабатываются известные сюжеты и вместе с этим оказывается эстетическое и нравственное воздействие на людей.

Литературоведы Казахстана также отмечают, что казахские акыны исполняют в сопровождении домбры лирические фрагменты из «Киссау'л-анбийа» Рабгузи своим многочисленным слушателям.

Запоминание и пересказ старых письменно-книжных сюжетов с сохранением языка оригинала отмечены также у балкарцев и карачаевцев. Очевидно, такая практика существует у других тюркских народов, знаменуя конечный этап развития старых тюркских литературных языков. Если первый литературный язык тюрков проистекал из фольклора, то теперь конечное звено старотюркского литературного языка вливается в безбрежное море устного народного творчества.

При использовании литературных языков раннего периода приходится иметь дело как с собственно лингвистическими (внутренними), так и с экстралингвистическими (внешними) факторами. При этом встает целый ряд вопросов.

Из лингвистических надо прежде всего учитывать, соответствует ли данное языковое образование статусу литературного языка, указав признаки этого статуса. В экстралингвистическом плане внимание должно быть обращено на вопрос о реальных носителях литературного языка, о тех социальных слоях, которые были носителями литературной нормы.

Важно выяснить степень распространения грамотности, культурно-историческую и лингвистическую ситуацию, ведущие стимулы развития литературного языка: роль отдельных орденов и монастырей, больших городов, исторических движений и событий, деятельности поэтов, писателей, ученых, государственных

и общественных групп и лиц. В тюркском языкознании весь комплекс вопросов о ранних литературных языках пока слабо разработан.

Филологический анализ письменного памятника, исследование его языка можно уподобить изучению отдельного дерева в лесу, когда упускается из виду сам лес, – качественно иное явление, чем его составляющие. Но надо же составить представление и о лесе, а через него получить возможность узнать и такие свойства деревьев, которые при индивидуальном подходе ускользают из поля зрения.

Иной раз приводится большой материал, но вместе с тем делаются предварительные суждения, интуитивные догадки. Например, мы не можем говорить просто о «старотатарском литературном языке». Анализируя более или менее полный материал с функциональных позиций, следует говорить не об одном, а о пяти его вариантах: с огузской, хорезмско-тюркской, караханидско-уйгурской, булгарской и чагатайской основами.

Они не равносильны, но каждый из них представлен текстами, имеет под собой историко-культурную почву. Многие отрицают наличие старокиргизского литературного языка. Но если обратиться к письменным памятникам, известным у киргизов с конца XVIII в., выясняется, что киргизы – народ не только с давней письменной традицией (вспомним Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгарского), но и употреблявший в недавнем прошлом не менее пяти вариантов литературного языка: на чагатайской, староказахской, старотатарской, староузбекской основах и на языке и письменности ойратов (XVII в.).

Можно вести речь об одном из вариантов старотуркменского литературного языка, на котором творили туркменские поэты Махтумкули Фраги (1733–1783) и его отец Давлетмухаммед Азади (1700–1760). Основа их языка смешанная – огузо-чагатайская. Огузская традиция, следует допустить, восходит к особому литературному языку огузского типа, который зародился в XI–XII вв. в Хорезме во время правления сельджуков. Этот литературный язык, существовавший сравнительно недолго и на ограниченном пространстве, влияет на язык известных поэтов и религиозных авторитетов Хадже Ахмеда Ясеви и Сулеймана Бакыргани, а также поэтов чагатайской поры и ранних азербайджанских и турецких поэтов.

Опираясь на функциональный принцип, язык ранних (XIII–XIV вв.) турецких поэтов (Ахмад Факих, Джалаледдин Руми, Султан Велед, Шаййад Хамза) или каких-либо документов следует именовать старотурецким, а не среднеазиатско-анатолийским, или олга-болга, или как-либо иначе, что принято у современных исследователей.

Тексты созданы представителями турецкого народа, ему и принадлежат язык текстов и его наименование. Возникает вопрос: старотурецкий – это единственный вариант литературного языка, основанный на караханидско-уйгурской традиции, как показывает анализ языка указанных выше поэтов? Априори можно сказать – нет, не единственный вариант. Должны были существовать и другие: на хорезмско-огузский, чагатайский и на более или менее чисто анатолийский, собственно турецкой основах. Исследование турецкого материала в полноте покажет реальную картину вариативности старотурецкого литературного языка.

Обзор старотюркских литературных языков показывает их непосредственную преемственность, а это с очевидностью обнаруживает тесную взаимосвязь и взаимопомощь у тюркских народов в обмене ценностями духовной культуры на протяжении веков.

VII. Сельджукский, мамлюкско-кипчакский и булгарский литературные языки. Кроме литературных языков Центральной и Средней Азии, известны тюркские литературные языки других географических ареалов: Закавказья и Малой Азии, Египта, Поволжья. Эти языки не связаны какой-либо единой традицией, и сфера действия их во временном пространственном измерении уже, чем у группы центрально- и среднеазиатских языков.

1. Памятники огузского цикла XIII–XIV вв. из Малой Азии и Закавказья. К ним принадлежат следующие арабографические памятники: поэма «Чархнаме» Ахмада Факиха, стихи Джалаледдина Руми, «Ребаб-наме» Султана Веледа, собрание стихов Шаййада Хамзы и анонимная книга эпических сказаний огузов «Китаб-и Деде Коркуд». В структурном плане язык этих памятников представляет собою смешение огузских черт современных огузских языков с заметным влиянием уйгурской письменной традиции. Уйгурская традиция сохраняется в графике: выписываются буквы для гласных и диграф *ng*, служебные части слова пишутся отдельно от основы.

Уйгурские элементы встречаются и среди строевых единиц языка: мест. падеж *-da* в значении исх. падежа, форма исх. падежа на *-dyn*, глагольная форма на *-dacy*, деепричастие с формантом *-uban*. В лексике памятников выделяется слой арабских и персидских слов.

Несомненно, что природа языка памятников структурно-смешанная, наддиалектная. Язык произведений красочный, очень богатый выразительными средствами – изобилуют метафоры, параллельные синтаксические конструкции, устойчивые словосочетания и речения, иными словами, язык являет образец тщательной обработки.

Отсюда следует, что в данной группе памятников воплощена литературная форма одного из средневековых огузских языков. За ним закрепилось название «сельджукский». Письменный сельджукский язык имеет отношение ко всем литературным языкам южной, огузской группы: турецкому, туркменскому, азербайджанскому, крымско-татарскому, гагаузскому.

2. Письменные памятники кипчакского цикла XIII–XVII вв. из Египта и Сирии периода правления тюркских династий айюбидов и мамлюков. Большей частью это арабско-кипчакские глоссарии и грамматики кипчакского языка, составленные в духе арабской грамматической школы. Небольшое количество текстов религиозного, светского содержания.

Языку этих источников свойственна смешанность структурных знаков – совмещение северных и южных элементов: дат. падеж с формантами *-γa* и реже *-a*, причастие прошедшего времени на *-γan*, *-an*, *-myš*, настоящее время на *-adur* и *-ajor*, прошедшее время на *-myš*.

След уйгурского влияния засвидетельствован формой причастия будущего времени на *-dace*. В лексике памятников присутствуют нейтральные к диалектам арабские и персидские заимствования.

Наряду с наддиалектностью языка памятников заметна языковая шлифовка, обработанность. Различаются стили научной, религиозной и светской литературы. Есть все основания считать язык указанных источников литературным. Ос-

новные строевые элементы его кипчакского типа, поэтому и язык именуется «мамлюкско-кипчакским».

По некоторым морфологическим признакам мамлюкско-кипчакский в группе современных кипчакских языков тяготеет к казахскому, каракалпакскому и ногайскому.

3. Эпитафийные надписи XII–XIV вв. из Поволжья. В настоящее время насчитывается более двухсот памятников арабского письма эпитафийного содержания из района г. Казань и других мест по р. Волга.

Язык надписей характеризуется явлениями ротацизма, ламбдаизма и начальным *з*. В морфологическом плане он имеет южную (огузскую) окраску: дат. падеж с формантом *-a*, мест. падеж на *-ynda*, форма на *-duvi* (<огуз. *-duq*). Огласовка мест. падежа на *-ran* (<общетюрк. *-dan*) свидетельствует о частной особенности. Язык в общем представляет собою смесь признаков разных языков – ему свойствен наддиалектный характер. Эпитафийный стиль надписей выражен канонической формой текстов и некоторой языковой обработкой.

Язык надписей – литературный вариант, получивший название «булгарского». Языки булгарский и современный чувашский соотнесены близким сходством материальных единиц. Более поздний эпитафийный булгарский материал являет собой тип языка кипчакизованного вследствие употребления ритуального языка в другой этнической среде (кипчакской).

VIII. Народно-разговорные языки. Среди тюркоязычных памятников средневековья имеются и такие памятники, которые отражают языки, не отвечающие критерию литературного языка.

Если нет достаточных данных, что язык памятника обработан, стилистически вариативен и совмещает в себе признаки различных диалектов, т. е. наддиалектен, его следует квалифицировать как диалектный. К такого типа представителям разговорных тюркских языков XIII–XIV вв. следует отнести язык лексикологического труда «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари и несколько дословных переводов Корана на тюркский язык. Ценными памятниками разговорных кипчакских языков или диалектов конца XIII – начала XIV вв. является «Codex Cumanicus», а памятниками XVI–XVII вв. – судебные акты армянского письма из Каменец-Подольска.

IX. Вопросы классификации и периодизации древних и среднетюркских литературных языков. В последнее время интерес у тюркологов к классификации ослаб, но это не означает, что сами вопросы классификации не заслуживают внимания. А.Н. Самойлович считал, что существует один среднеазиатско-тюркский литературный язык и в истории его развития он выделял три периода: караханидский, хорезмский и чагатайский. Теория А.Н. Самойловича строилась на учете преемственности единой книжной традиции, видоизменяющейся в различные периоды под влиянием диалектной среды в крупных культурных центрах. Именно эта преемственность и вызвала критику А.К. Боровковым всей теории А.Н. Самойловича как построения, которое утрачивает историческую перспективу в развитии «диалектов», определяющих особенности литературного

языка в каждый период. Однако не принимать во внимание преемственность языковой традиции тоже нельзя, в противном случае формирование литературного языка будет приравниваться к модификации лишь диалекта, связанного с определенным этносом, т. е. природа литературного языка не будет полностью раскрыта.

Представляется, что периодизация не может основываться на одном каком-либо признаке, а должна быть комплексной, учитывающей как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы[8]. Среди внутриструктурных факторов каждый раз необходимо «рассмотрение» совокупных разнодиалектных признаков, сочетающих в тех городских койне, которые легли в основу национальных языков литературных языков[9]. От результатов этого рассмотрения зависит понимание того, с какой величиной приходится иметь дело – с самостоятельным литературным языком или с каким-либо его этапом.

В экстралингвистическом плане невозможно обойти вопрос о реальных носителях литературного языка, о тех социальных слоях, которые являются хранителями литературной нормы. Важно выяснение степени распространения грамотности, культурно-исторической ситуации и ведущих культурных стимулов развития литературного языка. Необходимо исследование видов письма и системы жанров в рамках отдельных видов письменности[10].

Поскольку сочетание разнодиалектных признаков городских койне в каждый период позволяет говорить о статусе самостоятельных языков, то, очевидно, приходится иметь дело с классификацией литературных языков Центральной и Средней Азии, а не с периодизацией единого среднеазиатско-тюркского развития литературного языка.

Признавая обоснованным выделение А.Н. Самойловичем трех периодов в истории развития тюркских литературных языков, в то же самое время надо признать, что этой схеме не хватает исторической глубины. Она может быть создана добавлением двух литературных языков раннего периода: рунического койне и древнеуйгурского литературного языка.

Типы тюркских литературных языков. Древне- и среднетюркские письменные памятники заключают в себе языки двух типов: литературные и народно-разговорные (диалектные).

Литературные языки, как можно было видеть, представлены в двух разновидностях. Первый вид – языки большого пространственного охвата (Центральная и Средняя Азия) и продолжительного времени действия (VIII–XVIII вв.). Очень невелик фонд памятников с записью тюркской диалектной речи. Это, главным образом, ареал кипчакских языков.

«Масштабность» одной группы литературных языков и более узкое поле действия другой группы стоят в прямой связи с интенсивностью исторических, социальных и культурных процессов.

---

[8] *Баскаков Н.А.* О периодизации истории литературного языка «тюрки» // Лингвогеография, диалектология и история языка. – Кишинев, 1973. – С. 136–146.

[9] *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* Указ. соч., с. 443.

[10] Там же, с. 446.

Обилие образцов литературного языка сравнительно с текстами живой обиходно-бытовой речи связано, по-видимому, с уровнем развития государственных институтов и высокой степенью книжной грамотности и образованности тюрок, пониманием высокой ценности поэтического слова рядом с простой, необработанной речью.

Из всего изложения следует вывод: наряду со структурно-генетическим изучением языка тюркских письменных памятников необходимо исследование их в социально-историческом, культурном и функциональном аспектах.

№ 1–2 (30–31) 2021

ВКЛАД Э.Р. ТЕНИШЕВА В ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

♦ ♦ ♦

О ВЗГЛЯДАХ Э.Р.ТЕНИШЕВА НА ИСТОРИЮ ДРЕВНИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ[1]

И.В. Кормушин
г. Москва

Резюме: Тюркская компаративистика была в центре внимания нашего руководителя, Эдхяма Рахимовича Тенишева, практически всегда, на протяжении всей его жизни. Благодаря этому его интересу наука имеет созданную под его руководством и при непосредственном участии шеститомную «Сравнительно-историческую грамматику тюркских языков». Одной из теоретических метапроблем, которая занимала Эдхяма Рахимовича, была проблема разграничения смежных дисциплин: историческая грамматика – история литературного языка – история общенародного языка. В статье предлагается авторский взгляд на решение этой проблемы.

Ключевые слова: историческая грамматика, история литературного языка, письменные памятники древних тюрков.

Теоретическому разграничению смежных историко-лингвистических дисциплин были посвящены несколько работ Э.Р. Тенишева. В них он попытался определить подходы к решению подобных задач. Одна из статей Э.Р. Тенишева была посвящена разграничению таких краеугольных понятий при работе с языковым материалом тюркских письменных памятников, как «историческая грамматика» и «история литературного языка». Как объясняет Э.Р. Тенишев, такое размежевание «было принято в отечественном языкознании» [Тенишев 1988: 68].

Да, действительно, подобное различение для *русского* языка должно было возникнуть и действительно возникло в связи с особым происхождением русского письменно-литературного языка, получивший позднее название «церковно-славянского» и представлявший диалекты

[1] Работа выполнена по гранту «Коррекционные исследования древнетюркских рунических памятников на территории Монголии», проект № 20-512-44016 Монг_а.

Кормушин Игорь Валентинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, e-mail: igorkormushin@yandex.ru.

южных славян. Последнее объясняется тем, что первые проповедники христианства среди славянских народов Кирилл (Константин) и Мефодий, ученые греки, происходили из города Солунь (совр. Салоники), среди населения которого было много южных славян-македонцев. Проповедники знали этот язык. И когда в 863 г. в г. Константинополь прибыло посольство Ростислава, князя Великой Моравии, недавно принявшей христианство, с просьбой к императору ромеев помочь славянам в освоении новой для них религии посылкой проповедников, то было решено поручить эту миссию братьям Кириллу (827–869) и Мефодию (815–885).

Кирилл и Мефодий успели составить славянскую азбуку «глаголицу» и вместе с учениками засесть за переводы богослужебных книг. Фактически церковнославянский язык создавался в постоянных поисках переводных эквивалентов специфических понятий и выражений богослужебного канона. Особый импульс развитию славянского языка-реципиента придала необходимость поиска/создания слов для выражения отвлеченных, абстрактных понятий, которыми изобиловал язык оригинала – греческий. Впоследствии один из их учеников, Климент Охридский (840–916), взял за основу другой славянской азбуки греческий унциал, дополнил его буквами из глаголицы, что и вошло в историю как «кириллица».

В самом начале X в. государство Великая Моравия (в основном это земли современных Чехии, Словакии и очень небольшие территории нынешних: с севера – южной Польши и с юга – северной Венгрии) прекращает свое существование. Еще ранее она по внутриполитическим причинам отходит от православия, Польша и Чехия принимают католицизм, становятся частью западнохристианского мира, и дело дальнейшего развития церковнославянского языка переходит под эгиду нового балканского государства – Болгарии. Это последнее создавалось как уния двух разных, неродственных этносов: а) так называемых «протоболгар» – народа тюркского происхождения, говорившего на «булгарском» диалекте особой ветви тюркской языковой семьи, сохранившейся доныне в виде чувашского языка; б) славян южной ветви, языки которых сохраняются как современные македонский и болгарский. Принятие протоболгарами православия устранило препятствия на пути объединения указанных этнически и языково неродственных этносов, которое было оформлено в 893 г. утверждением Симеона первым царем объединенной Болгарии.

В силу приведенных сведений о работе над созданием богослужебного славянского языка часто высказываемый в русской филологии тезис о том, что восточные славяне получили этот язык от «болгар», в общем правильный по языковой сути, нуждается в небольшой исторической корректировке: да, в основу церковнославянского языка положены южнославянские диалекты – и на раннем этапе, и впоследствии, но начался этот процесс на западнославянской территории под патронажем властей Богемии.

Нечто аналогичное мы имеем и в случае с тюркским письменно-литературным языком. Орхонские руноподобные (~ рунические) памятники конца VII – первой половины VIII вв. созданы в эпоху и на политическом пространстве тюрков (собственно тюрков, в узком этническом значении этого термина). Но уже В.В. Радлов говорил об этом языке как литературном, в основе которого лежат несколько диалектов: язык собственно тюрков, язык древних уйгуров и смешанный

язык памятников манихейского содержания. Определенно удержались в этой классификации первые два. После открытия словаря Махмуда Кашгарского диалектная подоснова языка древнеписьменных памятников получила точные критерии оценок в виде установленных Махмудом Кашгарским межтюркских фонетических соответствий, из которых А.Н. Самойлович отобрал признаки, значимые для разделения всех тюркских языков на классификационные группы, ранжировав их по относительно-хронологическому принципу.

Согласно этой концепции, самое раннее распочкование общетюркского родословного древа (по-другому: распад единого праязыка) состоялось на основе межъязыкового чередования в строго определенной группе древнейших основ неначальных звуков *-r* и *-z*, иначе: на основе признака ротацизма/дзетацизма – это отхождение/отделение от праязыка булгарской ветви/группы, см. выше. Хронологически следующая филиация общетюркского генеалогического древа по А.Н. Самойловичу – это разделение оставшейся небулгарской диалектной массы на две большие ветви – восточную и западную: восточные – группы карлукско-уйгурских *d-δ-z-t-*языков, обладающие словами типа *adaq*/*aδaq*/*azaq*/*ataq*; западные – кыпчакские и тюрко-огузские группы *j*-языков со словами типа *ajaq*.

Схематически изложенная выше классификация А.Н. Самойловича способна наглядно объяснить такой феномен сложения литературно-письменного языка древнейших тюркских – орхонских – надписей, как смешанный характер этого языка, о чем ученые стали говорить примерно с 1910-х гг., т. е. задолго до открытия материалов словаря Махмуда Кашгарского и созвучной с этими материалами и в известной мере развившей их истинное значение для предыстории и ранней истории тюркских языков вышеуказанной классификации. [Кормушин 2020].

Для них обоих маркером является наличие в определенной группе слов в срединной позиции межзубного дентального *-δ*: *aδaq* ‘нога’, *qaδïŋ* ‘береза’, *qaδïn* ‘свойственник’ и др. Группе *δ*-диалектов, или диалектов тюрков в формулировке Кашгари, противополагается группа диалектов ягма, тухси, кыпчаков, ябаку, татар, кайы, чомулов и огузов, которые межзубный *даль* в приведенных и других подобных словах тюрков заменяют на проточный *-y-*, имея здесь соответственно: *ayaq* ‘нога’, *qayïŋ* ‘береза’, *qayïn* ‘свойственник’. Это и есть диалекты огузов «и тех, кто близок им», по данным Кашгари конца XI в. Описанное Кашгари фонетическое соответствие имеет еще одну ступень реализации: «точно так же *заль* в речи чигилей и других тюрок некоторые из кыпчаков, емеков, суваров, булгар и тех, чьи земли простираются до Руси и Рума, заменяются на *зай*. Например, у тюрок ‘нога’ называется *aδaq*, а они называют *azaq*» [Maḥmūd al-Kāšγarī 1982: 27].

Далее, Э.Р. Тенишев развивает тему различий в таком понимании предмета исторической грамматики: «историческая грамматика языка в целом, в сумме всех его страт» и «историческая грамматика только одного высшего страта – литературного языка» [Тенишев 1988: 68]. Такой подход, по мнению Э.Р. Тенишева, позволяет «выделить три типа истории одного и того же языка: 1. Историческая грамматика национального языка. 2. Историческая грамматика литературного языка. 3. История литературного языка».

Здесь хотелось бы остановиться и еще раз подумать: а правильно ли из традиционной дисциплины № 3 – «истории литературного языка» выделять еще до-

полнительную дисциплину № 2 – «историческую грамматику литературного языка»? Думается, такое дробление не совсем оправданно.

Во-первых, «историческая грамматика» предполагает исследование заведомо идентичных, «одних и тех же» форм языка, лишь попавших или не попавших под действие законов постепенных естественных изменений звуковых оболочек и семантики слов. Напротив, в «истории литературных языков» под видом идентичных форм и семантем на разных хронологических срезах могут выступать не идентичные сущности, а языковые единицы, имеющие отличающееся друг от друга, хотя и близкое происхождение (не родные братья и сестры языковых форм, а я бы назвал их «сводными»).

Во-вторых, как давно уже известно в тюркологии, языки самых древних наших памятников имеют в своих средствах соединение разных древнедиалектных стихий: уйгурской и огузской.

А.Н. Кононов писал, что язык памятников впитал в себя «наиболее характерные черты двух, в ту пору наиболее крупных языковых групп – уйгурской и огузской, в силу чего [этот] язык … представляет собою, как и всякий письменно-литературный язык, довольно пеструю картину в отношении использования грамматических форм уйгурского и огузского фондов» [Кононов 1980: 4]. Словно бы чуть варьируя аналогичное заключение, Э.Р. Тенишев писал, что «первый письменный литературный вариант – язык памятников рунического письма (руническое койне) сложился на огузской основе с уйгурскими и кыпчакскими включениями» [Тенишев 1997: 35]. Думается, что менее вероятно второе заключение: все-таки в основе древнетюркского литературного койне больше строевых уйгурских черт, чем тюркско-огузских. Здесь опять путеводную нить дает инлаутное соответствием *d*//*j*, не будем забывать, что орхонские памятники – все *d*-язычны.

Вряд ли учитывая этот фактор, стоило бы говорить «об исторической грамматике».

Мне представляется более правильной, учитывающей все противоречивости языкового материала орхонских рунических надписей, интеграция их в понятие «древнетюркское койне смешанной огузо-уйгурской природы» [Тенишев 1976: 170], как это традиционно идет от В.В. Радлова. История языка орхонских памятников продлилась чуть более 50 лет, с 680-х гг. по 735 г. Но язык этот оказался настолько популярен, что когда в 744 г. уйгуры смели режим своих сюзеренов-тюрков, под властью которых они существовали почти 200 лет, для них стало возможным почти сразу же пойти путем летописно-языковой культуры, расцветшей в годы Второго восточно-тюркского каганата. Уже в 750 г. уйгуры воздвигают Тесинскую стелу с надписью; в 754 г. – Терхинскую стелу, а в 760 г. – огромную стелу на р. Селенге, традиционном регионе обитания уйгуров в древности [Кормушин 2004: 147–172]. Все эти три надписи выбиты тем же руноподобным письмом, что и орхонские надписи, и практически на том же койне, на котором писались орхонские тексты. Фактически в этом и состоит доказательность тезиса о двухкомпонентной основе древнетюркского рунического койне. Отсюда же проистекает вывод о том, что развитие рунического койне подпитывается не естественной эволюцией форм живого общенародного языка, которая

отслеживается исторической грамматикой, но сознательными новациями авторов надписей и др. письменных жанров, создаваемых на основе эстетических, вкусовых, идиоэтнических, выразительно-стилистических и т. п. пристрастий авторов. Поэтому изменения в фонетике и семантике языковых форм любого койне, в том числе и древнетюркского, опираются на языковую компетенцию автора. Если автор улавливает тенденции развития языка и следует им, его новация сохраняется и может быть подхвачена другими. В противном случае подобная форма не получает развития и затухает. И конечно, это движение изучается дисциплиной «история литературного языка». «Историческая грамматика» изучает спокойное, без вмешательства человека развитие форм языка. Хотя в конце концов за каждым языковым изменением стоит человек. Просто историческая грамматика изучает обезличенную историю языковых форм, а история языка – это всегда или по большей части воссоздание картины «в лицах», пусть иногда полустертых, а иногда стертых от нас временем совсем.

Литература

Кононов 1980 – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. – 255 с. {*A.N. Kononov.* Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the VII–IX centuries. – Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1980. – 255 p.}

Кормушин 2004 – *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 336 с. {*I.V. Kormushin.* Old Turkic Languages. – Abakan: N.F. Katanov Khakass State University publishing house, 2004. – 336 p.}

Кормушин 2020 – *Кормушин И.В.* Почему в классификации А.Н. Самойловича язык орхоно-енисейской письменности отнесен им к юго-восточной (уйгуро-карлукской), а не к юго-западной (огузской) группе тюркских языков // Российская тюркология. – М., 2020. – № 3–4 (28–29). – С. 5–8. {*I.V. Kormushin.* Why A.N. Samoylovich classified the language of the Orkhon-Yenissei monuments as a South-Eastern (Uighur-Karluk) and not the South-Western (Oghuz) group of Turkic languages // Russian Turkology. – Moscow, 2020. – PP. 5–8.}

Самойлович 1926/2005 – *Самойлович А.Н.* К вопросу о классификации турецких языков. – Баку, 1926. – Цит. по: Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – С. 88–92. {*A.N. Samoylovich.* On the classification of Turkic languages. – Baku, 1926. – As in: Turkic linguistics. Philology. Runic Inscriptions. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN (RAS), 2005. – PP. 88–92.}

Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica 1976. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова / Отв. ред.: С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, Э.Р. Тенишев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – С. 164–172. {*E.R. Tenishev.* On supra-dialectal character of the language of Turkic runic monuments // Turcologica 1976. To the 70th anniversary of academician A.N. Kononov. – Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1976. – PP. 164–172.}

Тенишев 1988 – *Тенишев Э.Р.* Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Советская тюркология. – Баку, 1988. – № 1. – С. 67–85. {*E.R. Tenishev.* The formation principles of historical grammars and histories of literary languages // Soviet Turkology. – Baku, 1988. – No. 1. – PP. 67–85.}

Тенишев 1997 – *Тенишев Э.Р.* Тюркоязычных письменных памятников языки // Языки мира / Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 35–46. {*E.R. Tenishev.* Languages of Turkic written monuments // Languages of the World / Turkic languages. – Moscow: Indrik, 1997. – PP. 35–46.}

Maḥmūd al-Kāšγarī 1982 – Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luγāt at-Turk) / Edited and translated with introduction and indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. – Part I. – Harvard University Printing Office, 1982.

ON THE VIEWS OF E.R. TENISHEV ON THE HISTORY OF ANCIENT LITERARY TURKIC LANGUAGES

I.V. Kormushin

Moscow

Summary: Turkic comparative studies were in the focus of attention of Edhyam Rakhimovich Tenishev throughout all his life. Thanks to his interest on such studies, the turkological science has a six-volume «Comparative-historical grammar of Turkic languages» which was created under his leadership and with his direct participation. One of the theoretical meta-problems that Edhyam Rakhimovich Tenishev dealt with was the problem of delimiting three related disciplines: historical grammar, history of literary language and history of common language. The article offers the author's view of the solution to this problem.

Key words: historical grammar, history of literary language, written monuments of ancient Turks.

Igor Valentinovich Kormushin – Ph.D. in philology, professor, chief research scientist of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: igorkormushin@yandex.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «МУҺӘББӘТ» («ЛЮБОВЬ») В УЙГУРСКИХ ТЕКСТАХ Э.Р. ТЕНИШЕВА: УСТОЙЧИВЫЕ КОНСТРУКЦИИ И МЕЖСТИЛЕВАЯ КОНТАМИНАЦИЯ

С.Н. Абдуллаев
г. Каракол

Резюме: В статье рассматриваются синтаксические особенности фольклорных текстов на материале уйгурских диалектов, записанных и опубликованных Э.Р. Тенишевым. Они интерпретируются в качестве одного из способов выражения концепта «*муһәббәт*» («любовь»). Выявлены случаи своеобразия синтаксических конструкций по сравнению с литературным языком. Отмечается релевантность типизированных текстовых фрагментов в контексте контаминации диалектных особенностей с письменным литературным языком.

Ключевые слова: Э.Р. Тенишев, уйгурские диалекты, фольклорные тексты, концепт, синтаксический, контаминация стилей.

Языковые средства репрезентации фольклорной действительности традиционно привлекали внимание таких известных тюркологов, как В.В. Радлов, С.Е. Малов, Э.Р. Тенишев и др. В фольклорно-языковой картине мира по-своему отражается целостный образ действительности. Своеобразие концептуализации элементов окружающей действительности и специфика их вербального выражения во многом обусловлены комплексом характеристик фольклорных текстов. Такая специфика обнаруживается не только в лексике, но и в грамматических конструкциях [Абдуллаев 1990: 26–32].

Материал, цели и методы исследования

Материалом исследования для статьи послужили фольклорные прозаические и поэтические тексты, собранные Э.Р. Тенишевым и опубликованные им в книге «Уйгурские тексты» [Тенишев 1984]. Целью настоящей статьи является описание синтаксических особенностей «Уйгурских текстов» Э.Р. Тенишева. Основными методами являются описание диалектных синтаксических особенностей и сопоставление их с литературным языком.

Абдуллаев Сайфулла Нурмухамедович – доктор филологических наук, профессор, глава научно-образовательного этнокультурного центра «Ренессанс» Иссык-Кульского государственного университета, e-mail: sayfulla.abdullayev@list.ru.

Вводные замечания

Мы обратились к синтаксису и его особенностям как к способу вербализации концепта «*muhəббət*» («любовь»). Данный концепт является одним из наиболее часто представленных в уйгурском фольклоре [Бокиев 1978: 163], как, впрочем, и в других тюркских языках [Сибгаева 2009: 3]. Кроме того, именно при обращении к данному концепту обнаруживаются типизированные синтаксические структуры в фольклорном тексте, скрывающие в себе один из ключей к решению проблемы контаминации диалектной речи и книжно-литературного языка, которую обозначил Э.Р. Тенишев [Тенишев 1984: 5]. В качестве гипотезы мы обратились к предположению, что необходимость выражения концепта «*muhəббət*» («любовь») вызвали к жизни в уйгурском фольклоре устойчивые текстовые блоки, передающие образность мышления. Их формирование сопровождалось отдалением от диалектных синтаксических особенностей и сближением с нормами литературного языка.

Как считают отдельные авторы, фольклорная картина мира, как разновидность общей картины мира, представляет собой трансформированный мир действительности. Она создавалась в результате семантической перекодировки нефольклорного материала (мифологического и этнографического) через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики [Путилов 1994; Черванева 2003].

Обращаясь к фольклорной картине мира, в первом приближении важно выделить две стороны: 1) связь с ментальностью, отражение культурных и психических особенностей этноса, стереотипы сознания, имеющие истоки в мифологии (культурно-исторический аспект); 2) связь с языком (языковая фольклорная картина мира) [Елизарова 2010: 52]. По мнению Г.С. Елизаровой, отличительными свойствами фольклорной картины мира среди исследователей считаются: 1. Вариативность, мотивирующаяся разной степенью прагматических намерений создателей жанров и их последователей, разной степенью условности в отражении действительности. Основу ее формирует ряд базовых концептов, также варьирующихся по жанрам. 2. Уникальность. В языке фольклора формируется своеобразный фрагмент, который мотивируется наибольшей степенью условности отражаемой действительности. Как показывает анализ, высокой степенью условности в отражении действительности обладают сказки. 3. Избирательность отражаемой информации, обусловленная ценностной неоднородностью реалий окружающего мира в сознании этноса. [Елизарова 2010: 53–54]. Фольклорная картина мира добавляет к реальной, объективно существующей картине мира специфическую коннотацию, отражающую менталитет и своеобразие национальной культуры. Основными жанрами фольклора являются пословицы, поговорки, песни, загадки, сказки [Елизарова 2010: 54].

XX век можно считать периодом активного изучения диалектов уйгурского языка. Особенностью таких исследований является запись, обработка и публикация текстов, являющихся образцами уйгурской фольклорной речи. Здесь можно вспомнить записи Г. Ярринга, С.Е. Малова и других исследователей, отличающиеся лингвистической ценностью и значимостью.

Фольклорные тексты дают возможность почувствовать образность ментальности этноса. Ср. в турецком пословицу об удачливом человеке: *Şanslı adamı Nil*

nehri'ne atsa, ağzında bir balıkla çıkacak 'Забрось удачливого человека в реку Нил, и он выскочит с рыбой во рту'. Очевидно, что на примере приведенной пословицы можно говорить о репрезентации концепта *«şans»* («удача»).

Под концептами мы понимаем ментальные единицы, содержащие ценностные знания об экстралингвистических явлениях, релевантных с точки зрения этнической культуры. Это этноспецифические понятия. Концепты отражают устоявшиеся знания этноязыкового коллектива и традиционные коллективные установки социума.

Основная часть

Ценный фольклорный материал, собранный и опубликованный Э.Р. Тенишевым, содержит вербализацию таких базовых концептов, как «*Худа*/*Алла»* («Бог»), «*иман»* («вера»), «*той»* («свадьба»), «*муһәббәт»* («любовь»). Репрезентацию и варьирование указанных концептов можно проследить, обращаясь к жанрам прозы (рассказы, сказки) и поэзии (песни, стихи, поэмы). В обобщенном виде после знакомства с «Уйгурскими текстами» и их концептуальной интерпретацией можно увидеть своеобразные воззрения на мир с определенными ценностями, программой «шествия человека по жизненному пути», красочными образами поэзии. В уйгурской лингвокультуре ключевые концепты несут на себе гипермодальную нагрузку, которая служит индикатором художественности в тексте [Абдуллаев 2020: 69]. В этом можно усмотреть еще одну из причин феномена смешения диалектной и книжно-литературной речи.

На протяжении пяти месяцев упорной полевой работы Э.Р. Тенишевым был собран значительный материал, который лег в основу книги по фольклорным текстам. В «Уйгурских текстах» нашли свое отражение все три основных диалекта уйгурского языка, которые выделялись диалектологами, проводившими исследования в прошлом столетии [Строй 1989: 34–35]. Представлены почти все многочисленные говоры и наречия центрального (северо-западного) диалекта.

Тексты в книге Э.Р. Тенишева систематизируются в зависимости от тех населенных пунктов, в которых проводилась запись материалов. В результате разделы книги представлены отдельными топонимами: Турфан, Караходжа, Кучар, Аксу (старый город), Маралвеши, Аксу (новый город), Кашгар, Яркент (старый город), Гума, Хотан, Лоб, Черия, Керия, Лобнор. Каждый раздел включает тексты, которые относятся к различным жанрам прозы и поэзии.

Жанр поэзии преимущественно представлен текстами песен. Песня выступает по отношению к уйгурам своеобразным способом настройки процесса их мировосприятия: в этом нашла свое отражение певчая душа уйгурского народа. В языковом плане интересно варьирование текстов одних и тех же песен. Фольклорные устоявшиеся песенные тексты выступают в роли инвариантных: разные песни с разной мелодией в принципе используют одни и те же тексты, с различными вариантами. Это может быть замена конкретных слов или образов при использовании приема параллелизма строк.

Часто наблюдается употребление стандартизированного фрагмента текстов песен в различных песнях. Например, *Akhsham ichkän sing chayning Ämdi chiqti khumari* 'Только что утолилась жажда чая, выпитого вчера'. По нашему мнению,

такие типизированные фрагменты образно вербализуют определенные базовые концепты. Так, приведенный фрагмент содержит ключевое слово *хумар* ‘сильное желание, страсть’ [Наджип 1968: 429]. Сам фрагмент употребляется в поэтических текстах для экспликации концепта «*muhəббət*» («любовь»), включающего в себя образ сильного неугасимого чувства. Данные строки допускают лексико-семантическое варьирование, при котором, в частности, замещается позиция глагола-сказуемого: происходит замена глагола движения от исходного объекта *чиқмақ* ‘выходить’ глаголом движения по направлению к определенному объекту *кәлмәк* ‘приходить’: *Akhsham ichkän sing chayning Ämdi käldi khumari* ‘Только что ощутилась жажда чая, выпитого вчера’. Нарисованная картина выглядит так, что чай выпивается вчера, а желание пить только-только уходит, утоляется (*чиқмақ*) или только-только начинает ощущаться, приходить (*кәлмәк*). На наш взгляд, существенным здесь является неизменность лингвокультурной образной составляющей концепта, несмотря на то, что применяется замена глаголом прямо противоположного направления действия-движения. Однако вследствие метафоричности текста образ сильного чувства сохраняется без изменений. Эта закономерность позволяет увеличивать частотность употребления данного и подобных ему многочисленных фрагментов в разных текстах как типизированных фольклорных фрагментов. В этом мы видим еще одну из причин того любопытного смешения «элементов книжно-письменного языка с диалектной речью» в уйгурских фольклорных текстах, которым заинтересовался Э.Р. Тенишев [Тенишев 1984: 5]. Такую закономерность можно проследить и в отточенных и отшлифованных текстах, которые используются в известных «Двенадцати мукамах» [Абдуллаева 2015: 74]. Кроме того, в качестве причины феномена стилевой контаминации можно указать на преемственную связь между фольклорными текстами и литературными памятниками [Abdullaev 2020: 14].

В стихотворных фольклорных текстах, как уже было отмечено нами раньше, особенно активно вербализуется концепт *«muhəббət»* («любовь»), что подтверждается и материалами С.Е. Малова по кумульскому диалекту:

Jар боса, түзүк боса ‘О, если бы была милая, была бы с тонкой талией,
Беш қолда үзүк боса. На пяти пальцах были бы (у нее) кольца.
Бер қарап күлүп қоса, О, если бы смотрела она и улыбалась,
Беш күнлүк узуқ (< озуқ) боса! И (у нас) пищи было бы на пять дней!’
[Малов 1954: 39]

Этот образец использования стилистической фигуры синтаксического параллелизма конструкций желания в приведенном фрагменте поэтической речи встречается и в турфанском говоре центрального диалекта:

Jар боса, түзүк боса ‘О, если бы была (у меня) любимая и верная!
Беш қолда үзүк боса. И – о, если бы были у нее кольца на пяти пальцах!
Шу jарны бер сөӈjсä, О, если бы (по)целовать такую подругу,
Беш күнлүк (< күнлүк) узуқ боса! И был бы провиант на пять дней!’
[Малов 1961: 88]

В прозаических текстах, опубликованных Э.Р. Тенишевым, часто затрагиваются такие темы, как история и краеведение, религия и культура. Встречаются

тексты и собственно лингвистической тематики, в которых сопоставляются глагольные формы говоров и литературного языка. На наш взгляд, допустимо говорить о своеобразной шкале, отражающей степень условности в отражении действительности и типизированности. Высокая степень типизированности характерна для пословиц [Jarring 1975: 30]. С нашей точки зрения, возможно предположить, что типизированные фольклорные фрагменты, аналогичные рассматриваемым нами, служат основой для языковых конструкций, которые затем переходят в разряд пословиц. Со стороны условности как способа художественной образности крайние позиции на такой шкале занимают рассказ и сказка.

Когда речь идет о диалектной прозаической речи, можно указать специфические моменты в области синтаксиса. Так, например, в лобнорском диалекте отмечена парадоксальная с точки зрения закономерностей литературного языка инфинитная форма зависимого сказуемого в полипредикативных структурах, представляющая собой сочетание деепричастия на *-май* (как и в других тюркских языках, в лобнорском диалекте это отрицательная форма деепричастия на *-п*) [Алиева 2013: 117] с грамматикализовавшейся единицей темпоральной семантики *чақта*/*чахта: Biz toɣulmaj čaqta bu laqam qošulɣan* ‘Эти лакамы появились, когда мы еще не родились’ [Тенишев 1984: 119]. В литературном языке таким формам соответствуют аналитико-синтетические сочетания отрицательной формы причастия прошедшего времени на *-ған* и лексемы *чағда* вместе с частицей *техи* ‘еще’*: Қар техи яғмиған чағда, деханлар йезиға қайтип келишти* [Жамалдинов 1986: 183] ‘Когда еще не выпал снег, земледельцы вернулись в село’. Это вариант-реализация отдельной модели сложноподчиненных предложений аналитико-синтетического типа с семантикой времени. Ср.: *Доклад башланған чағда, у биринчи қатарда олтиратти* ‘Когда начался доклад, он сидел в первом ряду’ [Һазирқи 1966: 403]. Сочетание аффикса причастия на *-ған* и лексемы *чағда* является конструктивно ведущим компонентом, формирующим сложноподчиненные предложения времени с семантикой одновременности. Активное использование инфинитной формы на *-ған чағда* отмечено в текстах желтых уйгуров, записанных С.Е. Маловым: *Мындан пырынго чағда, уруғ пытылған чағда, Сижо-Кажыда чағлуған түгете, уғур путелгенден соң, алты азақтыг чөчаны ағылға үндүргек тро* ‘В прежнее время – в то время, когда завершилось сватовство (букв. родство), когда расселялись в Сиджо-Хаджо, после завершения родства шестиногая вешалка выставляется на дворе’ [Малов 1967: 41]. Корреляция отрицательной формы причастия прошедшего времени на *-ған* в литературном языке и деепричастной формы на *-май* в лобнорском диалекте наводит на мысль о семантическом параллелизме с причастием еще не совершившегося действия на *-а элек*/*-галак*/*-гелек,* представленным только в киргизском и сибирско-тюркских языках, но не отмечающемся в других тюркских языках, в том числе и современном уйгурском языке [Абдуллаев 1982: 97].

В сфере полипредикативного синтаксиса отмечены и другие интересные конструкции. В современном уйгурском литературном языке в сложноподчиненных предложениях времени с семантикой следования события главной предикативной единицы за событием зависимой предикативной единицы используются инфинитная форма зависимого предиката, в составе которой послелог *кейин* сочетается с причастием прошедшего времени на *-ған* в форме исходного падежа.

Например: *Биз қуруқ чай ичкәндин кейин, һәдәм йолға раван болди* [Строй 1989: 411] ‘После того как мы попили чай, моя сестра отправилась в путь’. В «Уйгурских текстах» встречается инфинитная форма зависимого сказуемого, в которой причастие на *-ган* сочетается с послелогом *кейин* в форме не аблатива, а генитива: *Kelsä palaŋ mäzzümüŋ oγul tuγdō, palaŋ mäzzümüŋ qiz tuγdō digännin kejin ätni čapadikän* ‘Когда вернулись и после того как сказали, что жена одного родила сына, а жена другого родила дочь, пустили коней вскачь’ [Тенишев 1984: 127].

В кашгарском говоре среди инфинитных глагольных форм можно заметить употребление деепричастной формы на *-гили* с семантикой предпочтения вместо формы на *-ғичә* в литературном языке: *Namärt jolvās vōγili märt sačqan vol!* ‘Чем быть трусливым тигром, будь храброй мышью!’ [Тенишев 1984: 59].

Многие прозаические тексты содержат толкование этимологии конкретных топонимов, а также передают любопытное краеведческое содержание. В качестве примера можно указать на текст под заголовком «Рассказ о прошлом» и текст «История долан» [Тенишев 1984: 30–31]. Это представляется интересным, так как существует мнение, согласно которому ареал Восточного Туркестана, где записаны «Уйгурские тексты», интерпретируется в качестве транзитной зоны, в которой подвергались предварительной «обкатке» топонимы тюрко-монгольского происхождения в процессе их продвижения в сторону Средней Азии [Акматов 2019: 956].

Среди записанных текстов точно передает специфику детского фольклора следующий текст считалочки:

Taqqa tuqqi	‘Такка, тукки,
zänjir, halqa.	Цепь, кольцо.
Qaraqoj nededo? Baγdido –	Черный баран где? В саду.
Baγni baxsam, baγdi joq,	В сад заглянула, в саду нет.
taγni baxsam, taγdi joq.	В горы заглянула. В горах нет.
Orülüp-čörülüp, sän turup,	Вертясь-вращаясь, ты – стоп,
sän čiq!	Ты выходи!’

[Тенишев 1984: 46–47]

Говоря о специфике детского фольклора, мы в данном случае имеем в виду, что со стороны синтаксического оформления и лексического наполнения эта считалочка может также считаться примером типизированности фрагментов фольклора. Точно в таком виде она встречается в языке уйгуров Кыргызстана и Казахстана.

В поэтических текстах, записанных и подготовленных к публикации Э.Р. Тенишевым, часто встречается устойчивая типовая синтаксическая структура, которая оказывается построенной по схеме **Бу N1⇔Adj N1**. Она выполняет роль своеобразного зачина в стихотворных фольклорных текстах. В ее структуре отмечается тавтология имени существительного. Синтаксическая позиция **(N1)** заполняется дважды. При этом в первом случае перед именем ставится указательное местоимение *бу* ‘этот’, а во втором случае – обязательное определение **(Adj)**: *Bu taγlar eγiz taγlar* ‘Эти горы высокие горы’. В «Уйгурских текстах» представлены примеры с такими интродуктивными синтаксическими конструкциями:

Bu ɣojlā joɣan ɣojlā,
joɣan ɣojlani kim bojla?

‘Этот двор, огромный двор,
Огромный двор кто обойдет?’
[Тенишев 1984: 61].

Фольклорные тексты, попадающие в раздел «Поэзия», изобилуют сравнениями и метафорами:

Eriqtiki laj sudäk
ketip barido jašliq!

‘Подобно мутной воде в арыке
Утекает молодость!’
[Тенишев 1984: 21]

Qizil gülni demisäm,
gončisini üzgüm joq.
Sen jarimni demisäm,
bu Xotändä turɣum joq!

‘Если бы не красная роза,
То не хочу срывать ее бутон.
Если бы не ты, моя милая,
То не хочу жить в этом Хотане!’
[Тенишев 1984: 82]

Последний типизированный фрагмент, содержащий параллельное описание отношения лирического героя к бутону розы и возлюбленной, часто варьируется в плане указания на место проживания (как правило, это наименование населенного пункта) адресата, к которому непосредственно обращено содержание самого фрагмента:

Qizil gülni demisem,
Ɣunčisini üzgüm yoq.
Sen, yarimni denisem,
Bu kočaŋɣa kelgüm yoq.

‘Если бы не красная роза,
То не хочу срывать ее бутон.
Если бы не ты, моя милая,
То не хочу приходить на эту улицу’.

Касаясь смешения «элементов книжно-письменного языка с диалектной речью» в уйгурских фольклорных текстах, мы склонны отмечать некую консервативность и типизированность текстовых фрагментов. Но, с другой стороны, наблюдения над синтаксисом позволяют сделать выводы о наличии изменений и динамизма. Так, например, в кумульских текстах, которые были записаны С.Е. Маловым в начале XX столетия, бросается в глаза употребление интересных вопросительно-местоименных глагольных конструкций типа *nemne qylɣyli* ‘зачем’ вместо субстантивных падежно-послеложных сочетаний в литературном языке типа *немә үчүн* ‘зачем’ [Абдуллаев 1990: 26–32]. В кумульских текстах Э.Р. Тенишева такой активности в употреблении местоименно-глагольных конструкций мы уже не наблюдаем. Следовательно, синтаксические конструкции в фольклорных текстах, с одной стороны, склонны к консерватизму, типизации в качестве устойчивых единиц. В то же время им свойственен некоторый динамизм и изменения в плане активности при употреблении частотных конструкций.

Выводы

По материалам «Уйгурских текстов» Э.Р. Тенишева можно заключить, что концепт *«муһәббәт»* («любовь») является центральным в фольклорно-языковой картине мира. Несмотря на то что синтаксические способы вербализации концептов принято относить к периферии системы таких средств, в контексте по-

ставленной Э.Р. Тенишевым проблемы межстилевой контаминации в уйгурских фольклорных текстах они приобретают достаточную актуальность. Консервативность синтаксического уровня обусловливает сохранение своеобразия синтаксических единиц в сравнении с литературным языком. Вместе с тем в фольклорных текстах выделяются особые типизированные устойчивые фрагменты, ярко и колоритно передающие образный компонент концепта «*муһәббәт*» («любовь»). Будучи регулярно воспроизводимыми, такие текстовые блоки объясняют феномен межстилевой контаминации диалектных черт с нормами книжно-литературного языка. Эту их особенность еще дополняют, с одной стороны, гипермодальная нагрузка базовых концептов в уйгурской лингвокультуре, подчеркивающая художественную образность текстов, и корреляция фольклорных текстов с литературными памятниками, с другой.

Литература

Абдуллаев 1982 – *Абдуллаев С.Н.* Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). – Новосибирск, 1982. – С. 96–109. {*S.N. Abdullayev.* The participle of a non-finished action in the role of a dependent predicate // Structural and functional types of complex sentences (based on the material of the languages of the peoples of Siberia). – Novosibirsk, 1982. – PP. 96–109.}

Абдуллаев 1990 – *Абдуллаев С.Н.* Вопросительно-местоименные конструкции в хамийских текстах С.Е. Малова // Маловские чтения. – Алма-Ата: Наука, 1990. – С. 26–32. {*S.N. Abdullayev.* Interrogative-pronominal constructions in Hamiy texts of S.Ye. Malov // Malov readings. – Alma-Ata: Nauka, 1990. – PP. 26–32.}

Абдуллаев 2020 – *Абдуллаев С.Н.* Гипермодальная нагрузка концепта *муң* в уйгурской лингвокультуре // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 1 (30). – С. 62–70. {*S.N. Abdullayev.* Hypermodal significance of the concept of *muŋ* in Uyghur linguoculture // North-Eastern Humanitarian Bulletin. – 2020. – No. 1 (30). – PP. 62–70.}

Абдуллаева 2015 – *Абдуллаева Г.С.* Двенадцать уйгурских мукамов в контексте взаимодействия культур и народов в современном мире // Вестник Ошского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 72–76. {*G. S. Abdullayeva.* Twelve Uyghur muqams in the context of interaction of cultures and peoples in the modern world // Bulletin of Osh State University. – 2015. – No. 2. – PP. 72–76.}.

Акматов 2019 – *Акматов Н.Р., Абдуллаев С.Н., Мушаев В.Н.* Лингвистическая рецепция топонимов Центральноазиатской геолокации (тюрко-монгольский ареал) // Oriental Studies. – 2019. – Т. 12. – № 5 (45). – С. 945–956. {*N.R. Akmatov, S.N. Abdullayev, V.N. Mushayev.* Linguistic reception of toponyms of Central Asian geolocation: (Turko-Mongolic area) // Oriental Studies. – 2019. – Vol. 12. – No. 5 (45). – PP. 945–956.}.

Елизарова 2010 – *Елизарова Г.С.* Фольклорная картина мира как часть национальной картины мира // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований: сб. науч. тр. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т.; науч. ред. Т.А. Знаменская. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2010. – С. 51–58. {*G.S. Yelizarova.* Folklore picture of the world as part of the national picture of the world // Philology, linguistics, didactics: theory and methodology of research: collection of scientific tr. / Russian State prof. - ped. Univ.; scientific ed. by T.A. Znamenskaya. – Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University, 2010. – PP. 51–58.}

Малов 1954 – *Малов С.Е.* Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 204 с. {*S.Ye. Malov.* The Uyghur language. The Hamian dialect. Texts, translations, dictionary. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. – 204 p.}

Малов 1956 – *Малов С.Е.* Лобнорский язык: тексты, переводы, словарь. – Фрунзе, 1956. – 198 с. {*S.Ye. Malov.* The Lobnur language: texts, translations, dictionary. – Frunze, 1956. – 198 p.}

Малов 1961 – *Малов С.Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы. Словарь. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. –184 с. {*S.Ye. Malov.* Uyghur dialects of Xinjiang. Texts, translations, dictionary. – Moscow: Publishing house of the Oriental Literature, 1961. – 184 p.}

Малов 1967 – *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. – М.: Наука, 1967. – 220 с. {*S.Ye. Malov.* The language of the Yellow Uighurs. Texts and translations. – Moscow: Nauka, 1967. – 220 p.}

Наджип 1968 – *Наджип Э.Н.* Уйгурско-русский словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 828 с. {*E.N. Najip.* Uyghur-Russian dictionary. – Moscow: Soviet encyclopaedia, 1968. – 828 p.}

Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. – Санкт-Петербург: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. – 235 с. {*B.N. Putilov.* Folklore and Folk culture. – Saint-Petersburg: Nauka, publishing company, 1994. – 235 p.}

Сибгаева 2009 – *Сибгаева Ф.Р.* Лингвокультурный концепт «*мәхәббәт*» («любовь») в татарской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 23 с. {*F.R. Sibgayeva.* Linguistic and cultural concept «mäxäbbät» («love») in the world picture of the Tatar language: Ph.D. diss. abstract. – Kazan, 2009. – 23 p.}

Строй 1989 – Строй уйгурского языка. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 470 с. {Structure of the Uyghur language. – Alma-Ata: Nauka, 1989. – 470 p.}

Тенишев 1984 – *Тенишев Э.Р.* Уйгурские тексты. – М.: Наука, 1984. – 174 с. {*E.R. Tenishev.* Uyghur texts. – Moscow: Nauka, 1984. –174 p.}

Черванева 2003 – *Черванева В.А.* Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира: Количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средствами русской волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 348 с. {*V.A. Chervaneva.* Quantitative aspect of the folklore-language picture of the world: Quantitative characteristics of the concepts of space and time in their objectification by verbal means of the Russian fairy tale: Ph.D. diss. – Voronezh, 2003. – 348 p.}

Abdullaev 2020 – *Abdullayev S.* Correlation of the texts of Ancient Turks with modern folklore: «Kutadgu Bilig» and «Nur Dastani» // Ancient texts and languages of ethnic groups along the Silk road. – Göttingen: University of Göttingen Press, 2020. – PP. 13–25.

Alıyeva 2013 – *Alıyeva M.* Lobnor ağzı. – Ankara, 2013. – 491 s. {*M. Alıyeva.* The Lobnor dialect. – Ankara, 2013. – 491 p.}

Боқиев 1978 – Боқиев О. Уйғур халқ лирик шеърияти. – Тошкент: «Фан» нашриети, 1978. – 191 б. {*A. Boqiyev.* Uighur folk lyric poetry. – Tashkent: «Fan» («Science») publishing house, 1978.– 191 p.}

Босаков 1986 – *Босақов Ж.* Көч-көч. – Алмута: Жазушы, 1986. – 256 б. {*Zh. Bosaqov.* Köč-köč. – Alma-Ata: Zhazushy, 1986. – 256 p.}

Һазирқи 1966 – Һазирқи заман уйғур тили. II қисим. Морфология вә синтаксис. – Алмута: Наука, 1966. {Modern Uyghur language. Part 2. Morphology and syntax. – Alma-Ata: Nauka, 1966.}

Jarring 1975 – *G. Jarring.* Gustaf Raquette and Qasim Akhun's Letters to Kamil Efendi. Ethnological and Folkloristic Jarring Materials from Southern Sinkiang Edited and Translated with Explanatory Notes. – Lund, 1975.

Syntactic ways of verbalization of the concept «muhäbbät» («love») in the Uyghur texts of E.R. Tenishev: stable structures and interstitial contamination

S.N. Abdullayev

Karakol

Summary: The article deals with the syntactic features of folklore texts based on the data of Uyghur dialects recorded and published by E.R. Tenishev. They are interpreted as one of the ways of expressing the concept of «muhäbbät» («love»). The author describes the cases of the uniqueness of syntactic constructions in comparison with the literary language. The article notes

the relevance of typified text fragments in the context of the contamination of dialect features with the written language.

Key words: E.R. Tenishev, Uyghur (Uighur) dialects, folklore texts, concept, syntactic, contamination of styles.

Saifulla Nurmukhamedovich Abdullayev – Ph.D. in philology, professor, head of «Renaissance» Scientific and Educational Ethnocultural Center, Issyk-Kul State University, e-mail: sayfulla.abdullayev@list.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ВКЛАД Э.Р. ТЕНИШЕВА В ИЗУЧЕНИЕ САЛАРСКОГО ЯЗЫКА

М.Э. Дубровина
г. Санкт-Петербург

Резюме: Вслед за своим учителем С.Е Маловым, Э.Р. Тенишева также заинтересовал один из малоизученных тюркских языков – саларский язык. В 1957 г. ученый был направлен для этой цели в научную экспедицию в Китай, в результате которой была написана монография «Строй саларского языка», представляющая собой одну из первых обобщающих грамматик этого языка. Труд вышел в свет в 1976 г., однако можно констатировать, что подобных полномасштабных описаний этого языка с тех пор практически не велось. Богатый фактический материал, а также ценнейшие лингвистические наблюдения ученого сохраняют свою актуальность и по сей день, а также представляют собой ценный объект для самостоятельных теоретических исследований.

Ключевые слова: саларский язык, Э.Р. Тенишев, тюркологи, тюркские языки, малые народы Китая.

Саларский язык представляет собой один из тюркских языков, распространенный в некоторых провинциях Китая. До исследований, проведенных Э.Р. Тенишевым, этот язык нечасто становился предметом научных изысканий. Однако в результате этих исследований ученые пришли к выводу, что саларский язык исконно был языком огузской группы, на строй которого со временем стали накладываться кыпчакские элементы [Лингвистический 1990: 28]. Однако именно благодаря усилиям Э.Р. Тенишева саларский язык получил столь детальное описание. Насколько становится понятным из обзора научной литературы, труд Э.Р. Тенишева представляет собой чуть ли не единственное описание этого языка, выполненное с такой полнотой и тщательностью. Ученый отмечает, что вследствие отсутствия собственного литературного языка и письменности, единственными источниками по изучению строя саларского языка являются лингвистические записи, которые делали разные исследователи [Тенишев 1976: 28]. Так, регистрация материалов саларского языка началась в конце XIX в. В то время практически одновременно публиковались работы Г.Н. Потанина, Ф. Пояркова и В. Ладыгина, В.В. Рокхилла [Тенишев 1976: 27]. Языковеды в результате своих исследований пришли к выводу о том, что саларский язык не является самостоятельным языком, а представляет собой один из диалектов уйгурского языка. Однако имеющихся на тот момент записей было немного, они едва ли могли послужить опорой для создания корпуса грамматики этого языка.

Дубровина Маргарита Эмильевна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: maggydu@rambler.ru.

В 1957 г. Э.Р. Тенишев совершил лингвистическую командировку в Китай. По словам ученого, «целью поездки к саларам было: записать связные тексты – образцы языка и фольклора, особо фонетику, грамматику и лексику – по заранее составленной программе, одновременно заниматься поисками старых рукописных книг и вести наблюдения по этнографической тематике» [Тенишев 1976: 28]. Предварительными итогами этой поездки стали работы «Саларский язык» и «Саларские тексты», вышедшие в свет соответственно в 1963 и 1964 гг [Тенишев 1963, Тенишев 1964]. Заключительным же этапом этого трудоемкого исследования стала появившаяся в 1973 г. монография «Строй саларского языка». Эта работа имеет необыкновенную ценность для тюркского языкознания, содержит тонкие теоретические и практические замечания, сравнительные указания, которые позволяют современным лингвистам самостоятельно пройти все этапы изучения и анализа такого редкого тюркского языка. Саларский язык представляет собой значимый источник для различных теоретических изысканий, так как является языком, который испытал и продолжает испытывать сильнейшее влияние со стороны китайского языка, относящегося к языкам иной группы (аналитическим или корнеизолирующим). Благодаря работе Э.Р. Тенишева перед исследовательским взором предстает строй языка, имеющего многочисленные «отклонения от нормы». Будучи исконно тюркским языком огузской группы, саларский язык демонстрирует распад многих, казалось бы, незыблемых для агглютинативных языков категорий и форм, разрушение тех систем, которые сохраняются в большинстве тюркских языков, несмотря на то что и они в течение длительного времени испытывали, а многие и продолжают испытывать на себе влияние языка другого типа – русского.

В саларском языке под влиянием китайского языка произошли качественные изменения, нестабильным стал сингармонизм, прежде всего, в области, касающейся уподобления гласных в аффиксах. Как известно, сингармонизм представляет собой одну из основных особенностей, свойственных языкам агглютинативной группы. Некоторые ученые относят его к числу типологических черт этих языков, причем не только само его наличие признается строевой характеристикой, но и устойчивость сингармонизма в синхронии языка [Гузев, Бурыкин 2007: 116]. Тем не менее, в примерах из саларской разговорной речи видны постоянные колебания в употреблении гласных, что может свидетельствовать о разрушении этого явления.

Кроме того, Э.Р. Тенишев регистрирует очень значимый факт исчезновения личного спряжения в глагольных категориях времени [Тенишев 1976: 137]. Во всех парадигмах временных форм отсутствуют аффиксы сказуемости, формы перестали быть личными, оставаясь при этом финитными. Соотнесение же с субъектом действия происходит лексическим образом посредством постановки личного местоимения. Так может происходить в аналитическом английском языке (за исключением формы 3 л. ед. ч.), также подобное можно наблюдать отчасти и в русском языке в парадигме прошедшего времени (я купил, ты купил и т.д.).

Men alyr	‘я беру’	Pise(r) alyr	‘мы берем’
Sen alyr	‘ты берешь’	Seler alyr	‘вы берете’
Vu alyr	‘он, она берет’	Vuler alyr	‘они берут’

Men almes	‘я не беру’	Pise(r) almes	‘мы не берем’
Sen almes	‘ты не берешь’	Seler almes	‘вы не берете’
Vu almes	‘он, она не берет’	Vuler almes	‘они не берут’

Формы наклонений в саларском языке также потеряли свое спряжение, что вновь, вероятнее всего, является результатом китайского влияния [Тенишев 1976: 158–165].

Парадигма формоизменения повелительного наклонения выглядит следующим образом:

Sen	kel!	‘Ты приходи!’
Vu	kel!	‘Пусть он приходит!’
Seler	kel!	‘Вы приходите!’
Vuler	kel!	‘Пусть они приходят!’

В условном наклонении также не употребляются личные показатели:

Men oxuse	‘Если я читаю’	Piser oxuse	‘Если мы читаем’
Sen oxuse	‘Если ты читаешь’	Seler oxuse	‘Если вы читаете’
Vu oxuse	‘Если он читает’	Vuler oxuse	‘Если они читают’

При описании категории принадлежности Э.Р. Тенишев отметил интересную особенность саларского языка: он указал на деформацию или разрушение синтетического способа передачи принадлежности, вследствие чего произошло усечение парадигмы, когда отсутствуют самостоятельные аффиксы, указывающие на обладателя в форме 1 л. мн. ч. «мы», 2 л. мн. ч. «вы» и 3 л. мн. ч. «они» [Тенишев 1976: 103–104].

Palem	‘мой ребенок’ и ‘наш ребенок’
Paleŋ	‘твой ребенок’ и ‘ваш ребенок’
Palesi	‘его ребенок’ и ‘их ребенок’

Elim	‘моя рука’ и ‘наша рука’
Eliŋ	‘твоя рука’ и ‘ваша рука’
Eli	‘его рука’ и ‘их рука’

Кроме того, насколько становится понятным, в речи этого языка возможны нерегулярные изменения в постановке аффиксов принадлежности в цепочки внутри словоформы. Как известно, во всех тюркских языках позиция каждого показателя в ряду других внутри словоформы имеет жесткие правила: показатель множественности следует за основой слова, аффикс принадлежности за ним, после которого возможна постановка аффикса падежа. Примеры же, приводимые в работе Э.Р. Тенишева, имеют ценные указания на то, что под влиянием другого языка даже такое, казалось бы, устойчивое и действующее в остальных тюркских языках правило может подвергаться изменению.

Основной вариант:	Jirik + **ler(1)** + **im(2)**
	Сердце + ler (PL) + im(1 POSS)
Допустимый вариант:	jirig + im(1) + ler (2)
	Сердце + **im(1 POSS) + ler (PL)**
	мои сердца / наши сердца

Как было сказано выше, категории наклонений в саларском языке также лишены показателей со значением лица. Однако важными с теоретической точки зрения являются указания Э.Р. Тенишева на то, что до определенного времени эти формы были личными. Так, показатели лица при формах повелительного наклонения существовали до XV в., после чего начало происходить их стирание и постепенное исчезновение. В качестве доказательства ученый ссылается на материал фольклора и старых рукописных книг саларов, где встречаются формы 2 и 3 л. повелительного наклонения с аффиксами -(y)ŋys, -syn [Тенишев 1976: 159]. Также, вновь опираясь на фольклорные тексты, Э.Р. Тенишев приводит примеры употребления до XVII–XVIII вв. и личных аффиксов условного наклонения [Тенишев 1976: 164]. Почему важны такие наблюдения? Дело в том, что в тюркском языкознания существует точка зрения, согласно которой тюркские языки могут восходить к древнейшему варианту языка, который мог представлять собой язык без морфологии, т. е. язык аморфного типа [Böhtlink 1851: 240–244; Grönbech 1936: 146; Дубровина 2010: 45]. В соответствие с этими представлениями, можно было бы предположить, что личные аффиксы в саларском языке просто исторически не развились, как, по нашему мнению, могло произойти с аффиксом родительного падежа в якутском языке [Дубровина 2016]. Тем не менее, конкретные примеры в монографии служат доказательством того, что на каком-то этапе развития этого тюркского языка существовали личные формы, которые в более позднее время под влиянием аналитического (корневого) языка исчезли из парадигматического ряда.

В своем исследовании при анализе фактического материала саларского языка Э.Р. Тешинев касается еще одной важной для теоретического языкознания темы – вопроса о нулевых формах в тюркской морфологии. Долгое время при описании строя различных тюркских языков тюркологи в категории множественности и склонения выделяли формы единственного числа и неопределенного падежа в качестве основных (нулевых) форм внутри парадигмы. Э.Р. Тенишев также, следуя установившейся традиции, ведет речь об этих формах [Тенишев 1976: 99, 102, 106]. Этот тезис может подтолкнуть лингвиста, занимающегося восточными языками, к некоторой дискуссии.

Принято считать, что морфологическая категория традиционно создается оппозицией соответствующих форм, по меньшей мере двух. Если одна из форм парадигмы не имеет материального выражения, то принято говорить о нулевом показателе. Признание нулевого форманта следует из обязательности материально выраженных показателей во всех прочих формах данного парадигматического ряда [Касевич 1970].

Тем не менее, предполагается, что постулат об обязательном наличии двух (чаще всего противопоставленных по своим значениям) форм в основе любой категории не может претендовать на универсальность. Так, многие исследователи не-флективых языков пришли к выводу, что в языках аморфных и агглютинирующих грамматическая категория может функционировать в рамках одночленной категории [Гузев, Насилов 1975: 28]. Обычно нулевую форму связывают с формой, имеющей нулевую морфему, *передающую определенное значение*. Нулевой экспонент же есть значащее отсутствие аффикса или служебного слова, регулярно противопоставляемое наличию аффикса или служебного слова в соот-

носительных случаях [Маслов 1987 :139]. Кроме того, чаще всего нулевая форма, если она является основной, имеет значение, которое противопоставляется значению аффигированных форм парадигмы, в случае же двучленности категории в значении нуля содержится нечто отрицающее то, что имеется в значении формы с материальным морфологическим показателем. По нашему мнению, которое опирается на функциональный анализ различных тюркских языков, понятие нулевого члена в составе словоформы характерно в основном для флективных языков. Согласно известному наблюдению А. Мейе, «основной чертой индоевропейской системы является то, что в ней слово никогда не существует без особой грамматической характеристики» [Мейе 1952: 83]. Таким образом, необходимо принимать во внимание и такое мнение среди тюркологов, согласно которому в тюркском формообразовании нулевые формы отсутствуют [Гузев, Бурыкин 2007: 113].

В настоящей статье удалось остановиться лишь на некоторых моментах, которые продолжают оставаться важными и актуальными для современных исследователей грамматики тюркских языков. Труд Э.Р. Тенишева по анализу строя саларского языка до сих пор, на наш взгляд, является недооцененным и требует дополнительного внимания со стороны современных тюркологов.

Литература

Гузев, Бурыкин 2007 – *Гузев В.Г., Бурыкин А.А.* Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – Том III, часть 1. – СПб., 2007. – С. 109–117. {*V.G. Guzev, A.A. Burykin.* The main organisation peculiarities of agglutinative languages // Acta Linguistica Petropolitana. Works of the Institute for Linguistic Studies. – Volume 3, Part 1. – Saint-Petersburg, 2007. – PP. 109–117.}

Гузев, Насилов 1975 – *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1975. – № 3. – С. 22–35. {*V.G. Guzev, D.M. Nasilov.* On interpretation of the category of number of nouns in Turkic languages // Voprosy yazykoznaniya. – Moscow: Nauka, 1975. – No. 3. – PP. 22–35.}

Дубровина 2010 – *Дубровина М.Э.* Морфология языка древнетюркских рунических надписей. Субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. – Lambert Academic Publishing, 2010. – 239 с. {*M.E. Dubrovina.* Morphology of the language of ancient Turkic runic inscriptions. Substantive inflexion. Analysis of the all-Turkic tendencies. – Lambert Academic Publishing, 2010. – 239 p.}

Дубровина 2016 – *Дубровина М.Э.* О причинах «опущения» родительного падежа в тюркских языках // Научное наследие В.А. Богородицкого и современной вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и материалы междунар. конф. (Казань, 31 окт.–3 нояб. 2016): в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – Т. 1. – С. 126–132. {*M.E. Dubrovina.* On the causes of *elision* of the genetive case in Turkic languages // Scientific heritage of V.A. Bogoroditskiy and the modern direction of research of Kazan linguistic school: works and data of the International Conference (Kazan, October 31– November 3, 2016): In 3 Volumes. – Kazan: Kazan University publishing house, 2016. – Volume 1. – PP. 126–132.}

Касевич 1970 – *Касевич В.Б.* Функциональные нули и их место в фонологической системе бирманского языка // Народы Азии и Африки. – 1970. – № 6. – С. 129–134. {*V.B. Kasevich.* The functional zeros ant their place in phonological system of the Burmese language // Narody Azii i Afriki. – 1970. – No. 6. – PP. 129–134.}

Лингвистический 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. {A Linguistic Encyclopaedic Dictionary / Executive editor V.N. Yartseva. – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1990. – 685 p.}

Маслов 1987 – *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с. {*Yu.S. Maslov.* Introduction to Linguistics. – Moscow: Vysshaya shkola, 1987. – 272 p.}

Мейе 1952 – *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. – М.: Издательство иностранной литературы, 1952. – 168 с. {*P.J.A. Meillet.* The main peculiarities of the Germanic group of languages. – Moscow: Foreign literature publishing house, 1952. – 168 p.}

Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* Саларские тексты. – М.: Наука, 1964. – 142 с. {*E.R. Tenishev.* The Salar texts. – Moscow: Nauka, 1964. – 142 p.}

Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* Саларский язык. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 56 с. {*E.R. Tenishev.* The Salar language. – Moscow: Oriental literature publishing house, 1963. – 56 p.}

Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1976. – 574 с. {*E.R. Tenishev.* The system of the Salar language. – Moscow: Nauka publishing house. The main Editorship of the oriental literature, 1976. – 574 p.}

Böhtlink 1851 – *Böhtlink O.* Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. – SPb., 1851. – LIII, – 300 S. + 97 S. + 184 S.

Grönbech 1936 – *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau. – Kopenhagen: Levin und Munksgaad, 1936. – 182 S.

Contribution of E.R. Tenishev to the study of the Salar language

M.E. Dubrovina

Saint-Petersburg

Summary: The article is devoted to the study of one of the monumental works of E.R. Tenishev «The structure of the Salar language». This monograph is one of the first generalizing grammars of the Salar language. The work was published in 1976, but it can be stated that such full-scale descriptions of this language have not been conducted since then. This work remains relevant and is a valuable object for independent theoretical research.

Key words: Salar language, E.R. Tenishev, turkologists, Turkic languages, small peoples of China.

Margarita Emilyevna Dubrovina – Ph.D. in philology, associate professor of St. Petersburg State University, e-mail: maggydu@rambler.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ВКЛАД Э.Р. ТЕНИШЕВА В НАУКУ БАШКОРТОСТАНА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Ю.В. Псянчин
г. Уфа

Резюме: Статья подготовлена в связи со 100-летием со дня рождения выдающегося отечественного языковеда-тюрколога Э.Р. Тенишева (1921–2004) и посвящена его вкладу в науку Башкортостана. Автор, опираясь на факты и источники, дает детальную характеристику заслугам ученого перед научным сообществом Республики Башкортостан. В статье представлено большое количество литературы и источников по данной теме. Отмечены не только профессиональные заслуги ученого, но и его личностные качества.

Ключевые слова: тюркологические исследования, региональная тюркология, научное руководство, научное консультирование, башкирское языкознание, малая родина, академическая гуманитарная наука, Башкортостан.

Историю становления и последующего развития региональной тюркологии в Башкортостане невозможно представить без участия одного из крупнейших российских тюркологов XX – начала XXI вв., члена-корреспондента РАН, заведующего Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН в 1963–2004 гг., председателя Национального комитета тюркологов Российской Федерации при Отделении литературы и языка РАН в 1986–2004 гг., действительного члена РАЕН, заслуженного деятеля науки Башкортостана, Татарстана, Калмыкии, почетного академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора филологических наук, профессора Эдхяма (Эдгема) Рахимовича Тенишева (1921–2004) [Галяутдинов 1996].

Вспоминая Э.Р. Тенишева, можно и нужно говорить о его научных достижениях. Но величие любого ученого, не только языковеда, связано прежде всего с его ответственным отношением к своим ученикам.

Самый главный вклад Эдхяма Рахимовича в науку Башкортостана – это подготовка им высококвалифицированных научных кадров в лице докторов и кандидатов наук.

Речь пойдет об одном из первых учеников-башкир Э.Р. Тенишева – об Ишмухамете Гильмутдиновиче Галяутдинове (1948–2015) [Галяутдинов 2005; Ишбердин 1996]. Он – самый первый его аспирант.

После завершения им учебы в Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября в 1969 г. и полутора лет службы в рядах Советской армии

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологический наук, профессор, ученый секретарь ГБУ Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии, e-mail: yulayps@yandex.ru.

в 1970 г. руководство Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР в августе 1971 г. направило его на стажировку в г. Ташкент. Здесь под руководством известного языковеда-тюрколога, академика АН Узбекской ССР Фазылова Эргаша Исмаиловича (1933–2014) [Эргаш Фазылов], тогда – заведующего Сектором языка Института языка и литературы имени А.С. Пушкина АН Узбекской ССР, И.Г. Галяутдинову пришлось пройти двухгодичный курс стажировки по изучению старотюркских рукописей. По предварительной договоренности он должен был остаться в аспирантуре г. Ташкент, в том же научном учреждении. Однако после завершения им стажировки руководство ИИЯЛ БФ АН СССР, обеспокоенное возможной «утечкой» перспективных интеллектуальных кадров, отзывает его обратно в Башкортостан.

После возвращения из г. Ташкент осенью 1973 г. у И.Г. Галяутдинова появилась возможность поступить в аспирантуру в г. Ленинград. Он уже запланировал написать диссертацию по произведению Таджетдина Ялсыгулова (1767–1838) «Тарихнаме-и булгар» («История булгар») под руководством известного языковеда-тюрколога Александра Михайловича Щербака (1926–2008). Но буквально перед началом аспирантской подготовки получил приглашение не из Ленинграда (Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР), а из Московского, то есть головного учреждения – Института языкознания АН СССР. Ученый секретарь Института истории, языка и литературы БФ АН СССР Чемерис Виктор Петрович со словами: «Возьми командировочные и в Москву, и в Ленинград. Возможно, в столице возникли какие-то вопросы», – отправил его в Москву.

В те годы Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР возглавлял уже известный к тому времени в Советском Союзе и за рубежом ученый-тюрколог Эдхям Рахимович Тенишев.

Итак, по воспоминаниям Ишмухамета Гильмутдиновича, глава Московской тюркологической школы Э.Р. Тенишев встретил его очень тепло и радушно и во время беседы раскрыл все карты: «Ишмухамет, дорогой! Твои документы, отправленные в Ленинград, попали к нам. Причиной вызова в Москву явилось желание увидеть тебя, которое возникло после просмотра твоих документов. Дело в том, что я занимаюсь древними рукописными памятниками, которые ты собираешься исследовать. Нас особенно интересует Урало-Поволжской регион, а именно – Татарстан и Башкортостан. И если есть желание с твоей стороны, я бы принял тебя к себе в аспирантуру. Ну, а если у тебя другие намерения, то, пожалуйста, сегодня же можешь сесть на вечерний ленинградский поезд». Естественно, молодой Ишмухамет Галяутдинов только обрадовался такому повороту событий в своей судьбе и с радостью согласился.

Ишмухамет Гильмутдинович вспоминал: «Так начались мои ответственные аспирантские годы, моя кропотливая и довольно сложная работа по лингвотекстологическому изучению сохранившихся списков произведения “Тарихнаме-и булгар” Таджетдина Ялсыгулова под руководством Э.Р. Тенишева…

…Годы моего обучения в очной аспирантуре при Секторе тюркских и монгольских языков института стали настоящей школой не только в области тюркологии, но и школой жизни. Мне, простому деревенскому парню из башкирской глубинки, довелось общаться с такими выдающимися советскими тюркологами, как А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, Э.В. Севортян, Н.З. Гаджиева, Б.А. Серебрен-

ников, А.А. Юлдашев, Л.А. Покровская, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, К.М. Мусаев и другими, которые, несмотря на свою занятость, положение в науке и обществе, оказались людьми доступными и даже простыми в общении…

Мы, аспиранты тех лет, активно участвовали в подготовке к изданию первого тома "Этимологического словаря тюркских языков" (руководитель – Э.В. Севортян) [Севортян 1974]. Это стало настоящей проверкой нашей подготовленности на прочность к предстоящим научным изысканиям…

Наше сотрудничество с Э.Р. Тенишевым "временно" завершилось в 1977 году успешной защитой кандидатской диссертации на тему "Тарихнаме-и булгар" Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология)» [Галяутдинов 1977]. Сам же Эдхям Рахимович о работе своего ученика выразился очень сжато и лаконично: «Такого типа работы, как анализ языка "Тарихнаме-и булгар" Таджетдина Ялсыгулова, не частое явление в тюркологии, поэтому работа И.Г. Галяутдинова послужит образцом для последующих исследований…» [Галяутдинов 2005: 7].

Тесное и многолетнее сотрудничество И.Г. Галяутдинова со своим учителем Э.Р. Тенишевым продолжилось и после защиты кандидатской диссертации, но уже на другом, более высоком научном уровне. Так, в скором времени была определена и тема докторского исследования – «История башкирского литературного языка (XIX – начала XX века)» [Галяутдинов 1992], которая также была успешно защищена при научном консультировании Эдхяма Рахимовича в мае 1992 г. на заседании того же диссертационного совета ставшего родным Института языкознания РАН.

В дальнейшем Ишмухамет Гильмутдинович Галяутдинов в 1992–1993 гг. заведует Отделом языка Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Но основным местом его работы в эти годы становится Академия наук Республики Башкортостан: в 1993–1996 гг. он является главным ученым секретарем Президиума Академии наук Республики Башкортостан, в 1996–2006 гг. он исполняет обязанности академика-секретаря Отделения гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан. В 2000 г. И.Г. Галяутдинов становится ректором Уфимского государственного института искусств и проработает на этой должности ровно десять лет, т. е. до 2010 г. С 2001 г. он там же заведовал кафедрой башкирского, русского и иностранных языков, с 2010 г. – кафедрой башкирского языка и культуры ФГБОУ ВО «Уфимская государственная академия искусств имени Загира Исмагилова».

С 2014 г. и до своей кончины в октябре 2015 г. параллельно заведовал еще и кафедрой башкирского языка и этнокультурного образования ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». В 2004 г. на IV Научно-организационном съезде российских востоковедов в г. Москва был избран президентом Общества востоковедов РАН на 2004–2006 гг. В сентябре 2006 г. в этом качестве провел V Всероссийский съезд востоковедов под девизом «Восток в исторических судьбах народов России».

В 1994 г. утверждается в ученом звании профессора. В 1995 г. И.Г. Галяутдинов избирается членом-корреспондентом Академии наук Республики Башкортостан по специальности «Востоковедение».

К сожалению, И.Г. Галяутдинова не стало в октябре 2015 г.

В 1976 г. ученицей Э.Р. Тенишева становится выпускница филологического факультета Башкирского государственного педагогического института Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова [Хисамитдинова 2015; Хисамитдинова Фирдаус]. В том году Ф.Г. Хисамитдинова поступает в целевую аспирантуру Института языкознания АН СССР по специальности 10.02.06 «Тюркские языки». Ее обучение в аспирантуре продолжается до 1980 г. Результаты исследований молодого языковеда были обобщены и защищены в том же 1980 г. в виде кандидатской диссертации на тему: «Консонантные сочетания башкирского языка типа “сонорный + глухой смычный” в историческом освещении» [Хисамитдинова 1980]. В 1993 г. при научном консультировании Э.Р. Тенишева она защитила докторскую диссертацию на тему «Формирование ойконимической системы башкирского языка» [Хисамитдинова 1992], с 1994 г. является профессором.

Фирдаус Гильмитдиновна в 1978–1985 гг. работала младшим научным, старшим научным сотрудником Ордена «Знак почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, в 1985–1995 гг. – старшим преподавателем, доцентом, профессором, деканом факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического института. С 1995 по 1998 гг. трудилась министром народного образования Республики Башкортостан. В 1998–2005 гг. – заместитель, 2005–2015 гг. – директор Ордена «Знак почета» Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, а с конца 2015 г. – научный руководитель этого же научного учреждения.

Сегодня Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова – член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Бюро Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

Э.Р. Тенишев также был научным консультантом у директора Ордена «Знак почета» Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, академика Академии наук Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан и Российской Федерации Зиннура Газизовича Ураксина (1935–2007) [Ураксин 1975; Ураксин 2005], заведующего кафедрой татарского языка и литературы Башкирского государственного университета, заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан и Республики Татарстан Радика Галиевича Сибагатова (1934–2005) [Сибагатов 2008; Сибагатов Радик Галиевич], заведующей кафедрой башкирского языка Башкирского государственного педагогического университета, заслуженного работника культуры Республики Башкортостан Райсы Халиловны Халиковой (1934–2005) [Халикова 1992; Халикова Раиса Халиловна], известного башкирского и российского языковеда-топонимиста, профессора Башкирского государственного педагогического университета в 1997–2005 гг., заведующего кафедрой филологии этого же вуза в 1999–2004 гг. Азата Ахмадулловича Камалова (1937–2007) [Камалов 1997; Камалов Азат Ахмадуллович], вице-президента Общества востоковедов РАН в 2004–2006 гг., профессора, начальника Отдела научно-технической информации, ученого секретаря ГБУ БНИЦ по пчеловодству и апитерапии Юлая Валиевича Псянчина [Псянчин 2000], заведующего кафедрой татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, заслуженного деятеля науки

Республики Башкортостан Алмаса Галимзяновича Шайхулова [Шайхулов 2001; Шайхулов Алмас Галимзянович] при защите ими диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук.

За период чуть больше четверти века Эдхям Рахимович подготовил восемь докторов наук для Республики Башкортостан. Научные проблемы аспирантов и докторантов у нашего Учителя всегда отличались разнообразием: здесь и актуальные вопросы текстологии, исторической фонетики, фразеологии, истории литературного языка, синтаксиса, ойконимии, топонимики, грамматической стилистики и когнитивной лингвистики. Конечно, ему приходилось нелегко – ведь он сам должен был в совершенстве владеть темой каждого из своих учеников. А ведь Э.Р. Тенишевым за всю его научную деятельность было подготовлено свыше двадцати докторов наук. Это колоссальная нагрузка на его организм.

Но надо помнить и о другой форме его помощи в подготовке научных кадров – это оппонирование. Еще в 1970 г. в г. Алма-Ата Э.Р. Тенишев выступил первым оппонентом на защите кандидатской диссертации молодого башкирского языковеда Мухаметхая Ахметовича Ахметова (1942–1995) как ведущий в бывшем Советском Союзе специалист по памятникам древнетюркской письменности. Тема диссертации М.А. Ахметова: «Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. В сравнительном плане с современным башкирским языком» [Ахметов 1970] была близка тематике исследований Э.Р. Тенишева. В 1978 г. М.А. Ахметов опубликовал свою монографию «Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком)» [Ахметов 1978] под научной редакцией Э.Р. Тенишева. Впоследствии М.А. Ахметов на протяжении двадцати лет вел спецкурс по языку орхоно-енисейских памятников и руководил дипломными работами по этой проблематике.

В 1974 г. заведующий кафедрой русского и сопоставительного языкознания Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября Талмас Магасумович Гарипов на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Кыпчакские языки Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики)» [Кыпчакские языки Урало-Поволжья 1974], тогда одним из трех оппонентов был назначен Э.Р. Тенишев, который и на этот раз прекрасно справился со своими обязанностями.

1981 год в истории отечественной тюркологии запомнился выходом в свет академического труда «Грамматика современного башкирского литературного языка» [Грамматика 1981], и тогда одним из первых, кто написал добротную рецензию на эту работу, был наш дорогой Эдхям Рахимович Тенишев. Его рецензия «Башҡорт телселәренең ҡаҙанышы (Достижение башкирских языковедов)» [Тенишев 1982б] была опубликована на страницах республиканского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Агидель» в 1982 г.

В 1981 г. исполнилось 60 лет со дня рождения Э.Р. Тенишева. В этой связи башкирские языковеды М.А. Ахметов и В.Ш. Псянчин 15 мая 1981 г. напечатали в республиканской газете «Совет Башҡортостаны» [Әхмәтов, Псәнчин 1981] совместную статью «Илһамлы хеҙмәт: төрки телдәре белгесе, профессор Ә.Р. Тенишевҡа 60 йәш)» («Вдохновенный труд: к 60-летию со дня рождения тюрколога, профессора Э.Р. Тенишева»).

Стараниями учеников Эдхяма Рахимовича З.Г. Ураксина и И.Г. Галяутдинова в 1981 г. к его юбилею был подготовлен сборник статей «Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования)» [ППБ 1982], который увидел свет по техническим причинам лишь в 1982 г. Сам Эдхям Рахимович опубликовал в названном сборнике статью «О соотношении внешних и внутренних факторов в развитии тюркских языков (по письменным памятникам и диалектным данным)» [Тенишев 1982а], которую в те годы можно было рассматривать в качестве серьезной методической помощи с его стороны начинающим башкирским археографам.

В 2000 г. Э.Р. Тенишев за подготовку высококвалифицированных кадров был удостоен высокого звания «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан».

В 2001 г. Э.Р. Тенишеву исполнилось 80 лет. Чествование юбиляра состоялось в зале заседаний Института языкознания РАН. Делегация Башкортостана была представлена его учениками, докторами наук Ф.Г. Хисамитдиновой, Ю.В. Псянчиным и кандидатом наук А.Г. Шайхуловым. 21 апреля группа башкирских учеников Эдхяма Рахимовича в лице З.Г. Ураксина, Ф.Г. Хисамитдиновой и Ю.В. Псянчина опубликовала на страницах республиканской газеты «Башҡортостан» юбилейную статью «Төркиәт аҡһаҡалы (Аксакал тюркологии)» [Ураҡсин, Хисамитдинова, Псәнчин 2001], которая была тепло встречена научной общественностью.

Надо заметить, что Башкортостан – это малая родина Э.Р. Тенишева. Его родители Рахим Мубинович (1885–1962) и Амина Алимовна (1892–1980) как потомки татарских мурз (дворян) имели земли на территориях нынешних Давлекановского и Благоварского районов Башкортостана, а сами проживали на своем Тенишев-хуторе (ныне д. Сосновка), буквально в нескольких километрах от известного татарского с. Верхние Каргалы. Село Верхние Каргалы Благоварского района Башкортостана известно как историко-культурный центр, выходцами из которого являются известный классик татарской литературы, народный писатель Татарстана Амирхан Еники (1909–2000), организатор медицинской науки и здравоохранения Гиниатулла Терегулов (1891–1984) и другие. Отметим еще и то, что село Верхние Каргалы является малой родиной академика РАН, председателя Уфимского научного центра РАН в 1991–2006 гг. Роберта Искандеровича Нигматулина.

Впервые Э.Р. Тенишев посетил Башкортостан в 1962 г. по приглашению известного башкирского лингвиста-тюрколога Дж.Г. Киекбаева (1911–1968) для чтения лекций в Башкирском государственном университете. Затем он неоднократно приезжал в составе комиссий АН СССР по проверке деятельности Президиума Башкирского филиала АН СССР и его учреждений.

При активном участии Э.Р. Тенишева в г. Уфа в 1982 г. состоялась IX Региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Сама конференция, несмотря на свой региональный статус, по представленному на ней составу и географии участников, являлась по сути Всесоюзной [IX Конференция по диалектологии 1982]. Тогда в своем выступлении на пленарном заседании Эдхям Рахимович призвал к координации региональных исследований по диалектологии. В результате были выработаны два крупных проекта для тюркологов Советского Союза: «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» и «Диалектологический атлас тюркских языков Сибири».

Надо сказать, что IX Региональная конференция по диалектологии тюркских языков, прошедшая 8–10 сентября 1982 в г. Уфа, стала заметным явлением в истории отечественной тюркологии [Зайнуллин, Шайхулов 1983]. И, к сожалению, последней не только в СССР, но и в истории постсоветской России, начиная с 1991 г.

Тогда на пленарных заседаниях прозвучало 22, а на секционных заседаниях – 160 докладов. Официально участников конференции принял председатель Президиума Верховного Совета Башкирской АССР Ф.В. Султанов.

На конференции работало четыре секции: 1) «Историческая диалектология»; 2) «Лингвистическая география и вопросы языковых контактов»; 3) «Вопросы современной диалектологии»; 4) «Диалекты и литературный язык» с подсекцией «Ономастика и диалектология. Вузовский учебник по диалектологии».

Сам Эдхям Рахимович сделал два доклада: первый – «Итоги и задачи диалектологии тюркских языков» (совместно с академиком АН Азербайджанской ССР М.Ш. Ширалиевым) 8 сентября на пленарном заседании; второй – «Региональное координирование диалектологических исследований – насущная задача тюркского языкознания в СССР» совместно с Г.Ф. Благовой [Тенишев, Благова 1982] на заседании секции № 2 «Лингвистическая география и вопросы языковых контактов».

Надо добавить, что с 1977 г. Э.Р. Тенишев состоял в Главной редакции Лингвистического атласа Европы – международного проекта при ЮНЕСКО. В связи с этим он привлек к этой работе и представителей Башкортостана, в частности, Н.Х. Максютову. К началу 1986 г. была завершена работа над «Диалектологическим атласом башкирского языка» [Максютова 1985; Максютова 1986; Мәҡсүтова 1986], который был издан в 2005 г. при непосредственном содействии директора ИИЯЛ УНЦ РАН Ф.Г. Хисамитдиновой [ДАБЯ 2005].

В этом, 2021 г. предстоит отметить еще один юбилей, который также связан с научной деятельностью Э.Р. Тенишева. Исполняется ровно 60 лет со дня выхода в свет коллективного труда «Историческое развитие лексики тюркских языков» [Историческое развитие лексики 1961], где была опубликована и статья Эдхяма Рахимовича «Глаголы движения в тюркских языках» [Тенишев 1961]. Несомненно, эта работа сразу же приобрела статус эталона и в дальнейшем послужила основой для подобных исследований в советской и российской тюркологии.

В июне 1989 г. под руководством Э.Р. Тенишева в г. Уфа прошел выездной пленум Комитета советских тюркологов АН СССР [Кормушин, Напольнова, Каменева, 1990], на котором он обозначил приоритетные для отечественной тюркологии научные проблемы [Тенишев 1989], среди них – вопросы истории литературных языков и создания исторических грамматик, изучения теории синтаксиса и стилистики тюркских языков.

В июне 1997 г. в г. Уфа состоялся Международный конгресс тюркологов под девизом: «Тюркология накануне XXI века: (достижения, состояние, перспективы)», сопредседателем его Оргкомитета выступил Э.Р. Тенишев.

Все проблемы отечественной тюркологии, прозвучавшие на заседаниях пяти секций и десяти подсекций, были представлены в двухтомных трудах конгресса «Тюркология накануне XXI века (достижения, состояние, перспективы)» [Тюркология накануне XXI века 2004; Тюркология накануне XXI века 2006].

Э.Р. Тенишев в своем выступлении на пленарном заседании четко обозначил задачи и проблемы тюркского языкознания в новом тысячелетии, сделав при этом основной акцент на социолингвистический аспект исследований [Тенишев 2005].

Э.Р. Тенишев стоял у истоков организации Академии наук Республики Башкортостан, принимал участие в работе ее Отделения гуманитарных наук. В 1991 г. его избрали почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан.

Много времени и сил Э.Р. Тенишев посвящал восстановлению научных связей между тюркологами Москвы (Институт языкознания РАН и Институт стран Азии и Африки при МГУ), Стамбула (университет), Киева (Украинская Академии наук и университет) и, в частности, в исследовании тюркологических проблем Крыма.

В общей сложности он подготовил более 20 докторов и 30 кандидатов наук, успешно работающих в тюркологии. За выдающиеся научные и научно-организаторские заслуги в 1982 г. Э.Р. Тенишев был избран почетным членом Турецкого лингвистического общества, а в 1984 г. – членом-корреспондентом АН СССР. С 1982 г. он также являлся членом-корреспондентом Финно-угорского общества.

Э.Р. Тенишев не замыкался на чисто научной деятельности. Много сил и времени он отдавал огромной культурно-просветительской работе, возглавляя с момента его возникновения Научный совет по сохранению и развитию культур малых народов России при Фонде культуры.

Последние годы жизни Э.Р. Тенишев значительное время уделял работе в Татарском дворянском собрании.

Эдхям Рахимович был выдающимся ученым и руководителем науки, его в полной мере можно назвать состоявшимся, счастливым человеком. Качества этой незаурядной личности привлекали к нему все сердца – и коллег, заинтересованных в развитии науки, и просто людей, встретившихся с ним на жизненном пути. Людей очаровывал и масштаб ученого, и простая человеческая отзывчивость, тепло, буквально исходившее от него. Судьба одарила Эдхяма Рахимовича чудесной семьей в лице супруги Елены Александровны (1927–2016), дочери Айши, зятя Николая, внучек Александры и Ники, которые поддерживали эту атмосферу человеческой теплоты и постоянного творческого горения, окружавшую его до конца.

Башкирские языковеды помнят и чтут память об Эдхяме Рахимовиче Тенишеве. Так, в 2006 г. к его 85-летию Академия наук Республики Башкортостан, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН и Общество востоковедов РАН издали двухтомник его «Избранных работ» [Тенишев 2006а; Тенишев 2006б]. К его 90-летию увидел свет третий том избранных его работ [Тенишев 2011].

В настоящее время нами собран большой материал для четвертого тома избранных работ Э.Р. Тенишева, состоящий из его статей, рецензий, разделов из глав коллективных монографий, ежегодных научных отчетов. Надеемся, что ученики Эдхяма Рахимовича в Башкортостане приложат все свои силы для решения поставленной задачи.

Литература

Ахметов 1970 – *Ахметов М.А.* Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. В сравнительном плане с современным башкирским языком: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1970. – 25 с. {*M.A. Akhmetov.* The verb in the language of Orkhon-Yenissei monuments. In comparison with modern Bashkir language: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1970. – 25 p.}

Ахметов 1975 – *Ахметов М.А.* Фразеология башкирского языка // Сов. тюркология. – 1975. – № 6. – С. 116–117. {*M.A. Akhmetov.* Phraseology of the Bashkir language // Soviet Turkology. – 1975. – № 6. – PP. 116–117.}

Ахметов 1978 – *Ахметов М.А.* Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 131 с. {*M.A. Akhmetov.* The verb in the language of Orkhon-Yenissei monuments (in comparison with modern Bashkir language). – Saratov: Saratov university publishing house, 1978. – 131 p.}

Галяутдинов 1977 – *Галяутдинов И.Г.* «Тарихнаме-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология): автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1977. – 19 с. {*I.G. Galyautdinov.* «Tārīẖnāma-i Bulγār» by Tadjetdin Yasylgulov (Linguistical and textual analysis of copies of the monument. Phonological interpretation of script. Morphology): Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1977. – 19 p.}

Галяутдинов 1992 – *Галяутдинов И.Г.* История башкирского литературного языка (XIX – начало XX века): автореф. дис. … докт. филол. наук. – М., 1992. – 36 с. {*I.G. Galyautdinov.* History of literary Bashkir language (19th–beginning of the 20th century): Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1992. – 36 p.}

Галяутдинов 1996 – *Галяутдинов И.Г.* Тенишев Эдхям Рахимович // Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Науч. изд. «Башк. энцикл.», 1996. – С. 564. {*I.G. Galyautdinov.* Tenishev, Edhyam Rakhimovitch // Bashkortostan: a brief encyclopaedia. – Ufa: Bashkir encyclopaedia scientific publishing house, 1996. – P. 564.}

Галяутдинов 2005 – Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович*:* биобиблиографический указатель / Сост. *Г.Р. Ильясова, А.Г. Салихов, Р.М. Булгаков*. – Уфа: Гилем, 2005. – 76 с. {Ishmukhamet Ghilmutdinovich Galyautdinov: a biobibliographical index / *G.R. Ilyasova, A.G. Salikhov, R.M. Bulgakov* (Eds.). – Ufa: Ghilem, 2005. – 76 p.}

Грамматика 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. *А.А. Юлдашев*. – М.: Наука, 1981. – 495 с. {Grammar of modern Bashkir literary language / *A.A. Yuldashev* (Ed.). – Moscow: Nauka, 1981. – 495 p.}

ДАБЯ 2005 – Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2005. – 234 с., 169 карт. {Dialectological atlas of the Bashkir language. – Ufa: Ghilem, 2005. – 234 p., 169 pict.}

Зайнуллин, Шайхулов 1983 – *Зайнуллин М.В., Шайхулов А.Г.* IX Региональная конференция по диалектологии тюркских языков // Сов. тюркология. – 1983. – № 1. – С. 99–103. {*M.V. Zaynullin, A.G. Shaykhulov.* The 9th regional conference on dialectology of Turkic languages // Soviet Turkology. – 1983. – № 1. – PP. 99–103.}

Ишбердин 1996 – *Ишбердин Э.Ф.* Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович // Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Науч. изд. «Башк. энцикл.», 1996. – С. 222. {*E.F. Ishberdin.* Galyautdinov, Ishmukhamet Ghilmutdinovich // Bashkortostan: a brief enciclopaedia. – Ufa: Bashkir encyclopaedia scientific publishing house, 1996. – P. 222.}

Историческое развитие лексики 1961 – Историческое развитие лексики тюркских языков: сб. ст. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 467 с. {Historical development of lexis in Turkic languages: a compendium of articles. – Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. – 467 p.}

Камалов 1997 – *Камалов А.А.* Башкирская топонимия: сравнительное и ареальное исследование: автореф. дис. … докт. филол. наук в форме научн. докл. – Уфа, 1997. – 61 с. {*A.A. Kamalov.* Bashkir toponymy: comparative and areal research: Ph.D. diss. abstract as a scientific report. – Ufa, 1997. – 61 p.}

Кормушин, Напольнова, Каменева 1990 – *Кормушин И.В., Напольнова Е.А., Каменева О.Н.* XV Пленум Советского комитета тюркологов // Сов. тюркология. – № 1. – С.103–106. {*I.V. Kormushin, Ye.A. Napol'nova, O.N. Kameneva.* The 25th Plenum of the Soviet Committee of Turkologists // Soviet Turkology. – № 1. – PP. 103–106.}

Кыпчакские языки Урало-Поволжья 1974 – Кыпчакские языки Урало-Поволжья // Сов. тюркология. – 1974. – № 5. – С. 112–113. {Kypchak languages of the Ural-Volga Region // Soviet Turkology. – 1974. – № 5. – PP. 112–113.}

Максютова 1985 – *Максютова Н.Х.* Диалектологический атлас башкирского языка (итоги и задачи) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тез. пятой конф. «Проблемы атласной

картографии». – Уфа, 28–30 ноября 1985 г. – Уфа: БФ АН СССР, 1985. – С. 110–111. {*N.Kh. Maksyutova.* Dialectological atlas of the Bashkir language (Results and aims)// Areal research in linguistics and ethnography: theses of the 5th conference «Problems of the atlas cartography». – Ufa, November 28–30, 1985. – Ufa: Bashkir Department of the Academy of Sciences of the USSR, 1985. – PP. 110–111.}

Максютова 1986 – *Максютова Н.Х.* Лингвогеографическое изучение башкирского языка // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков: сб. ст. – Уфа: БФ АН СССР, 1986. – С. 4–14. {*N.Kh. Maksyutova.* Linguogeographical research of the Bashkir language // Problems of dialectology and linguogeography of Turkic languages: a compendium of articles. – Ufa: Bashkir Department of the Academy of Sciences of the USSR, 1986. – PP. 4–14.}

Мәксүтова 1986 – *Мәксүтова Н.Х.* Башҡорт тел ғилеменең яңы ҡаҙанышы // Башҡортостан уҡытыусыһы. – 1986. – № 6. – 35–36-сы б. {*N.X. Mäqsütova.* Başqort tel gilemeneŋ yaŋı qaźanışı // Başqortostan uqıtıusıhı. – 1986. – № 6. – 35–36-sı b. (*N.Kh. Maksyutova.* The new awards of Bashkir linguistics // The Bashkir Teacher. – 1986. – № 6. – PP. 35–36 (In Bashkir.).)}.

ППБ 1982 – Письменные памятники Башкирии (историко-филологические исследования) / *И.Г. Галяутдинов, Т.М. Гарипов, Р.Г. Кузеев, З.Г. Ураксин* (отв. ред.). – Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1982. – 175 с. {Written monuments of Bashkiria (historical and philological research) / *I.G. Galyautdinov, T.M. Garipov, R.G. Kuzeyev, Z.G. Uraksin* (Eds.). – Ufa: Bashkir Department of the Academy of Sciences of the USSR, Institute for History, Language and Literature, 1982. – 175 p.}

Псянчин 2000 – *Псянчин Ю.В.* Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка: автореф. дис. … докт. филол. наук. – М., 2000. – 57 с. {*Yu.V. Psyanchin.* Stylistics of inflexional categories of the noun of modern Bashkir literary language: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 2000. – 57 p.}

Севортян 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages (common Turkic and interturkic word stems beginning with vowels). – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p.}

Сибагатов 2008 – Сибагатов Радик Галиевич // Казанская лингвистическая школа. Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / Сост. *М.З. Закиев*. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – С. 262–264. {*Sibagatov Radik Galiyevich* // Kazan School of Linguistics / Edited by: *M.Z. Zakiyev*. – Kazan: Tatar book publishing house, 2008. – PP. 262–264.}.

Тенишев 1961 – *Тенишев Э.Р.* Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков: сб. ст. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 232–293. {*E.R. Tenishev.* The verbs of motion in Turkic languages // Historical development of lexis of Turkic languages: a compendium of articles. – Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. – PP. 232–293.}

Тенишев 1982а – *Тенишев Э.Р.* О соотношении внешних и внутренних факторов в развитии тюркских языков (по письменным памятникам и диалектным данным) // Письменные памятники Башкирии (историко-филологические исследования). – Уфа, 1982. – С. 48–51. {*E.R. Tenishev.* On correlation of external and internal factors in the development of Turkic languages (on the basis of monuments of writing and dialect data) // Written monuments of Bashkiria (historical and philological research). – Ufa, 1982. – PP. 48–51.}

Тенишев 1982б – *Тенишев Ә.Р.* Башҡорт телселәренең ҡаҙанышы. – Ағиҙел, 1982. – 100–102-се б. {*Ä.R. Tenişev.* Başqort telselärenең qaźanışı. – Agiźel, 1982. – 100–102-se b. (*E.R. Tenishev.* The achievements of Bashkir linguists. – Agidel, 1982. – PP. 100–102 (In Bashkir.).)}.

Тенишев 1989 – *Тенишев Э.Р.* Советскому комитету тюркологов – 15 лет! // Сов. тюркология. – 1989. – № 5. – С. 3–12. {*E.R. Tenishev.* The 15th Anniversary of the Soviet Committee of Turkologists! // Soviet Turkology. – 1989. – № 5. – PP. 3–12.}

Тенишев 2005 – *Тенишев Э.Р.* Некоторые социолингвистические проблемы в тюркском мире // Тюркология накануне XXI века (достижения, состояние, перспективы): труды Международного конгресса. В 2-х томах. – Уфа: Гилем, 2005. – Т. 2. – С. 6–17. {*E.R. Tenishev.* Some sociolinguistical problems in the Turkic world // Turkology on the eve of the 21st century (achievements, modern state, expectations): the works of the International congress. In two volumes. – Ufa: Ghilem, 2005. – Volume 2. – PP. 6–17.}

Тенишев 2006а – *Тенишев Э.Р.* Избранные труды. Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с. {*E.R. Tenishev.* Selected works. Book 1. – Ufa: Ghilem, 2006. – 304 p.}

Тенишев 2006б – *Тенишев Э.Р.* Избранные труды. Книга вторая. – Уфа: Гилем, 2006. – 380 с. {*Tenishev E.R.* Selected works. Book 2. – Ufa: Ghilem, 2006. – 380 p.}

Тенишев 2011 – *Тенишев Э.Р.* Избранные труды. Книга третья. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 274 с. {*E.R. Tenishev.* Selected works. Book 3. – Ufa: Institute for History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 274 p.}

Тенишев, Благова 1982 – *Тенишев Э.Р., Благова Г.Ф.* Региональное координирование диалектологических исследований – насущная задача тюркского языкознания в СССР // IX Конференция по диалектологии тюркских языков: тез. докл. и сообщ. / АН СССР, БФ. – Уфа, 1982. – С. 91–92. {*E.R. Tenishev, G.F. Blagova.* Regional coordination of the dialectological research as a crucial task of Turkic linguistics in the USSR // The 9th conference on the Turkic dialectology: theses of lectures and reports // Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Department. – Ufa, 1982. – PP. 91–92.}

Тюркология накануне XXI века 2004 – Тюркология накануне XXI века (достижения, состояние, перспективы): труды Международного конгресса. В 2-х томах. – Уфа: Гилем, 2004. – Т. 1. – 296 с. {Turkology on the eve of the 21st century (achievements, modern state, expectations): the works of the International congress. In two volumes. – Ufa: Ghilem, 2004. – Volume 1. – 296 p.}

Тюркология накануне XXI века 2006 – Тюркология накануне XXI века (достижения, состояние, перспективы): труды Международного конгресса. В 2-х томах. – Уфа: Гилем, 2005. – Т. 2. – 312 с. {Turkology on the eve of the 21st century (achievements, modern state, expectations): the works of the International congress. In two volumes. – Ufa: Ghilem, 2004. – Volume 2. – 312 p.}

Ураксин 1975 – *Ураксин З.Г.* Фразеология башкирского языка: автореф. дис. … докт. филол. наук. – Уфа, 1975. – 53 с. {*Z.G. Uraksin.* Phraseology of the Bashkir language: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 1975. – 53 p.}

Ураксин 2005 – Ураксин Зиннур Газизович: биобиблиографический указатель / Сост. *М.В. Мурзабулатов, З.Г. Уразбаева, Ю.З. Ураксин, Ф.С. Тикеев.* – Уфа: Гилем, 2005. – 56 с. {Uraksin, Zinnur Gazizovich: a biobibliographical index / *M.V. Murzabulatov, Z.G. Urazbayeva, Yu.Z. Uraksin, F.S. Tikeyev* (Eds.). – Ufa: Ghilem, 2005. – 56 p.}

Ураҡсин, Хисамитдинова, Псәнчин 2001 – *Ураҡсин З.Ғ., Хисамитдинова Ф.Ғ., Псәнчин Ю.В.* Төркиәт аҡһаҡалы // Башҡортостан. – 2001. – 21 апрель. {*Z.G. Uraqsin, F.G. Xisamitdinova, Psänçin Yu.V.* Törkiät aqhaqalı // Başqortostan. – 2001. – 21 aprel. (The Patriarchs of Turkology // Bashkortostan. – 2001. – April 21st. (In Bashkir.).)}.

Халикова 1992 – *Халикова Р.Х.* Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв.: автореф. монографии … докт. филол. наук. – М., 1992. – 66 с. {*R.Kh. Khalikova.* The language of Bashkir shajarah and act documents of the 18th–19th centuries: abstract of a PhD monograph. – Moscow, 1992. – 66 p.}

Хисамитдинова 1980 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный» в историческом освещении: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1980. – 21 с. {*F.G. Khisamitdinova.* Consonant clusters *sonorant + voiceless occlusive* of the Bashkir language in a historical perspective: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1980. – 21 p.}

Хисамитдинова 1992 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Формирование ойконимической системы башкирского языка: автореф. дисс. … докт. филол. наук в форме научн. докл. – М., 1992. – 55 с. {*F.G. Khisamitdinova.* Formation of oeconymy system of the Bashkir language: Ph.D. diss. abstract as a scientific report. – Moscow, 1992. – 55 p.}

Хисамитдинова 2015 – Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна: биобибилиографический указатель / Сост. *Р.Г. Закирова, Г.Ю. Юнусова, Г.Г. Исхакова*. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – 52 с. {Khisamitdinova, Firdaus Ghilmitdinovna: biobibliographical index / *R.G. Zakirova, G.Yu. Yunusova, G.G. Iskhakova* (Eds.). – Ufa: Institute for History, Language and Literature of Ufa scientific centre of the Russian Academy of Sciences, 2015. – 52 p.}

Шайхулов 2001 – *Шайхулов А.Г.* Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)»: автореф. дис. … докт. филол. наук. – М., 2001. – 95 с. {*A.G. Shaykhulov.* Structure and ideographical paradigms of one-syllable root stems in Kypchak languages of the Ural-Volga Region

in continuum of areal, interturkic, and common turkic lexis: synopsis and taxonomy of the cognitive domain «Nature (inanimate and animate)»: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 2001. – 95 p.}

Әхмәтов, Псәнчин 1981 – *Әхмәтов М., Псәнчин В.* Илһамлы хеҙмәт (Төрки телдәре белгесе профессор Ә.Р. Тенишевҡа 60 йәш). = Ахметов М., Псянчин В. Вдохновенный труд: к 60-летию со дня рождения тюрколога, профессора Э.Р. Тенишева // Совет Башҡортостаны. – 1981. – 15 май. {*M. Äxmätov, V. Psänçin.* İlhamlı heźmät (Törki teldäre belgese professor Ä.R. Tenişevqa 60 yäş) (*M. Akhmetov, V. Psyanchin.* The inspired work: devoted to the 60th anniversary of E.R. Tenishev // Sovet Başqortostanı. – 1981. – May 15 (In Bashkir.).}

IX Конференция по диалектологии 1982 – IX Конференция по диалектологии тюркских языков: тез. докл. и сообщ. / АН СССР, БФ. – Уфа, 1982. – 166 с. {The 9th Conference on dialectology of Turkic languages: abstracts of lectures and reports / The Academy of Sciences of the USSR, The Bashkir Department. – Ufa, 1982. – 166 p.}

Интернет-источники

Камалов Азат Ахмадуллович – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Камалов,_Азат_Ахмадуллович (дата обращения: 10.03.2021).

Сибагатов Радик Галиевич – URL: http://wiki02.ru/encyclopedia/Sibagatov_Radik_Galievich/t/12532 (дата обращения: 10.03.2021).

Халикова Раиса Халиловна – URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Халикова,_Раиса_Халиловна (дата обращения: 10.03.2021).

Хисамитлинова Фирдаус – URL: http://bashenc.online/ru/articles/74168/Хисамитдинова,_Фирдаус (дата обращения: 10.03.2021).

Шайхулов Алмас Галимзянович – URL: http://wiki02.ru/encyclopedia/Shayhulov_Almas_Galimzyanovich/t/16297 (дата обращения: 10.03.2021).

Эргаш Фазылов – URL: https://uz.wikipedia.org/wiki/Ergash_Fozilov (дата обращения: 10.03.2021).

E.R. Tenishev's contribution to the science of Bashkortostan (to his 100th anniversary)

Y.V. Psyanchin

Ufa

Summary: The article was prepared in connection with the 100th anniversary of an outstanding Soviet and Russian linguist-turkologist E.R. Tenishev (1921–2004) and is devoted to his contribution to the science of Bashkortostan. The author, relying on facts and sources, gives a detailed analysis of the merits of E.R. Tenishev to the scientific community of the Republic of Bashkortostan. A big amount of literature and sources on this topic is presented in the article. Not only the scientific talent of E.R. Tenishev, but also his personal traits are mentioned in the article.

Key words: Turkic studies, regional Turkic studies, scientific management, scientific consulting, Bashkir linguistics, small homeland, academic social science, Bashkortostan.

Yulai Valievich Psyanchin – Ph.D. in philology, professor, academic secretary of Federal State Budgetary Institution Bashkir Research Centre of Apiculture and Apitherapy, e-mail: yulayps@yandex.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

Э.Р. ТЕНИШЕВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ф.Г. Хисамитдинова
г. Уфа

Резюме: В статье рассказывается о зарождении и развитии экспериментальной фонетики в башкирской лингвистической науке, у истоков которой стоял Э.Р Тенишев. Уделяется внимание значению экспериментальной фонетики для башкирской диалектологии, как в исторической перспективе, так и на современном этапе.

Ключевые слова: экспериментальная фонетика, башкирская лингвистика, башкирская диалектология, Э.Р.Тенишев.

В 1972 г. Э.Р. Тенишев писал: «Тюркская фонетика в настоящее время испытывает коренное обновление, связанное с внедрением современных научных методов» [СТ 1972: 125–126]. Говоря об этом, он, безусловно, имел в виду инструментальные методы, так как к этому времени лингвисты пришли к пониманию того, что при изучении фонетики необходимо активно подключать экспериментальные методы, чтобы исключить фактор субъективности. Отечественными лингвистами стали применяться методы рентгенографирования, дентопалатографирования, фото- и лабиограмм, пневмоосциллографирования, которые дали возможность анализировать большое число параметров звука: гласный или согласный, глухой или звонкий, краткий или долгий, смычный или щелевой, взрывной или имплозивный, есть ли движение тона [Селютина 2021].

Экспериментально-фонетические исследования начались и в тюркологии. Были получены и определенные результаты. В частности, еще в 70–80-х гг. прошлого столетия появились исследования по азербайджанскому, туркменскому, казахскому, киргизскому, узбекскому, уйгурскому, тувинскому, хакасскому и якутскому языкам. Намного раньше была исследована звуковая система татарского языка [Байчура 1955]. Позже появились работы, выполненные методами рентгеносъемки и фотографирования ряда сибирских тюркских языков. Инструментальными методами изучались артикуляционно-акустическая база, словесное ударение, интонация предложений и др. В этом направлении особенно успешно работали ученые Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт филологии СО РАН), занимающиеся языками сибирских народов.

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологический наук, профессор, член-корреспондент АН РБ, научный руководитель Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, e-mail: hisamitdinova@list.ru

Объектом исследования новосибирских ученых были и тюркские языки. Еще в 1980-е гг. появились солидные экспериментально-фонетические исследования по тувинскому, якутскому, хакасскому, диалектам алтайского языков.

К сожалению, в башкирском языкознании подобных исследований практически не было, если не принимать во внимание несколько статей Г.П. Мельникова, Н.Г. Охаревой и др. [Охарева 1976: 101–105; Охарева 1979а: 55–60; Охарева 1979б: 106–112; Охарева 1982: 16]. Не увенчались успехом попытки руководства ИИЯЛ УНЦ РАН по подготовке фонетистов-экспериментаторов ни в Москве, ни в Ленинграде. Из-за ухода венгерского башкироведа Й. Тормы на дипломатическую работу были прерваны экспериментально-фонетические исследования консонантизма говоров башкирского языка, начатые по рекомендации Э.Р. Тенишева в Сегедском университете Венгерской Республики тюркологами Й. Тормой и Ф.Г. Хисамитдиновой.

Лишь в 2009 г. экспериментально-фонетические исследования в башкирском языкознании были возобновлены. Это было связано с тем, что башкироведение в последние годы приступило к разработке таких крупных проектов, как «История башкирского языка» и «История башкирского народа» (в 7 т.). В соответствии с концепцией проекта «История башкирского народа» в каждом томе, наряду с историей народа, должны быть представлены описания состояния и основных тенденций развития таких атрибутов этноса, как язык, культура, менталитет и др. Изложенные факты и обусловили появление подобных исследований в башкирском языкознании в последние годы. Для нас было важно показать не только функционирование башкирского языка в последние десятилетия, но и изменения, произошедшие в его звуковом, грамматическом, лексическом, синтаксическом строе. Кроме этого, результаты экспериментально-фонетических исследований могли бы пролить свет на спорные моменты в происхождении, этническом составе, истории башкирского народа. Для решения поставленных задач, наряду с традиционными, были привлечены и так называемые инструментальные методы, так как под нивелирующим влиянием литературного башкирского языка, а также демографически сильных русского и татарского в башкирском языке, особенно в его диалектах, произошли и происходят существенные фонетические изменения. В частности, судя по материалам Н.С. Уртегешева, в демском говоре башкирского языка сокращается употребление межзубного *ç*, а в нижнебельском – под влиянием татарского языка на стадии исчезновения находится межзубной *ʒ*. Кроме этого, отмечается изменение интонации речи в говорах восточного диалекта.

Все эти факты обусловили активизацию экспериментально-фонетических исследований в ИИЯЛ. Для этого был заключен договор с Институтом филологии СО РАН о совместной деятельности в области инструментальных исследований по фонетике башкирского языка. Следует отметить, что Лаборатория экспериментально-фонетических исследований ИФ СО РАН имела большой опыт работы в этом направлении, поскольку еще при создании Лаборатории его руководителем Владимиром Михайловичем Наделяевым были поставлены две основные задачи: фронтальное обследование языков народов Сибири и Дальнего Востока и разработка теории артикуляционно-акустической базы. В результате сибирскими учеными был введен в оборот уникальный материал по фонетике, разработана методика описания фонетических особенностей языков Сибири. Сотрудники данной

Лаборатории оказали большую помощь в организации экспериментально-фонетических исследований и по башкирскому языку. Во-первых, в ИИЯЛ был направлен специалист по экспериментальной фонетике Н.С. Уртегешев для записи материала по всем диалектам башкирского языка по особой программе с помощью особой технологии новыми аппаратами. Безусловно, сегодня, когда многие языки и диалекты исчезают, фиксация звукового аспекта любого языка необходима в первую очередь, так как грамматику и лексику можно исследовать по памятникам письменности, текстам, зафиксированным учеными, а для изучения фонетики нужен носитель языка. К тому же раньше фонетика изучалась на слуховом уровне, и сегодня полученные данные несут на себе все недостатки этого метода. Дело в том, что любое человеческое ухо субъективно, и, как говорил знаменитый лингвист Лев Владимирович Щерба, слышит то, что оно привыкло слышать.

Второй этап работы представлял собой исследование башкирских диалектов с помощью МРТ (магнитно-резонансного томографирования). Для этого в ИФ СО РАН были направлены ИИЯЛ УНЦ РАН четыре носителя диалектов и говоров башкирского языка. С помощью новейшей техники были сделаны снимки артикуляционного аппарата носителей диалектов башкирского языка, что дало возможность зафиксировать место, способ артикуляции того или иного звука по диалектам. После расшифровки рентгеносхем была составлена точная транскрипция звуков и настройка согласных и гласных всех трех диалектов башкирского языка. Кроме этого, под авторством новосибирского исследователя Н.С. Уртегешева, башкирских ученых Ф.Г. Хисамитдиновой и Л.К. Ишкильдиной были подготовлены и изданы атласы согласных звуков диалектов башкирского языка: «Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка» [Уртегешев и др. 2012], «Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка» [Уртегешев, Хисамитдинова 2013], «Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка» [Хисамитдинова и др. 2014]. Ответственным редактором всех трех атласов выступила известный фонетист-экспериментатор, тюрколог, д.ф.н. И.Я. Селютина. Следует отметить и то, что в настоящее время ведется разработка атласов гласных диалектов башкирского языка. Собранный материал позволил исследователям сделать некоторые предположения о происхождении языковых особенностей отдельных башкирских родоплеменных групп.

Подводя итоги, можно сказать, что Э.Р. Тенишев еще задолго до появления в тюркском языкознании экспериментальных исследований, основанных на МРТ, понимал их значимость не только для дальнейшего развития тюркологической науки, но и для установления происхождения тех или иных тюркоязычных этносов.

Литература

Байчура 1955 – Байчура У.Ш. Эксперименталь фонетика һәм уның практик әһәмиәте // Башҡортостан уҡытыусыһы. – 1955. – № 5. {*U.Ş. Bayçura.* Eksperimental fonetika häm unıŋ praktik ähämiäte // Başqortostan uqıtıusıhı. – 1955. – № 5. (*U.Sh. Baychura.* Experimental phonetics and its practical significance // The Bashkir Teacher. – 1955. – №5. (In Bashkir.))}

Охарева 1976 – Охарева Н.Г. Особенности башкирского сингармонизма в заимствованных словах // Новые материалы и исследования по филологии и истории Башкирии. – Уфа, 1976.

{*N.G. Okhareva.* The peculiarities of Bashkir synharmonism in borrowed words // New data and research on philology and history of Bashkiria. – Ufa, 1976.}

Охарева 1979а – Охарева Н.Г. Формантная структура башкирских гласных // Исследования по грамматике современного башкирского языка. – Уфа, 1979. {*N.G. Okhareva.* The formant structure of Bashkir vowels // Research on the grammar of modern Bashkir language. – Ufa, 1979.}

Охарева 1979б – Охарева Н.Г. К вопросу о фонологической интерпретации вокализма в современном башкирском литературном языке // Башкирская литература и литературный язык на современном этапе. – Уфа, 1979. {*N.G. Okhareva.* To the question of the phonological interpretation of the vowel system of modern Bashkir literary languages // Bashkir literature and literary language in the modern state. – Ufa, 1979.}

Охарева 1982 – Охарева Н.Г. Интерференция вокалических систем (на материале башкирского и русского языков): автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. {*N.G. Okhareva.* Interference of the vowel system (on the basis of the Bashkir and Russian languages): Abstract of a PhD candidate thesis. – Leningrad, 1982.}

Селютина 2021 – *Селютина И.Я.* Этногенез по акценту // Наука Сибири. – 2021, 20 мая. {*I.Ya. Selyutina.* Ethnogeny on the basis of accent // Nauka Sibiri (The Siberian Science.) – 2021, May 20.}

СТ 1972 – *Тенишев Э.Р.* О состоянии и перспективах развития тюркского языкознания // Советская тюркология, 1972, №6. Сс. 125–126. {*E.R. Tenishev.* On the current state and prospects of development of Turcology //Soviet Turcology, 1972, №2 – PP. 125–126.}

Уртегешев и др. 2012 – *Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К.* Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. – Уфа, 2012. {*N.S. Urtegeshev, F.G. Khisamitdinova, L.K. Ishkil'dina.* An Atlas of Articulation Settings of Consonants of the Eastern Dialect of the Bashkir Language. – Ufa, 2012.}

Уртегешев, Хисамитдинова 2013 – *Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г.* Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка. – Уфа, 2013. {*N.S. Urtegeshev, F.G. Khisamitdinova.* An Atlas of Articulation Settings of the Southern Dialect of the Bashkir Language. – Ufa, 2013.}

Хисамитдинова и др. 2014 – *Хисамитдинова Ф.Г., Уртегешев Н.С., Ишкильдина Л.К.* Атлас артикуляторных согласных северо-западного диалекта башкирского языка. – Уфа, 2014. {*F.G. Khisamitdinova, N.S. Urtegeshev, L.K. Ishkil'dina.* An Atlas of Articulation Settings of the Northwestern Dialect of the Bashkir Language. – Ufa, 2014.}

E.R. Tenishev and experimental phonetic research in the Bashkir linguistics

F.G. Khisamitdinova

Ufa

Summary: The article deals with the genesis and development of experimental phonology in Bashkir linguistics, and one of its founders – E.R. Tenishev. The significance of experimental phonology in the field of Bashkir dialectology, both in a historical perspective and in its modern state is also mentioned here.

Key words: experimental phonetics, Bashkir linguistics, Bashkir dialectology, E.R. Tenishev.

Firdaus Ghilmitdinovna Khisamitdinova – Ph.D. in philology, professor, associate member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, scientific advisor of Badge of Honour Federal State Budgetary Institution of Science Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, e-mail: hisamitdinova@list.ru

Учитель, перед именем твоим
позволь смиренно преклонить колени.

Н.А. Некрасов

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКОВ И КОЛЛЕГ

№ 1–2 (30–31) 2021

«САВАПЛЫ ЮЛЫГЫЗ УҢЫШЛЫ БУЛСЫН...» («ДА БУДЕТ ПЛОДОТВОРЕН ВАШ БЛАГОРОДНЫЙ ПУТЬ…»)

Х.Ч. Алишина
г. Тюмень

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения всемирно известного востоковеда-тюрколога, специалиста в области сравнительно-исторической грамматики и истории тюркских и монгольских языков, языков древнетюркских памятников и современных тюркских языков, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, члена Турецкого лингвистического общества, Финно-угорского общества, заведующего Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, председателя Российского комитета тюркологов, действительного члена РАЕН, действительного члена Международной академии информатизации, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, почетного академика Академии наук Республики Башкортостан Эдхяма Рахимовича Тенишева.

«Люди этой профессии, без всякого преувеличения, достойны таких эпитетов как великие труженики, хранители культур и цивилизаций, первооткрыватели, подвижники. Известность их, однако, ограничена узким кругом специалистов, а сама работа, с полным пониманием объема труда и его ценности, доступна единицам. Люди эти – лингвисты, и более всего те из них, кто изучает языки “малых народов”, исчезающих или давно уже исчезнувших с лица земли» [Бахревский 2005].

Впервые я услышала об этом замечательном ученом от моего научного руководителя академика АН РТ Диляры Гарифовны Тумашевой.

На одной из научно-практических конференций, проводившихся в то время в Институте языка, литературы, истории им. Г. Ибрагимова, мне удалось впервые увидеть, услышать этого легендарного человека. Эдхям Рахимович сидел в президиуме. Его осанка, движения, жесты, вся манера поведения выдавала в нем человека неординарного, природный аристократизм сочетался в нем со скромностью, присущей людям с высоким чувством достоинства и очень образованным. Э.Р. Тенишеву как почетному гостю предоставили заключительное слово. Зал стих. Эдхям Рахимович говорил об очень важных вещах просто и доступно, выражал свое мнение без суеты, спокойно, но веско. Мы, аспиранты, внимали каждому его слову. Ведь перед нами выступал патриарх тюркологической науки – председатель Советского комитета тюркологов, член-корреспондент АН СССР, а рядом с ним находились наши наставники – директор ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, доктор филологических наук, профессор М.З. Закиев, зав. кафедрой татарского языка КГУ,

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор, Академик АН РТ, директор Центра тюркологии ТюмГУ, e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru.

доктор филологических наук, профессор Д.Г. Тумашева. Диляра Гарифовна всегда радовалась, когда в Казань из Москвы приезжал Эдхям Рахимович.

В 1992 г., окончив аспирантуру, защитив диссертацию «Говоры сибирских татар юга Тюменской области», я вернулась в родную Сибирь. Началась новая, трудная жизнь, пережить которую помогали письма Диляры Гарифовны, Эдхяма Рахимовича. Одно из писем Э.Р. Тенишева было опубликовано в местной татарской газете «Яңарыш»: «*Кадерле Хәнисә-ханым! ...Ике китабыгызны* (“Боль моя и радость – язык сибирских татар”, “Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар”) *укып чыгып, чын күңелдән куандым: хезмәтләрегездә тирән белем, сәләтлек, ярату, ялкынлы йөрәк хисләре дә чагылыш тапкан. Батыр кеше икәнсез! Эшләрегезне сүйүмле халкыгыз өчен дәвам иттергәнсез! Саваплы юлыгыз вә эшләрегез һаман уңышлы булсын. Әдһәм Рәхим улы Тенишев. Мәскәү, 16 января 1995 г.*» ‘Дорогая Ханиса-ханум! Прочитав обе ваши книги («Боль моя и радость – язык сибирских татар», «Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар»), от души порадовался: в ваших трудах нашли отражение глубокие знания, способности, пламенное чувство любви к родному языку. Оказывается, вы смелый человек! Вы продолжаете деятельность во имя любимого народа! Желаю вам дальнейших успехов в ваших благородных делах и начинаниях. Эдхям Рахимович Тенишев. Москва, 16 января 1995 г.’

Несколько слов о роли научной переписки в предзащитный и послезащитный периоды моей жизни. Тюркология как наука во всей внутренней глубине начала мне открываться в Казани, где работали видные ученые, писатели, творческая интеллигенция, где в библиотеке КГУ им. Н.И. Лобачевского была сосредоточена мировая сокровищница трудов по языкам, фольклору, истории, литературам тюркских народов на арабице, латинице, кириллице. Мне было мало общения с докторами и кандидатами филологических наук Казанского научного центра и Казанского университета, я старалась узнать мнение сторонних ученых о региональном языке, диалектах, говорах, наречии сибирских татар. Письма были адресованы в Санкт-Петербург С.Г. Кляшторному, А.М. Щербаку, в Москву – Э.Р. Тенишеву и другим ученым. Они отвечали на письма, присылали оттиски своих статей. Эдхяму Рахимовичу Тенишеву одно из писем специально написала на родном материнском языке, хотела проверить его реакцию, так как моя концепция была основана на том, что язык сибирских татар является самостоятельным языком, он сложился в древности, сформировался на этой территории в условиях стабильного проживания носителей, существовал и существует за счет внутренних ресурсов, обслуживал и обслуживает культурно-социальные потребности сибирских татар. Эдхям Рахимович не удивился, не смутился, не стал ни в чем меня убеждать и переубеждать, а просто написал, что все хорошо понял...

Приятным воспоминанием об Э.Р. Тенишеве осталась встреча на научно-практической конференции в 1996 г. в Иркутске, посвященной проблеме сохранения языков народов РФ. Здесь я вновь увидела в президиуме уважаемого ученого. Он очень внимательно слушал доклады участников, что-то помечал на маленьком листочке бумаги. После выступления Натальи Николаевны Широбоковой стал задавать ей такие вопросы, на которые могла ответить только она, квалифицированный специалист в области фонетики якутского языка. Это был замечательный и поучительный диалог двух ведущих тюркологов страны. К сожа-

лению, нет сейчас с нами и глубокоуважаемой Натальи Николаевны. Последний раз мы с ней виделись и общались 11–14 ноября 2019 г. в Элисте, где она выступила с замечательным докладом о Валентине Ивановиче на III Международной научной конференции «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований», посвященной 80-летию со дня рождения академика РАЕН, доктора филологических наук, профессора Валентина Ивановича Рассадина и приуроченную к 30-летию создания тофаларской письменности и 20-летию создания сойотской письменности.

Москва, 25 февраля 1997 г., РАН

В начале зимы 1997 г. в Комитет по делам национальностей администрации Тюменской области пришло приглашение на мое имя. Министерство национальностей РФ 25 февраля проводило Учредительное собрание в связи с созданием Международной тюркской академии. В спешном порядке оформили командировочное удостоверение и я полетела в Москву. С нами работал сотрудник Министерства национальностей Рашид Абдуллович Саликов. На собрании выступили с приветственным словом заместитель министра РФ А. Черненко, руководитель Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Р. Султанов. На этом форуме также присутствовал чрезвычайный полномочный посол Турции Бильген Онан.

Тюркологов, избранных академиками в тот день, было много. Они представляли Турцию (Ортайлы И.), Киргизию (Мамбеткалиев С.), Башкирию (Зайнуллин М.В., Гарипов Т.М., Акманов И.Г., Ураксин З.Г.), Татарстан (Валеев Ф.Т.-А., Исхакова С.М., Закиев М.З., Урманчиев Ф.И.), Карачаево-Черкесию (Суюнова Ф.С.), Дагестан (Кандауров А.А.), Якутию (Антонов Н.К.), Туву, Алтай (Казагачева З.С.), Тюмень (Алишина Х.Ч.), Челябинск (Алмаева Л.М., Валеев Г.К.). Президентом Международной тюркской академии был избран академик Э.Р. Тенишев, вице-президентом стал доктор философских наук, профессор Р.А. Саликов, ученым секретарем – Шамиль Фатыхович Мухамедьяров. Из московских профессоров, кроме Э.Р. Тенишева, были избраны Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, И.В. Кормушин, Ш.Ф. Мухамедьяров. Эдхям Рахимович в своем докладе говорил о целях и задачах новой академии, о научных поисках тюркологов в центре и на местах, особо подчеркнув, что одной из главных задач МТА будет сохранение русского языка как языка коммуникации тюркских народов Российской Федерации. Касаясь

проблем изучения языка сибирских татар, дал высокую оценку моей монографии «Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар». Я была молодым ученым, мне очень дорого было ощутить поддержку академика. Думаю, что это качество – найти добрые слова, поддержать начинающих коллег – главная черта благородного характера Эдхяма Рахимовича.

Э.Р. Тенишев в окружении коллег
по Международной тюркской академии. Москва, 1997 г.

Осенью 1998 г. я приехала в Москву на научную конференцию, взяв только что вышедшую двухтомную монографию «Ономастикон сибирских татар». Хотела зайти в Институт языкознания и подарить ее Э.Р. Тенишеву. В Институте его не оказалось, мне дали номер и разрешили позвонить со служебного институтского телефона (какие добрые люди работают в этом институте!). Эдхям Рахимович предложил приехать, подробно рассказав, как найти улицу Ферсмана, дом 3. Я удивилась простоте и доступности всемирно известного ученого. На подходе к дому увидела Эдхяма Рахимовича: издали он был похож на стройного юношу! На нем были голубая клетчатая рубашка, теплая безрукавка, синие джинсы. С большим стеснением и робостью переступила порог квартиры, рабочего кабинета, с интересом посматривая на старинные книжные шкафы с плотными рядами книг (хотелось подойти поближе, прочитать названия на корешках). Огромный антикварный письменный стол стоял наискосок к окну, к стеклам которого плотно прижимались большие желто-красные кленовые листья. Второй письменный стол был поменьше. Эдхям Рахимович заметил, что одновременно работает сразу над двумя научными статьями. Писал вручную, характерным крупным красивым почерком. Эдхям Рахимович усадил меня в кресло, расспрашивал об ученых Тюменского университета, рассказал о работе в Китае, о книжных новинках, их авторах. Был гостеприимен и внимателен ко мне. Когда

в разговоре я коснулась темы биографий великих ученых, он тут же откуда-то достал большую красную папку – новую родословную книгу Российского Дворянского Собрания. В этой папке, удостоверяющей дворянское звание, красивыми буквами было написано имя Эдхяма Рахимовича Тенишева! Что касается своей биографии, то порекомендовал обратиться к Анне Владимировне Дыбо (это славное имя впервые услышала из уст самого Э.Р. Тенишева). На прощание Эдхям Рахимович подарил изданную в Бишкеке энциклопедию «Языки мира. Тюркские языки», надписав красивым почерком: «*Мөхтәрәм вә газиз Хәнисә-ханыма изге теләкләрем белән Э. Тенишев. 22.IX–1998. Мәскәү*». Доброту, щедрость души унаследовала от своего учителя доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, зав. отделом урало-алтайских языков ИЯ РАН А.В. Дыбо – одна из лучших его учениц, последователь и приемник академика Э.Р. Тенишева! Анна Владимировна дала мне рекомендацию к вступлению в Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН. Теперь и она, как в свое время делал это Э.Р. Тенишев, дарит мне при встречах лучшие книжные новинки по тюркологии!

…Я часто обращаюсь к бесценному дару академика, рассказываю студентам, аспирантам о создателе книги. Энциклопедия «Языки мира. Тюркские языки» очень дорога мне как память о величайшем ученом XX столетия. Она хранит прикосновение рук, жар сердца, тепло души главного редактора Э.Р. Тенишева. «Тенишев был ученый пылкий, со счастливым характером вечно молодого человека, для которого жизнь – не досадная помеха науке, но источник вдохновения и надежд» [Бахревский 2005].

«Эдхям Рахимович был всегда внимателен и душевно щедр к своим ученикам. Он подготовил десятки докторов и кандидатов наук, вовлекая их в актуальные проблемы тюркологии. Имея столь внушительную когорту высокопрофессиональных единомышленников, можно было браться за решение таких задач, которые прежнему поколению тюркологов показались бы фантастическими. Начиналась работа над фундаментальным трудом по составлению сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Этот труд уже завершен. Последний, шестой том находится в издательстве “Наука”, ожидается его скорый выход в свет. Накопив огромный исследовательский материал, ученые отдела урало-алтайских языков осуществили реконструкцию языка-основы, то есть того тюркского языка, который существовал многие тысячелетия назад. Значение этой работы необычайно велико. Ее завершение кладет начало новому этапу в российской тюркологии» [Бахревский 2005].

Идут годы, десятилетия. Чем больше время отдаляет нас от наших дорогих учителей и коллег, тем более возрастает научная и практическая значимость написанных ими трудов. Жизнь, прожитая ими во имя тюркологии, поднимается в наших глазах до уровня гражданского подвига для сегодняшнего многонационального общества России. Благодарна судьбе, она подарила мне счастье знакомства и общения, счастье быть современницей и соотечественницей выдающихся ученых Российского (Советского) комитета тюркологов, таких как Э.Р. Тенишев, Д.Г. Тумашева, З.Г. Ураксин, М.В. Зайнуллин, В.И. Рассадин, Э.А. Грунина, Г.Ф. Благова, Ю.В. Щека, Ф.А. Ганиев, И.Г. Галяутдинов, А.Т. Тыбыкова, К.М. Мусаев, Д.М. Насилов, Н.Н. Широбокова и др. Новый этап российской тюркологии связан с единением тюркологических кадров России. Немалую лепту в это благо-

родное дело вносят достойные ученики Э.Р. Тенишева, работающие в Институте языкознания РАН и во многих десятках вузов и академических центров.

Литература

Алишина 2001а – *Алишина Х.Ч.* Корифей тюркологии (к 80-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева) // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2001. – № 2. {*Kh.Ch. Alishina.* The Coryphaeus of Turkology (to the 80th annversary of E.R. Tenishev) // Philological Discource. Bulletin of Philological Faculty of Tumen State University. – Tyumen, 2001. – № 2.}

Алишина 2001б – *Алишина Х.Ч.* Тел галиме Әдһәм Тенишевка – 80 яшь // Яңарыш. – Тюмень, 2001. – 17 апреля. {*Kh.Ch. Alishina.* 80th Anniversary of Edham Tenishev, the Linguist // Yaŋarış. – Tyumen, 2001. – April, 17.}

Алишина 2001в – *Алишина Х.Ч.* Э.Р. Тенишев – видный отечественный тюрколог // Сулеймановские чтения. Материалы науч.-пр. конф. – Тюмень: Изд-во ТОНБ, 2001. {*Kh.Ch. Alishina.* E.R. Tenishev – a prominent turkologist of our country // Suleymanov Readings. Data of the scientific and practical conference. – Tyumen: TONB (Tyumen Regional Scientific Library) publishing house, 2001.}

Алишина 2009а – *Алишина Х.Ч.* Эдхям Рахимович Тенишев в моей жизни // Тенишевские чтения – 2009: сборник научных статей. – Казань: ТГГПУ, 2009. {*Kh.Ch. Alishina.* Edham Rakhimovich Tenishev in my life // Tenishev Readings – 2009: a compendium of scientific articles. – Kazan: TGGPU (Tatar State Humanitarian and Pedagogical University), 2009.}

Алишина 2009б – *Алишина Х.Ч.* Эдхям Тенишев – человек и ученый // Татарский мир. – М., 2009. – № 6. {*Kh.Ch. Alishina.* Edham Tenishev – a man and a scientist // Tatarskiy Mir. – Moscow, 2009. – № 6.}

Бахревский 2005 – *Бахревский В.* Эдхям Тенишев и его наука // Татарский мир. – М., 2005. – № 3. {*V. Bakhrevskiy.* Edham Tenishev and his science // Tatarskiy Mir. – Moscow, 2005. – № 3.}

Воспоминания 2008 – Воспоминания тюрколога (выступление Э.Р. Тенишева. Апрель 2001 г.) // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. Выпуск 3. – М.: Тезаурус, 2008. – 308 с. {Memoires of Turkologist (a report of E.R. Tenishev. April 2001.) // Questions of Altaic philology. In Memory of E.R. Tenishev. Issue 3. – Moscow: Tezaurus, 2008. – 308 p.}

Дыбо 2005 – *Дыбо А.В.* Памяти Эдгема Рахимовича Тенишева // Эдгем Рахимович Тенишев: жизнь и творчество / сост. Е.А. Тенишева. – М.: Инсан, 2005. – 128 с. {*A.V. Dybo.* In memoriam of Edgem Rakhimovich Tenishev // Edham Rakhimovich Tenishev: life and works / Ed. by Ye.A. Tenisheva. – Moscow: Insan, 2005. – 128 p.}

Дыбо, Нуриева 2011 – *Дыбо А.В., Нуриева Ф.Ш.* Самоотверженное служение тюркологической науке // Жизнь, посвященная тюркологии. К 90-летию известного тюрколога, академика, доктора филологических наук, профессора Э.Р. Тенишева. – Казань: ТГГПУ, 2011. – 447 с. {*A.V. Dybo, F.Sh. Nuriyeva.* Unselfish service to the turkological science // Life, devoted to Turkology. To the 90th anniversary of a famous turkologist, academician, Ph.D., professor E.R. Tenishev. – Kazan: TGGPU (Tatar State Humanitarian and Pedagogical University), 2011. – 447 p.}

Юсупов 2011 – *Юсупов Р.А.* Выдающийся ученый // Жизнь, посвященная тюркологии. К 90-летию известного тюрколога, академика, доктора филологических наук, профессора Э.Р. Тенишева. – Казань: ТГГПУ, 2011. – 447 с. {*R.A. Yusupov.* A prominent scientist // Life, devoted to Turkology. To the 90th anniversary of a famous turkologist, academician, Ph.D., professor E.R. Tenishev. – Kazan: TGGPU (Tatar State Humanitarian and Pedagogical University), 2011. – 447 p.}

«LET YOUR NOBLE PATH BE FRUITFUL …»

Kh.Ch. Alishina

Tyumen

Khanisa Chavdatovna Alishina – Ph.D. in philology, professor, academician of the Academy of Sciences of Tatarstan, director of Turkology Centre of Tyumen State University, e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ОН БЫЛ ДЛЯ НАС ВТОРЫМ ОТЦОМ (ВСПОМИНАЯ Э.Р. ТЕНИШЕВА)

Ю.В. Псянчин
г. Уфа

С моим Великим Учителем, членом-корреспондентом Академии наук СССР, с 1992 г. – членом-корреспондентом РАН, доктором филологических наук, профессором, заведующим Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, заслуженным деятелем науки Башкортостана, Татарстана и Калмыкии Эдхямом (Эдгемом) Рахимовичем Тенишевым (1921–2004) [Галяутдинов 1996] я познакомился в дни проведения Международного конгресса тюркологов у нас в г. Уфа, в июне 1997 г. Но впервые Э.Р. Тенишева я увидел еще 31 мая – 1 июня 1989 г. в дни проведения XV пленума Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР. Он тогда выступил с большим отчетным докладом на тему: «Советскому комитету тюркологов – 15 лет» [Кормушин и др. 1990]. Его доклад отличался сильной аналитической и логической составляющей, что, действительно, выделяло в нем большого ученого. Затем этот доклад был опубликован в журнале «Советская тюркология» в 1989 г. [Тенишев 1989].

Но вернемся к июню 1997 г. К сожалению, Эдхям Рахимович приехал только спустя два дня после начала работы форума, так как задержался в г. Баку. Эта задержка в Азербайджане была очень приятной как для самого ученого, так и для всего коллектива Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, которым он руководил с 1963 г. Именно в Баку ему была вручена престижная международная премия им. Аль-Бухари, которой была отмечена фундаментальная (тогда еще трехтомная) серия «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». Э.Р. Тенишев является ответственным редактором всех трех томов [СИГТЯ 1984, 1986, 1988], руководителем проекта и одним из активных исполнителей серии. А премию вручал лично сам президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиевич Алиев (1923–2003).

Чуть раньше, в мае 1997 г., я получил официальное письмо из Института языкознания РАН, разрешающее мне пройти трехмесячную стажировку. Я представился нашему дорогому гостю на башкирском и татарском языках и сказал, что получил направление от вуза для прохождения стажировки в Институте языкознания РАН и хотел бы заняться исследованиями под его руководством. Эдхям Рахимович был немногословен в своем ответе: «Приезжайте. Ждем». Тем не менее, его ответ вселил в меня большую надежду.

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, Башкирский Научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Минсельхоза Республики Башкортостан, e-mail: yulayps@yandex.ru.

Э.Р.Тенишев с башкирскими коллегами во время конференции
по региональной диалектологии. Уфа, 1980-е годы

В сентябре 1997 г. я уже был в г. Москва, в Институте языкознания РАН и встретился с Эдхямом Рахимовичем, который сразу же поинтересовался планами стажировки. К тому времени мною были подготовлены отдельные части докторской диссертации, но не было еще публикаций, отсутствовал системный подход, нужно было доработать и отшлифовать написанную часть, а также подготовить и остальные разделы. Я честно ответил: «Мне нужно пройти стажировку для того, чтобы очень серьезно поработать над теорией, усвоить новые методы изучения грамматической стилистики. А затем хотелось бы поступить к Вам в Отдел урало-алтайских языков, в докторантуру».

После завершения стажировки я стал целевым докторантом Отдела урало-алтайских языков, а Эдхям Рахимович – моим научным консультантом. Конечно, в связи с этим стоит вспомнить добрым словом и ректора Башкирского государственного педагогического института, а затем – педагогического университета, доктора педагогических наук, профессора, председателя Исполкома конгресса татар Башкортостана, депутата Государственной думы Федерального собрания РФ Хамитова Эдуарда Шайхулловича [Хамитов Эдуард Шайхуллович], давшего мне направление в целевую докторантуру от руководимого им вуза и поддерживавшего меня материально и морально в течение трех лет.

Именно с 1997 г. и началась наша дружба – дружба Учителя и Ученика! Мы часто общались, хотя мне в основном приходилось больше находиться в Уфе, чем в Москве. Однако расстояние в 1500 километров (расстояние между Москвой и Уфой) не стали преградой для нашего с Эдхямом Рахимовичем общения. Мне удавалось несколько раз в году бывать в Москве, что я прежде всего использовал для активного общения с Учителем. Наши с ним консультации и бесе-

ды проходили и в Институте языкознания РАН, и за чаем в уютной квартире Тенишевых по улице Академика Ферсмана, и даже на мероприятиях Российского фонда культуры.

Э.Р. Тенишев был почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан и стоял у истоков ее организации, он часто приезжал на сессии нашей академии. Каждый его приезд был для нас, его учеников, большим праздником. Обычно сессия Академии наук Республики Башкортостан совпадала с началом мая, когда в наших краях еще прохладно, но с приездом Эдхяма Рахимовича все менялось – он привозил с собой тепло и солнце. Казалось, что даже природа радовалось его приезду: ведь его самого отличали порядочность, чистота помыслов и доброжелательность. Перечисленные качества он хотел видеть и в нас. Особенно в наши души запали его обращения: «*дустым*» («друг мой»), «*аппагым*» («беленький мой»). Отдельно хотелось бы остановиться на слове-обращении «*аппагым*»: в этом случае Эдхям Рахимович имел в виду чистоту души собеседника или же хотел, чтобы она, душа его собеседника, была чистой. В устах Учителя каждое слово-обращение приобретало свою символику и свой глубокий смысл.

Но при этом Эдхям Рахимович оставался очень скромным человеком. Помню, 27 ноября 1997 г. на заседании Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН я сделал отчет по результатам стажировки и был рекомендован к поступлению в докторантуру по специальности «10.02.06 – Тюркские языки». Тогда в своем выступлении я отметил вклад Эдхяма Рахимовича Тенишева в развитие исторической стилистики тюркских языков, перечислив такие его статусные работы, как «О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников» (М., 1976) [Тенишев 1976], «Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка» (М., 1977) [Тенишев 1977], «Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте» (М., 1979) [Тенишев 1979], «Система форм существования древнеуйгурского языка» (М., 1985) [Тенишев 1985] и «Тюркоязычных письменных памятников языки» (М., 1996) [Тенишев 1996]. По выражению его лица я понял, что мое знание его трудов понравилось Учителю, но он опять был краток в своем ответе: «Это всего лишь царапинки по этой проблематике». Таким своим ответом он преподал нам всем урок скромности.

В мае 1998 г. в один из его приездов в Уфу мы съездили с ним в Благоварский район, где в начале XX в. находилось имение мурз Тенишевых, именуемое в народе как «Тенишев хутор». Более того, до революции 1917 г. отцу ученого Рахиму Мубиновичу Тенишеву (1885–1962) принадлежали 250 гектаров земли, а на территории нынешнего Давлекановского района, т. е. на границе с Благоварским районом – 170 гектаров земли. В свое время Тенишев хутор находился примерно в 7–8 километрах от мишарского села Верхние Каргалы. Кстати, с. Верхние Каргалы [Верхние Каргалы] мы тоже посетили, ведь известные в России татарские мурзы Еникеевы и Терегуловы также имеют верхнекаргалинские корни. Тем более, что с. Верхние Каргалы – родина известного татарского прозаика, народного писателя Татарстана Амирхана Ники (1909–2000) [Еникеев Амирхан Нигметзянович; Ники Амирхан], которого лично знал Эдхям Рахимович. Но с. Верхние Каргалы является еще и малой родиной академика РАН

и академии наук Республики Башкортостан; ныне – научного руководителя Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, члена Президиума РАН, а до этого долгое время трудившегося в Башкортостане в качестве председателя Уфимского научного центра РАН и президента Академии наук Республики Башкортостан Роберта Искандеровича Нигматулина [Нигматулин Роберт Искандерович]. Само с. Верхние Каргалы входит в состав Каргалинского сельсовета Благоварского района Республики Башкортостан.

Тенишев хутор располагался на пригорке рядом с березовой рощей, почти что на границе с нынешним Давлекановским районом Башкортостана. Это особая лесостепная зона с мягким климатом и чистой экологией. В 2001 г. эти места посетила и супруга Эдхяма Рахимовича Елена Александровна Тенишева. Она тоже была в восторге от красоты здешних мест.

После юбилейного вечера Э.Р. Тенишева возле ИЯзРАН. Москва, 25 апреля 2001 г.

Моя подготовка в докторантуре Института языкознания РАН была завершена с досрочной защитой диссертации в ноябре 2000 г. [Псянчин 2000], но наше общение с Эдхямом Рахимовичем продолжалось до самой его кончины. Последний наш разговор по телефону состоялся 4 июля 2004 г., в воскресенье, за неделю до его ухода из жизни. Я только после похорон осознал, каково ему было в его состоянии вести беседу со мной по телефону.

Эдхяма Рахимовича не стало 11 июля 2004 г. Получив сообщение по электронной почте, мы с одним из первых его башкирских учеников – членом-корреспондентом Академии наук Республики Башкортостан, тогда – ректором Уфимской государственной академии искусств им. З. Исмагилова Ишмухаметом Гильмутдиновичем Галяутдиновым (1948–2015) [Ишбердин 1996; Галяутдинов

Ишмухамет Гильметдинович] срочно вылетели в Москву на похороны. Прощание с Эдхямом Рахимовичем состоялось 13 июля в Московской соборной мечети и на Хованском кладбище. Похоронен Эдхям Рахимович был по мусульманским канонам рядом со своей мамой Аминой Алимовной Тенишевой (1892–1980).

Действительно, Эдхям Рахимович Тенишев прожил долгую и счастливую жизнь, пользовался заслуженным авторитетом в научном мире, был удостоен многих наград и званий. Но самое почетное и значимое звание ему было присвоено нами, его учениками. Для нас он всегда был нашим Вторым отцом. Не каждому научному руководителю удается достичь такого признания. Таких, как Эдхям Рахимович Тенишев, единицы, а в тюркологии – он единственный.

Вспоминается 2011 год, конец марта. Готовимся к большому юбилею – к 90-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева, впереди еще один месяц. Но работа над третьим томом «Избранных статей» Э.Р. Тенишева [Тенишев 2011] кипит вовсю: набираем тексты, сканируем, что-то восстанавливаем, работаем над рукописными, до этого еще нигде не печатавшимися статьями, редактируем… И буквально в эти дни встречаем академика РАН Р.И. Нигматулина (он тогда исполнял обязанности председателя Уфимского научного центра РАН. – *прим. Ю.П.*) и докладываем ему о результатах нашей работы. А он нам отвечает: «Эдгем Рахимович был солнечный человек! Таких личностей очень и очень мало на свете! И отношение к его памяти тоже должно быть соответствующим!» Через две недели третий том «Избранных статей Э.Р. Тенишева» [Тенишев 2011] увидел свет и был презентован 25 апреля на юбилейной конференции «Тенишевские чтения» в г. Москва, в Институте языкознания РАН. Но очень скоро он превратился в библиографическую редкость.

Для любого ученого выход каждой монографии, очередного тома коллективного труда – это большое событие! У меня сохранились его книги с автографами. Более того, я навсегда сохранил в памяти наши чаепития с липовым и гречишными сортами меда из Башкортостана. Ведь эти чайные церемонии на самом деле представляли собой мини-презентации его новых трудов в их квартире. Всю жизнь рядом с ним была его верная спутница и помощница, супруга Елена Александровна Тенишева (1927–2016), кандидат филологических наук, ведущий специалист по письмам Ф.М. Достоевского. Она в 2005 г. выпустила сборник «Эдгем Рахимович Тенишев: жизнь и творчество» [Тенишева 2005], посвященный памяти любимого супруга. Ее не стало 18 июля 2016 г.

Мы помним своего Учителя. Сегодня мы продолжаем работать над четвертым томом его избранных статей, куда войдут еще и его отдельные ежегодные научные отчеты, а также и воспоминания о нем его коллег и учеников.

Так получилось, что судьбой и Всевышним мне было предначертано только семь лет близкого общения с Учителем, но это были самые счастливые годы моей жизни!

Вечная память моему Великому Учителю!

Литература

Галяутдинов 1996 – *Галяутдинов И.Г.* Тенишев Эдхям Рахимович // Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Науч. изд. «Башкирская энциклопедия», 1996. – С. 564. {*I.G. Galyautdinov.*

Edhyam Rakhimovich Tenishev // Bashkortostan: a brief encyclopaedia. – Ufa: «Bashkir Encyclopaedia» scientific publishing house, 1996. – P. 564.}

Ишбердин 1996 – *Ишбердин Э.Ф.* Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович // Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Науч. изд. «Башк. энцикл.», 1996. – С. 222. {*E.F. Ishberdin.* Ishmukhamet Ghilmutdinovich Galyautdinov // Bashkortostan: a brief encycolpaedia. – Ufa: «Bashkir Encyclopaedia» scientific publishing house, 1996. – P. 222.}

Кормушин и др. 1990 – *Кормушин И.В., Напольнова Е.А., Каменева О.Н.* XV пленум Советского комитета тюркологов // Сов. тюркология. – 1990. – № 1. – С. 103–106. {*I.V. Kormushin, Ye.A. Napolnova, O.N. Kameneva.* The XVth Plenum of Soviet Committee of Turkologists // Soviet Turkology. – 1990. – No. 1. – PP. 103–106.}

Псянчин 2000 – *Псянчин Ю.В.* Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2000. – 57 с. {*Yu.V. Psyanchin.* Stylistics of inflectional categories of nouns of Bashkir modern literary language: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 2000. – 57 p.}

СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 1. Фонетика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 484 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Volume 1. Phonology / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 1984. – 484 p.}

СИГТЯ 1986 – *Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1986. – 285 с. {*N.Z. Gadzhiyeva, B.A. Serebrennikov.* Comparative and historical grammar of Turkic languages. Syntax / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 1986. – 285 p.}

СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 3. Морфология / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988. – 560 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Volume 3. Morphology / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 1988. – 560 p.}

Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова: сб. статей. – М.: Наука, 1976. – С. 230–232. {*E.R. Tenishev.* On supradialectal nature of language of Turkic runic monuments // Turcologica. Devoted to the 70th anniversary of Academician A.N. Kononov: a compendium of articles. – Moscow: Nauka, 1976. – PP. 230–232.}

Тенишев 1977 – *Тенишев Э.Р.* Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков: сб. статей. – М.: Наука, 1977. – С. 61–78. {*E.R. Tenishev.* Functional and stylistic peculiarities of Ancient Uighur literary language // Social and functional differentiation of literary languages: a compendium of articles. – Moscow: Nauka, 1977. – PP. 61–78.}

Тенишев 1979 – *Тенишев Э.Р.* Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // ВЯ. – 1979. – № 2. – С. 80–90. {*E.R. Tenishev.* Languages of Ancient and Middle-Turkic monuments in functional area // Issues of linguistics. – 1979. – No. 2. – PP. 80–90.}

Тенишев 1985 – *Тенишев Э.Р.* Система форм существования древнеуйгурского языка // Функциональная стратификация языка. – М.: Наука, 1985. – С. 192–201. {*E.R. Tenishev.* System of states of existence of the Ancient Uighur language // Functional stratification of language. – Moscow: Nauka, 1985. – PP. 192–201.}

Тенишев 1989 – *Тенишев Э.Р.* Советскому комитету тюркологов – 15 лет! // Советская тюркология. – 1989. – № 5. – С. 3–12. {*E.R. Tenishev.* 15 years of Soviet Committee of Turkologists! // Soviet Turkology. – 1989. – No. 5. – PP. 3–12.}

Тенишев 1996 – Тюркоязычных письменных памятников языки // Языки мира: тюркские языки. – М.: Индрик, 1996. – С. 35–46. {*E.R. Tenishev.* Languages of Turkic monuments of writing // Languages of the world: Turkic languages. – Moscow: Indrik, 1996. – PP. 35–46.}

Тенишев 2011 – *Тенишев Э.Р.* Избранные труды. Книга третья / Сост. Ю.В. Псянчин, Г.Г. Исхакова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 258 с. {*E.R. Tenishev.* Selected Works. Book 3 / Ed. by Yu.V. Psyanchin, G.G. Iskhakova. – Ufa: Institute for History, Language, and Literature, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 258 p.}

Тенишева 2005 – Эдгем Рахимович Тенишев: жизнь и творчество. / Сост. е.*А. Тенишева*. – М.: Инсан, 2005. – 128 с. {Edgem Rakhimovich Tenishev: life and works / Ed. by *E.A. Tenisheva*. – Moscow: Insan, 2005. – 128 p.}

Интернет-источники

Верхние Каргалы – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Верхние_Каргалы.

Галяутдинов Ишмухамет Гильметдинович – URL: http://bashenc.online/ru/articles/84355/Галяутдинов,_Ишмухамет Гильметдинович.

Еникеев Амирхан Нигметзянович – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Еникеев,_Амирхан_Нигметзянович.

Еники Амирхан – URL: http://bashenc.online/ru/articles/84775/Еники,_Амирхан.

Нигматулин Роберт Искандерович – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нигматулин,_Роберт_Искандерович.

Хамитов Эдуард Шайхуллович – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хамитов,_Эдуард_Шайхуллович.

He was like a father to us... (thinking back on E.R. Tenishev)

Yu.V. Psyanchin

Ufa

Yulai Valievich Psyanchin – Ph.D. in philology, professor, Federal State Budgetary Institution Bashkir Research Centre of Apiculture and Apitherapy, e-mail: yulayps@yandex.ru.

ВСТРЕЧА, ИЗМЕНИВШАЯ МОЮ СУДЬБУ

Ф.Г. Хисамитдинова
г. Уфа

Моя первая встреча с Эдгемом Рахимовичем произошла в 1974 г. в Институте языкознания на симпозиуме, посвященном памяти Н.К. Дмитриева. На этом форуме я – студентка IV курса Башгоспединститута – выступила с докладом «О сочетаниях *лт*, *нт*, *мт*, *рт* в диалектах башкирского языка». По-студенчески, до конца не поняв, перед какой аудиторией я сделала свое сообщение, с чувством исполненного долга я села на место. Поскольку мое выступление в первой половине дня было последним, председательствующий объявил перерыв на обед. Собрав свои бумаги, сумку, я тоже встала с места. Вдруг ко мне подошел председательствующий, поздоровался и заговорил: «*Исәнмесез! Мин Әдхәм Рәхимович Тенишев булам. Сез аспирантмы, әллә университет укытучысымы? Бик актуаль темага тотонгансыз. Минем остазым С.Е. Малов та бу тема белән кызыксына иде. Бу темада төрки халыкларынын тарихы. Сез тугры юлда. Сезгә артабан укырга кирәк. Институт бетергәч, безгә Мәскәүгә аспирантурага килегез. Сез укый алырсыз, тип уйлыйм*» ‘Здравствуйте. Я Эдгем Рахимович Тенишев. Вы аспирант или преподаватель университета? Вы взялись за очень актуальную тему. Мой учитель С.Е. Малов тоже интересовался этой темой. В этой теме – история тюркских народов. Вы на правильном пути. Вам надо дальше учиться. После окончания института приезжайте к нам в Москву в аспирантуру. Я думаю, что вы сможете учиться’. Вот так просто представился, поздоровался и несколькими одобряющими словами мне, сельской девочке, которая и слово «аспирантура» услышала не так давно, он практически поставил крылья и дал направление на всю жизнь. С той встречи прошло около пятидесяти лет. Но я до сих пор помню его добрый взгляд и эту встречу, изменившую мою судьбу.

Дальше было распределение. Маленькая деревянная школа в Белорецком районе, в котором иногда не было света и тепла. Зато в деревне была почта, которая, как это ни удивительно, доставляла письма, открытки из Москвы. Да, в это невозможно поверить, но письма от Учителя к ученику регулярно приходили. В них он рассказывал, как собирать материал, какую литературу читать, как готовиться к вступительным экзаменам в аспирантуру, как писать научные статьи... Параллельно Эдгем Рахимович занимался «выбиванием» мне и таким, как я, выходцам из тюркских республик мест в аспирантуре Института языкознания АН СССР. Я говорю «выбиванием», потому что так оно и было. В те годы, чтобы

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологический наук, профессор, член-корреспондент АН РБ, научный руководитель Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, e-mail: hisamitdinova@list.ru.

попасть в аспирантуру в Москву, необходимо было иметь обращения, ходатайства не только местных академических институтов в АН СССР, но и обкомов партий республик в ЦК КПСС. Удивительно, как успевал Эдгем Рахимович заниматься всем этим. Ведь он, кроме чисто научной работы, был заведующим сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР, председателем Комитета тюркологов СССР, членом нескольких диссертационных советов и т. д. Все это я поняла позже, когда стала его аспиранткой. Поскольку училась заочно, я снова по всем вопросам писала Эдгему Рахимовичу письма, отправляла на проверку свои тезисы, статьи, главы диссертации. И он, не жалея ни сил, ни времени, писал ответы на все мои письма. В них он радовался моим достижениям и успехам, печалился за мои неприятности и неудачи. Самое удивительное то, что Учителя волновала не только научная, но и вся остальная жизнь его ученика. Именно поэтому 22 октября 1978 г. он пишет: «Очень рад, что Вы единодушно приняты в штат Института. Поздравляю Вас и желаю новых успехов». А в январе 1984 г. писал: «Дорогая Фирдаус! Елена Александровна и я горячо поздравляем Вас с присуждением на Ученом совете Института ученого звания старшего научного сотрудника. Это вы полностью заслужили и свои успехи будете и дальше развивать. Хорошо бы включить в план издания Института Вашу диссертационную работу и издать ее книгой. Работать вы умеете и, главное, любите научную работу. Теперь надо укрепить здоровье. Полтора-два года вернут Вам силы: читать, заниматься Вы сможете и в этот период. Надо только не утомляться. Держитесь, будьте стойкой!» Последние пожелания Эдгема Рахимовича связаны с тем, что в те годы я сломала позвоночник и, узнав об этом, мой Учитель, как родной отец, беспокоился о моем здоровье и давал советы. Более 40 таких писем и сегодня хранится в моем доме. А сколько заботливых слов хранится в моем сердце, мой Учитель! Так трепетно относился Эдгем Рахимович к каждому своему аспиранту, ученику и коллеге. А между тем Э.Р. Тенишев был крупнейшим тюркологом, членом-корреспондентом РАН, как уже говорилось выше, заведующим сектором в Институте языкознания, председателем Комитета тюркологов, действительным членом Международной информационной академии, заслуженным деятелем науки Татарстана, почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан, почетным членом Турецкого лингвистического общества, членом-корреспондентом финно-угорского общества, доктором филологических наук, профессором.

Родился Э.Р. Тенишев 24 апреля 1921 г. в г. Пенза в семье потомственных интеллигентов. После окончания средней школы он под влиянием любимого учителя математики поступил в Московский институт инженеров транспорта. Однако началась война, студент Э.Р. Тенишев в составе военно-строительных отрядов был отправлен для рытья окопов. После войны Э.Р. Тенишев едет в г. Ленинград и поступает на Восточный факультет Ленинградского университета. Там он становится учеником таких известных корифеев востоковедения как С.Е. Малов, И.Ю. Крачковский, В.И. Беляев, В.В. Струве, И.А. Орбели, А.А. Фрейман, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов. Первую свою научную работу как тюрколог Э.Р. Тенишев написал еще студентом под руководством С.Е. Малова, который определил и дальнейшее научное направление Э.Р. Тенишева, рекомендовав его в аспирантуру и предложив ему тему для кандидатской диссертации по языку

древнеуйгурского письменного памятника «Алтун йарук» («Золотой блеск»). В 1953 г. блестяще защитив кандидатскую диссертацию, Э.Р. Тенишев стал работать на кафедре тюркских языков родного Восточного факультета. В 1953 г. Э.Р. Тенишев был приглашен Н.К. Дмитриевым в Москву в Институт языкознания, где он работал до конца своей жизни. В 1956–1959 гг. Э.Р. Тенишев по приглашению АН Китая и поручению АН СССР работал в Китае. Цель поездки была такова: исследование тюркских языков КНР, создание или усовершенствование их письменности, повышение квалификации национальных кадров. В годы работы в Китае он объехал Синьцзян, где изучал уйгуров; провинцию Цинхай, где собирал материалы по языку истории и духовной культуре саларов; провинции Ланчжоу и Сучжоу, где изучал желтых уйгуров (сарыг-югуров). После своего учителя С.Е. Малова Э.Р. Тенишев были единственным тюркологом, который сумел собрать и зафиксировать материалы по языку и этнографии одной из ветвей древних уйгуров – сарыг-югуров. Полевые материалы по сарыг-югурам для тюркологии особенно ценны сегодня, когда часть желтых уйгуров, к сожалению, утратила тюркский язык.

В 1963 г. Э.Р. Тенишев был избран заведующим сектором тюркских и монгольских языков. В секторе в то время работали выдающие ученые Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, Ф.Г. Исхаков, позднее Л.А. Покровская, Н.З. Гаджиева, А.А. Юлдашев, К.М. Мусаев, Г.Ф. Благова, Л.С. Левитская, Е.А. Поцелуевский, Ф.В. Алешин, А.А. Коклянова, Г.Ц. Пюрбеев и др. Эдгем Рахимович кроме своей научной деятельности, руководил аспирантами, консультировал ученых из регионов, принимал участие в международных и всесоюзных тюркологических форумах, организовывал научные конференции, симпозиумы по актуальным проблемам тюркологии, монголоведения, востоковедения.

В 1973 г. был создан Комитет тюркологов, который в 1986 г. после смерти одного из своих учителей А.Н. Кононова возглавил Э.Р. Тенишев. Как и А.Н. Кононов, Э.Р. Тенишев в эти годы сделал очень много для консолидации тюркологов не только России и Советского Союза, но и всего мира. Комитет тюркологов проводил выездные заседания в тюркоязычных регионах, республиках, организовывал семинары и конференции, что способствовало бурному росту тюркологической науки в СССР, позднее России. Именно в те годы были подготовлены фундаментальные работы по грамматикам и диалектологии большинства тюркских языков, изданы толковые, этимологические и двуязычные словари, составлены диалектологические атласы, написаны истории литературных тюркских языков, были опубликованы с комментариями памятники письменности, разработана концепция сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Одним из результатов этой работы стал коллективный труд «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», который был подготовлен под научным руководством Э.Р. Тенишева и вышел в свет в 6 томах в 1984–2006 гг. В этих книгах представлен один из первых в мировой тюркологии опыт реконструкции всех языковых уровней – фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, а также восстановление исторических периодов развития отдельных групп тюркских языков – кыпчакской, огузской, карлукской, сибирской. Такой подход позволяет уточнить и более раннюю ступень реконструкции – пратюркское языковое состояние. В заключительном томе реконструирована картина пратюркского

Э.Т. Тенишев с башкирскими коллегами. Уфа, 1990-е годы.

языкового состояния, включая древнейшие представления тюрок в рамках их «языковой картины мира». Э.Р. Тенишев был не только научным руководителем данного проекта, но и непосредственным его участником, написавшим многие разделы в указанных книгах. Таким образом, благодаря титаническому труду Э.Р. Тенишева, тюркология располагает пока единственной целостной законченной моделью реконструкции пратюркского состояния, на базе которой можно работать дальше в направлении развития сравнительных исследований.

Э.Р. Тенишев, как уже говорилось выше, был крупным специалистом по истории литературных языков. Изучение письменных памятников, истории тюркских языков дало возможность Э.Р. Тенишеву сформулировать следующее требование: необходимо различать историю литературного и историю общенародного языка. Это необходимо, поскольку нередко тюркологи пренебрегали этими требованиями и интерпретировали факты письменного памятника как отражение отдельных синхронных явлений конкретного живого языка, а также приписывали письменный памятник (такое предпочтение обычно отдавалось орхонским памятникам) достоянию только одного народа. Э.Р. Тенишев также настаивал на важности стилистической дифференциации письменных текстов, поскольку введение этого социолингвистического параметра позволяет более точно представить историческое развитие литературных языков в рамках тюркских государственных образований. Как известно, дифференцированный подход к изучению истории тюркских литературных языков разрабатывал А.Н. Самойлович, однако позднее его идеи не были востребованы в тюркологии. Работы Э.Р. Тенишева возродили это направление в изучении литературных языков тюркских народов и

способствовали более полному раскрытию особенностей формирования литературных стилей в разные исторические периоды.

Э.Р. Тенишев внес большой вклад и в фольклористику. Во-первых, он издал фольклорные тексты саларов, желтых уйгуров, крымчаков. Во-вторых, в качестве главного редактора он способствовал выходу киргизского эпоса «Манас». В целом, Э.Р. Тенишев был настоящим ученым-энциклопедистом. Библиография Э.Р. Тенишева обширна: она насчитывает около 300 названий.

Его научные заслуги признаны не только тюркологами. Он был избран членом-корреспондентом Финно-угорского общества, в течение многих лет он работал в редакции Лингвистического атласа Европы. Э.Р. Тенишев возглавлял ряд общественных фондов и организаций, которые были связаны с сохранением и развитием культуры тюркоязычных народов.

За годы своей научно-педагогической деятельности он подготовил более 20 докторов наук и 30 кандидатов наук, поэтому его учеников можно встретить во многих университетах и институтах тюркоязычных республик России и СНГ. Только для Башкортостана Э.Р. Тенишев подготовил 8 докторов наук, которые, продолжая традиции своего учителя, вели, а более молодые и сейчас ведут исследования по широкому кругу проблем тюркологии, готовят аспирантов, проводят научные форумы, чтобы быть достойными продолжателями своего Учителя.

Литература

Дыбо 2001 – *Дыбо А.В.* Член-корреспондент РАН Э.Р. Тенишев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 3. – С. 67–69. {*A.V. Dybo.* Associate member of the Russian Academy of Sciences E.R. Tenishev // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series. – 2001. – Vol. 60. – No. 3. – PP. 67–69.}

Тенишев 2006, 2011 – *Тенишев Э.Р.* Избранные труды. В 3 т. Книга первая. – Уфа, 2006; Книга вторая. – Уфа, 2006; Книга третья. – Уфа, 2011. {*E.R. Tenishev.* Selected works. In 3 volumes. Book 1. – Ufa, 2006; Book 2. – Ufa, 2006; Book 3. – Ufa, 2011.}

Тенишев 2011 – *Тенишев Э.Р.* Воспоминания тюрколога // Избранные труды. Книга третья. – Уфа, 2011. – С. 5–12. {*E.R. Tenishev.* Memoirs of a turkologist // Selected works. Book 3. – Ufa, 2011. – PP. 5–12.}

Тенишева 2005 – *Тенишева Е.А.* Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921–2004. – М., 2005. – 128 с. {*E.A. Tenisheva.* Edgem Rakhimovich Tenishev. Life and works. 1921–2004. – Moscow, 2005. – 128 p.}

Хисамитдинова 2010 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Учитель-устаз // Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. III. – Уфа, 2010. – С. 123–128. {*F.G. Khisamitdinova.* Teacher-Ustaz // Bashkortostan in the XXth century. The historical portraits. Part 3. – Ufa, 2010. – PP. 123–128.}

Acquaintance that changed my destiny

F.G. Khisamitdinova

Ufa

Firdaus Ghilmitdinovna Khisamitdinova – Ph.D. in philology, professor, associate member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, scientific advisor of Badge of Honour Federal State Budgetary Institution of Science Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, e-mail: hisamitdinova@list.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

МОЙ УЧИТЕЛЬ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

З.Н. Экба
г. Москва

Немало написано о научных достижениях выдающегося отечественного ученого, патриарха отечественной тюркологии Эдгема Рахимовича Тенишева. Мне же хотелось поделиться своими воспоминаниями о личностных качествах этого прекрасного человека. Теперь, когда его давно уже нет среди нас, я чувствую необходимость вспомнить о нем как о незаурядной личности, чья повседневная жизнь была неизменно высоконравственна.

Я благодарна судьбе, которая свела меня с моим будущим научным руководителем в самом начале моего творческого пути. Шел 1995 год. По окончании университета, как и все выпускники, я стояла перед выбором: куда двигаться дальше? Тогда, в середине девяностых, выпускниц филологического факультета – молодых, образованных, знающих иностранные языки девушек – охотно принимали на работу одна за другой открывающиеся иностранные фирмы. В то же время интерес к научной работе, который успел привить мне мой отец, и в частности, к тюркологии, возникший у меня еще во время студенчества, подталкивал меня двигаться именно в этом направлении, но до тех пор это были только попытки самообучения. Тогда мой мудрый отец, Экба Назир Бекмурзович, доктор педагогических наук, профессор и академик, всю свою жизнь посвятивший науке, сказал: «Все эти фирмы сегодня есть, а завтра их нет. А наука будет всегда». С этими словами он взял меня за руку и привел в Институт языкознания. До этого момента он не был лично знаком с Эдгемом Рахимовичем, но хорошо знал другого ученого – кавказоведа, доктора филологических наук Амина Кабцуевича Шагирова, которого и попросил организовать нашу встречу. Отдел кавказских языков тогда размещался в одном помещении с Отделом урало-алтайских языков, условной границей между ними были книжные шкафы. Помню, как узнав все регалии ученого, с которым мы должны были встретиться, я долго не могла собраться духом, чтобы осмелиться пойти на эту встречу. Но когда я увидела доброе, приветливое лицо Эдгема Рахимовича, его лучезарную улыбку, все мои страхи рассеялись. Без преувеличения могу сказать, что личность этого человека настолько покорила меня, что в тот момент решилась моя профессиональная судьба: у меня больше не было сомнений, чем мне дальше заниматься – настолько тепло и радушно он нас принял. Просто удивительно, что так многого достигший в жизни человек был таким простым и доступным, легким и позитивным в общении.

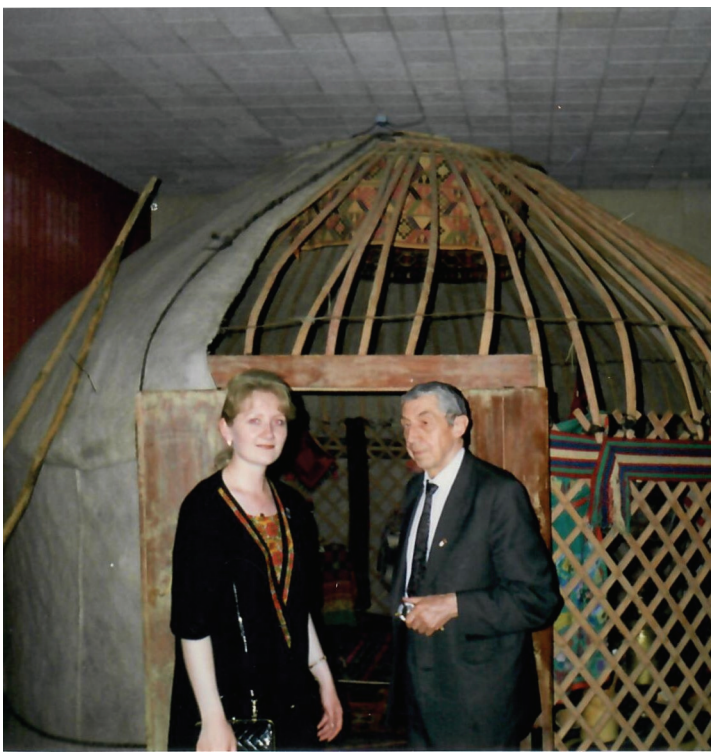
Экба Зарема Назировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, e-mail: zaremaekba@iling-ran.ru.

Чем дольше я с ним общалась, тем больше понимала, насколько мне повезло. Имя этого ученого было широко известно в научных кругах, работать под его руководством – уже большая честь. К нему всегда тянулись люди, каждый рядом с ним чувствовал себя комфортно и уютно. Его непринужденная, интеллигентная манера общения подкупала: он умел как-то незаметно поднять человека до себя, вселить в него уверенность в своих силах. Каждому из его подопечных был предоставлен шанс утвердить доброе имя своего Учителя и открыть для других свое, нужно было лишь постараться достойно проявить себя, а поддержка с его стороны находилась всегда и для всех.

В день нашей первой встречи Эдгем Рахимович, пролистав мою дипломную работу на тему «Арабо-персидские заимствования в башкирском языке», улыбнулся: «Так это же практически готовая кандидатская диссертация, ее только чуть подработать и можно выходить на защиту!» Но все было не так просто. Я закончила русское отделение филфака МГУ им. М.В. Ломоносова, и такую работу мне позволили написать на кафедре сравнительно-исторического языкознания в качестве исключения, приняв во внимание мой интерес к тюркологии и знание башкирского языка. Тем не менее, базовой тюркологической подготовки у меня не было, а впереди предстоял вступительный, а затем и кандидатский экзамен по специальности «тюркология». И здесь Эдгем Рахимович мгновенно нашел выход из положения – он предложил самолично заняться со мной подготовкой к экзаменам. С определенной периодичностью я стала приезжать к нему на занятия, мы вместе читали и разбирали памятники древнетюркской письменности, фактически он объяснял мне азы тюркологии, не зная которых, невозможно было двигаться дальше. Затем он давал мне домашние задания, в следующий раз скрупулезно их проверял, а кроме того, предоставлял мне свои книги и журналы, чтобы я не тратила время на их поиски. До сих пор я безмерно благодарна Эдгему Рахимовичу, что несмотря на свою колоссальную занятость, он посчитал нужным тратить свое драгоценное время на эти наши занятия. Вскоре я благополучно справилась с экзаменами, а спустя год с небольшим досрочно защитилась. Во всех организационных вопросах, связанных с защитой, большую помощь и поддержку мне тогда оказал Алий Ахматович Чеченов, доктор филологических наук, который в те годы был одним из ведущих сотрудников этого отдела, безграничная благодарность к которому живет во мне и теперь. По счастливому совпадению защита моя состоялась 22 апреля 1997 г., в день 70-летнего юбилея моего отца. Это стало для него лучшим подарком.

Вскоре после этого, в июне 1997 г., в г. Уфа состоялся Международный конгресс тюркологов. Эдгем Рахимович настоял, чтобы я поехала в составе делегации нашего института. Я тогда впервые оказалась на таком масштабном научном мероприятии, в кругу известных ученых, фамилии которых я знала только по их трудам. Эдгем Рахимович настойчиво водил меня на все мероприятия, на которые был приглашен сам, представлял меня как молодого кандидата наук, более того, каждый раз просил предоставить мне слово для выступления. Я, воспитанная отцом в традициях Кавказа, где женщине лишний раз не полагается и рта раскрывать, в особенности в присутствии старших по возрасту и положению, очень смущалась. Лишь годы спустя я поняла, что мой Учитель, зная мой стеснительный характер, хотел таким образом ввести меня в круг ученых и научить свободно чувствовать себя в нем. Но для этого понадобятся еще долгие и долгие годы…

Международный конгресс тюркологов. Уфа, Зеленая Роща, июнь 1997 г.



Посещение Музея этнографии в рамках конгресса. Уфа, июнь 1997 г.

В сентябре того же года Эдгем Рахимович принял меня сотрудником в свой отдел, в котором я работаю по сей день. Дальше было несколько лет работы под его руководством, когда он дружелюбно и последовательно помогал мне адаптироваться в новом коллективе и вникать в рабочие дела и проекты. В те годы в отделе работали как уже именитые ученые, так и только начинающие свой путь в науке, было много людей из регионов, которые приезжали на стажировку, в докторантуру или даже ради одной консультации. И для всех Эдгем Рахимович находил время, терпеливо выслушивал и отвечал на вопросы, в общении был неизменно доброжелателен и в высшей степени интеллигентен. Думаю, таким он остался в памяти всех, кто его знал.

Но особенно хорошо мне запомнилась последняя встреча с ним. Был канун нового, 2004 года. Мы с моей коллегой и близкой подругой Розой Тадиновой, зная, что Эдгем Рахимович тяжело болен, решили навестить его дома. Спросив разрешения у супруги Елены Александровны и прихватив нехитрые гостинцы, приехали к ним в квартиру. Несмотря на свое состояние, Эдгем Рахимович встретил нас на пороге, как всегда подтянутый, аккуратно одетый и свежевыбритый. Трудно представить, сколько сил, наверное, стоило ему так выглядеть в его состоянии. Елена Александровна традиционно накрыла на стол и пригласила к чаю. В углу комнаты стояла небольшая нарядная елка – приятно было наблюдать, как хозяева старались поддерживать теплую, радостную атмосферу в доме. Тем долгим зимним вечером он рассказывал нам о своей жизни, наполненной трудами и впечатлениями, делился воспоминаниями, давал советы и наставления. Мы тогда только делали первые шаги в большой науке – нас как молодых специалистов приняли в авторский коллектив 6-го тома «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», для которой мы должны были разработать тему «Лексика духовной культуры». Именно Эдгем Рахимович задал нам исследовательское направление, говорил о том, что мы должны обязательно расти и развиваться в научном плане, что возлагает на нас большие надежды… Где-то в глубине души пришло осознание, что таким образом он с нами прощался. Мы хотели как-то поддержать нашего Учителя теплыми словами, выразив надежду, что он еще долго будет с нами, и мы сможем под его руководством осуществить те планы, о которых он нам говорил. Тогда он улыбнулся и ответил: «Думаю, что даже при всей своей щедрости Всевышний не может дать больше, чем положено». В этих словах заключалась величайшая мудрость этого прекрасного человека. Он, конечно же, понимал, что земной его путь подходит к концу, но в его словах не было трагизма, а лицо озаряла улыбка – он уходил из жизни так же достойно, как и прожил ее. Спустя полгода его не стало…

Наш Учитель обладал удивительной щедростью души – умел дарить радость общения и создавать атмосферу какой-то особой доверительности и теплоты. Его отличала высокая культура исследователя, увлеченность своим делом, широкая эрудиция не только в лингвистике, но и во многих других смежных дисциплинах и областях знаний. Этому у него учились многочисленные ученики и коллеги. Он обладал даром вселять в человека надежду, учил верить в свои силы и идти к своей цели.

Если это правда, что учитель продолжает жить в своих учениках, то Эдгему Рахимовичу обеспечено бессмертие. Пока мы живем, мы будем помнить об этом светлом человеке.

MY TEACHER: TOUCHES TO THE PORTRAIT

Z.N. Ekba
Moscow

Zarema Nazirovna Ekba – Ph.D. in philology, Department of Uralic and Altaic Languages of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: zaremaekba@iling-ran.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ХРОНИКИ

♦ ♦ ♦

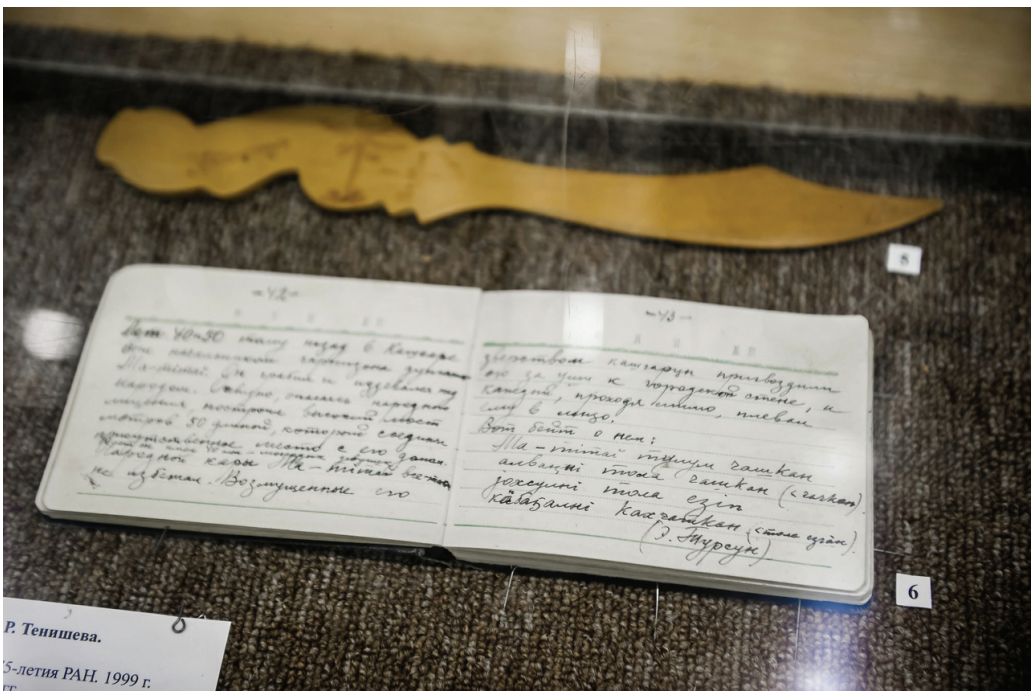
ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫКИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Э.Р. ТЕНИШЕВА» (ПЕНЗА, 21–23 АПРЕЛЯ 2021 Г.)

21–23 апреля этого, 2021 г. в г. Пенза состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева» в рамках проекта «Первая Международная научно-практическая конференция “Пензенский регион: история и культура”, посвященная 100-летию со дня рождения Эдхяма Рахимовича Тенишева». Как известно, г. Пенза является родиной крупнейшего советского и российского тюрколога XX – начала XXI вв., члена-корреспондента АН СССР и РАН, заведующего Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН в 1963–2004 гг., председателя Национального комитета тюркологов Российской Федерации при Отделении литературы и языка РАН в 1986–2004 гг., действительного члена РАЕН, заслуженного деятеля науки Башкортостана, Татарстана, Калмыкии, почетного академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора филологических наук, профессора Эдхяма (Эдгема) Рахимовича Тенишева (1921–2004).

Организаторами конференции выступили Правительство Пензенской области, Всемирный конгресс татар, Федеральная национально-культурная автономия татар, Региональная общественная организация «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области», Региональная общественная организация «Общество татарских краеведов» Республики Татарстан, Региональная общественная организация краеведов Пензенской области, Пензенский государственный университет, Пензенский государственный аграрный университет.

Проведение форума во всероссийском масштабе стало возможным благодаря грантовой поддержке Правительства Пензенской области и поддержке Всемирного конгресса татар и Федеральной национально-культурной автономии татар.

Гостеприимная встреча на Пензенской земле



Экспозиция личных вещей Э.Р. Тенишева

К началу данного мероприятия был издан сборник статей по материалам конференции[1], участники которой внесли весомый вклад в ее работу как в очном, так и заочном форматах.

Работа конференции получила широкое освещение в средствах массовой информации[2].

Сама конференция прошла на базе одного из ведущих культурно-просветительских заведений Сурского края – Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. В фойе первого этажа библиотеки была организована выставка научных трудов Э.Р. Тенишева, на которой особое место занимали книги с автографами юбиляра. Другое ведущее культурно-просветительское учреждение Сурского края – Пензенский областной краеведческий музей представил большую экспозицию, посвященную Э.Р. Тенишеву, состоящую из родословной рода Тенишевых, больших стендов с фотографиями и его личных вещей. Все это вызвало неподдельный интерес у участников и гостей конференции из более чем 13 регионов Российской Федерации: Татарстана, Башкортостана, Мордовии, Марий Эл, Пензенской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Кемеровской, Саратовской и Самарской областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга.

Торжественная церемония открытия конференции началась с просмотра фильма о жизни, научной и общественной деятельности Эдхяма (Эдгема) Рахимовича Тенишева «Пенза Эдгема Тенишева. К 100-летию со дня рождения», подготовленного директором ГТРК «Пенза» О.В. Чубарь.

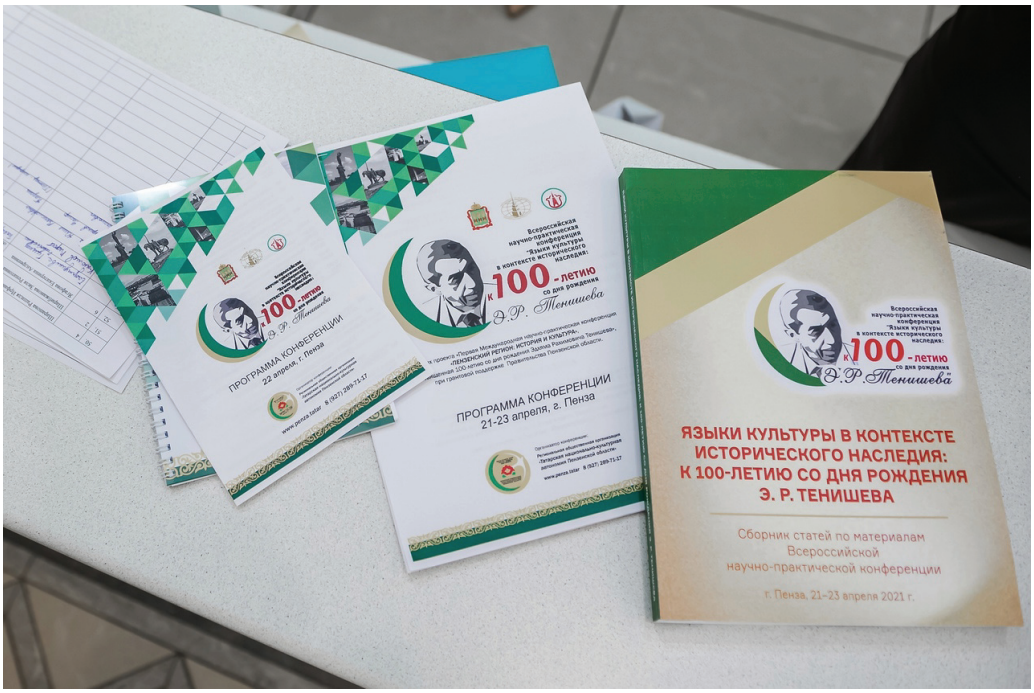
Далее с приветственным словом к гостям и участникам конференции обратились почетные гости: врио губернатора Пензенской области О.В. Мельниченко, председатель Законодательного Собрания Пензенской области В.К. Лидин, руководитель Исполкома Всемирного конгресса татар и сопредседатель оргкомитета конференции Д.Ф. Шакиров, дочь Э.Р. Тенишева – историк-этнограф Айша Эдгемовна Тенишева, председатель РОО «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области» и председатель Оргкомитета конференции Ж.З. Туктаров.

По программе на пленарном заседании конференции было запланировано пять докладов.

---

[1] Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 21–23 апреля 2021 г.) / под ред. Ж.З. Туктарова, В.Ф. Мухамеджановой, Г.Х. Самочкиной. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. – 376 с.

[2] Врио губернатора открыл Всероссийскую научно-практическую конференцию, посвященную 100-летию Эдгема Тенишева – URL: https://pnzreg.ru/news/society/307132/ (дата обращения: 22.06.2021); В Пензе прошла всероссийская конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Эдгема Тенишева – URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/249543581/_(дата обращения: 22.06.2021); «Отец тюркологии»: в Пензе прошла конференция к 100-летию татарского ученого Эдгема Тенишева – URL: https://sntat.ru/news/politics/06-05-2021/otets-tyurkologii-v-penze-proshla-konferentsiya-k-100- letiyu-tatarskogo-uchenogo-edgema-tenisheva-5822240/ (дата обращения: 22.06.2021); В Пензе стартовала конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева – URL: https://www.penza-press.ru/lenta-novostey/184201/v-penze-startovala-konferenciya-posvyacshennaya-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-tenisheva / (дата обращения: 22.06.2021).



Печатная продукция конференции

Фотоэкспозиция, посвященная Э.Р. Тенишеву

Первым выступил доктор филологических наук, профессор, ученый секретарь – начальник Отдела научно-технической информации ГБУ Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан Ю.В. Псянчин (г. Уфа, Россия) с докладом на тему: «Он был для нас вторым отцом (вспоминая Э.Р. Тенишева)». Докладчик охарактеризовал своего учителя как истинного педагога-просветителя и большую толерантную личность, а также как человека глубокой внутренней культуры.

Далее свой доклад на тему: «О тюркском компоненте в русской государственности и русском сознании (очерк и оценка евразийского воззрения)» представил доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Пензенского государственного университета П.А. Гагаев. Ему удалось обобщить идеи евразийцев (например, Петра Савицкого и его коллег) о тюркской составляющей в русской государственности и русском сознании, выделить черты архетипа русских и тюрок.

Начальник Комитета по работе с татарскими краеведами Исполкома Всемирного конгресса татар, Председатель региональной общественной организации «Общество татарских краеведов» Республики Татарстан, кандидат исторических наук, профессор А.А. Бурханов в своем докладе «Изучение истории регионов и населенных пунктов – основная задача ученых-регионоведов и краеведов» обозначил направления и задачи изучения уникальных объектов природы и памятников историко-культурного наследия в рамках подготовки истории татарских сел и деревень на примере Окско-Сурского междуречья и сопредельных территорий исторически компактного проживания татар в Волго-Уралье.

Директор Института непрерывного образования Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Г.Н. Белорыбкин озвучил свой доклад на тему: «Особенности этнокультурного развития народов Пензенского края», в котором охарактеризовал истоки формирования этносов, проживающих в настоящее время на территории этого региона России. Пленарная часть конференции завершилась дискуссией по сделанным здесь докладам.

Далее работа конференции была продолжена в формате проведения семи секционных заседаний и двух мастер-классов.

Участники и гости форума приняли участие в работе следующих секций: 1) «Жизнь и деятельность профессора Э.Р. Тенишева – выдающегося советского и татарского тюрколога, татарского общественного деятеля» (Руководитель секции – доктор филологических наук, профессор Псянчин Юлай Валиевич, г. Уфа, Башкортостан); 2) «Философия и психология тюркского мира» (Руководитель секции – Гагаев Павел Александрович, г. Пенза); 3) «Выдающиеся татарские деятели науки, культуры, истории Поволжья» (Руководитель секции – Мавлюдов Ильдар Наильевич, г. Пенза); 4) «Преподавание родного языка и родной литературы в вузе и в школе» (Руководитель секции – Канакина Галина Ивановна, г. Пенза); 5) «Этногенез народов Поволжья» (Руководитель секции – Белорыбкин Геннадий Николаевич, г. Пенза); 6) «Тюркские, славянские и финно-угорские народы в историческом измерении» (Руководитель секции – Первушкин Владимир Иванович, г. Пенза); 7) «Татарское краеведение Окско-Сурского междуречья» (Руководитель секции – Бурханов Альберт Ахметжанович, г. Казань).

Выступление А.Э. Тенишевой

Тематическое оформление холла

В рамках конференции были проведены два мастер-класса: 1) «Роль краеведческих изданий Пензенской области в воспитании патриотизма и толерантности у молодого поколения»; 2) «Изучение жизни и деятельности выдающихся земляков (на примере Э.Р. Тенишева)».

После выступления участников конференции и завершения дискуссий по докладам руководители подвели итоги работы секций и мастер-классов. 22 апреля 2021 г. участниками Всероссийской научно-практической конференции «Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева» единогласно была принята следующая **Резолюция**:

«Участники состоявшейся 21–23 апреля 2021 г. в городе Пензе Всероссийской научно-практической конференции “Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева”, организованной в рамках проведения Года духовного и культурного наследия в Пензенской области, Года родных языков и народного единства в Республике Татарстан, Года науки и технологии в Российской Федерации, Года единства татарского народа (объявлен Национальным Советом Всемирного конгресса татар), проводимого Оргкомитетом и Региональной общественной организацией «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области» при поддержке Всемирного конгресса татар, Правительства Пензенской области, Региональной общественной организации “Общество татарских краеведов” РТ, Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, Пензенского государственного университета и Пензенского государственного аграрного университета и при участии ведущих ученых, специалистов, краеведов, работников образования и культуры, представителей общественности, средств массовой информации Пензенской области, Республики Татарстан и сопредельных территорий Поволжья и других регионов Российской Федерации, отмечают, что данное научное мероприятие является важным событием в деле дальнейшего исследования истории населенных пунктов Пензенской области, жизни и деятельности выдающихся земляков, совершенствования процесса изучения, сохранения, благоустройства и практического использования уникальных объектов природы и памятников историко-культурного наследия в Пензенской области, Поволжья и других регионах РФ в целях развития регионального этнотуризма и воспитания молодого поколения в любви к родному краю.

Конференция посвящена 100-летию со дня рождения уроженца Пензенской земли, выдающегося сына татарского народа, крупнейшего советского и российского ученого – лингвиста-тюрколога и монголоведа, организатора советской и российской тюркологической школы, председателя Российского комитета тюркологов, заведующего Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, главного редактора журнала “Советская тюркология” и многотомного издания “Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков”, члена-корреспондента АН СССР, действительного члена Международной информационной академии, почетного члена Турецкого лингвистического общества и Академии наук РБ, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, доктора филологических наук, профессора Эдгема Рахимовича Тенишева (25.04.1921, г. Пенза – 11.07.2004, г. Москва).

Участники конференции на фоне фотоэкспозиции

Фотоэкспозиция, посвященная Э.Р. Тенишеву

Целью настоящей конференции является объединение усилий известных ученых и специалистов, краеведов-исследователей и учителей, работников культуры и музеев, общественных деятелей и активистов национально-культурных объединений, представителей органов власти и средств массовой информации Пензенской области и других регионов РФ вокруг практической и планомерной деятельности по изучению жизни, научной и организаторской деятельности и богатого наследия уроженца г. Пензы, выдающегося ученого-тюрколога и организатора тюркологической школы в СССР и РФ, татарского общественного деятеля, профессора Э.Р. Тенишева и других выдающихся деятелей-уроженцев Пензенского края и сопредельных регионов Поволжья, исследованию истории и современного состояния тюркских языков, роли тюркского мира и его культуры в историческом развитии народов Евразии, вопросов этногенеза и взаимодействия народов Поволжья, вопросов преподавания родного языка и литературы в учебных заведениях, а также современного состояния развития татарского краеведения в регионах Окско-Сурского междуречья.

В работе конференции принимают участие более 200 представителей научных и краеведческих сообществ, представители национально-культурных объединений, средств массовой информации и государственных структур, прибывших из нижеследующих регионов РФ: Татарстана, Башкортостана, Мордовии, Марий Эл, Пензенской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Кемеровской, Саратовской и Самарской областей, городов Москвы, Санкт-Петербурга и др.

В ходе проведения пленарного и 7 секционных заседаний, тематических мастер-классов и презентаций книг и родословных были заслушаны и обсуждены около 100 докладов и сообщений участников и приглашенных.

Участники конференции отмечают, что Оргкомитет и Национально-культурная автономия татар Пензенской области при поддержке организаций-партнеров провели огромную работу по подготовке научно-практической конференции “Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева”, **увековечиванию памяти** и изучению научного и творческого наследия выдающегося земляка, ученого-тюрколога, члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора Э.Р. Тенишева. В частности, Оргкомитетом поднят вопрос и **о присвоении имени Э.Р. Тенишева одной из улиц г. Пензы**, установления мемориальной доски на здании, где учился Эдгем Рахимович, намечены пути решения по восстановлению памятника регионального значения – усадьбы Тенишевых, подготовлен фильм о жизни и деятельности выдающегося земляка-ученого; подготовлены новая версия родословной Э.Р. Тенишева и баннер с родословной Тенишевых, организована выставка, посвященная жизни и деятельности Э.Р. Тенишева и его родных и близких.

Считаем, что начатая успешно работа по увековечиванию памяти и изучению наследия знаменитого земляка будет иметь широкое будущее и будет продолжена в учебных заведениях и сельских населенных пунктах Пензенской области, других городах и регионах РФ.

Важным и современным подарком Оргкомитета форума для земляков-жителей Пензенской области и гостям региона является издание к началу конференции сборника материалов докладов и статей участников, что является значимым моментом в изучении жизни, деятельности и научного наследия Э.Р. Тенишева.

Выступление Ю.В. Псянчина

Участники конференции перед зданием библиотеки им. М.Ю.Лермонтова

Также здесь важна активная позиция и реальная совместная деятельность Региональной национально-культурной автономии татар Пензенской области, ученых, краеведов и общественных деятелей, которые вносят большой вклад в дело развития татаро-мусульманской культуры и дружбы между татарами и другими народами региона, проводя совместные различные социально значимые и национально-культурные мероприятия.

Пензенский край является родиной известных деятелей народов России, здесь жили и творили выдающиеся политические и общественные деятели, ученые, писатели, художники и др. С Пензенской землей связаны имена А.Н. Радищева, Ф.И. Буслаева, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, В.О. Ключевского, А.И. Куприна и других выдающихся российских деятелей.

Важное место в общественной и культурной жизни региона сыграли и представители татарского народа, в частности, братья Муса и Загир Бигеевы, Хади Такташ, Шариф Камал, Габдрахман Абсалямов, Карим Тинчурин, Адель Кутуй, Гафур Кулахметов, Муса Акжигитов и многие другие.

Особое место в истории и культуре края занимает имя уроженца Пензенской области, известного советского, российского и татарского ученого-тюрколога, члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора Эдгема Рахимовича Тенишева (1921–2004), 100-летие со дня рождения которого сегодня отмечаем вместе с вами – его земляками-жителями Пензенской области и участниками конференции.

Важнейшим вкладом в изучение жизни Э.Р. Тенишева и его научного творчества является сегодняшняя Всероссийская научно-практическая конференция и издание материалов форума в виде сборника.

В целях дальнейшего изучения, сохранения, благоустройства, использования объектов историко-культурного наследия в рамках изучения и написания истории населенных пунктов, развития регионального этнотуризма, определения перспективных направлений содействия и развития национальных традиций, обычаев и духовной культуры татарского и других народов Окско-Сурского историко-культурного региона и Пензенского края, изучения жизни, деятельности и творческого наследия выдающихся земляков участники Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения уроженца Пензенской земли, профессора Э.Р. Тенишева, в г. Пензе, опираясь на основные положения и предложения, высказанные в докладах, сообщениях и выступлениях, предлагают **нижеследующие решения**:

1. Признать деятельность Оргкомитета и Рабочей группы по подготовке и проведению Всероссийской научно-практической конференции “Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева” эффективной и успешной.

2. Одобрить деятельность Оргкомитета конференции, Национально-культурной автономии татар Пензенской области и органов власти г. Пензы и Пензенской области по проведению ряда мероприятий по изучению жизни, научной и общественной деятельности, увековечиванию памяти и распространению наследия уроженца г. Пензы, выдающегося сына татарского народа, известного советского и российского ученого-тюрколога, члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора Э.Р. Тенишева (1921–2004).

3. Обратиться к органам власти, научным центрам, учебным заведениям и общественным организациям Пензенской области, Татарстана, городов Москвы и Санкт-Петербурга и других регионов РФ и тюркоязычных стран о продолжении работы в направлении изучения научного наследия и увековечивания памяти выдающегося ученого-тюрколога и общественного деятеля Э.Р. Тенишева.

4. Объявить настоящий форум Первой научно-практической конференцией, посвященной памяти Э.Р. Тенишева (Первыми Тенишевскими чтениями), и обратиться к заинтересованным сторонам по вопросу о его (форума) проведении регулярно каждые 5 лет (2–3 года) в г. Пензе, Казани, Москве, Санкт-Петербурге и других городах РФ.

5. Начать работу по подготовке и проведению ежегодной Межрегиональной научно-практической, историко-краеведческой конференции по проблемам изучения истории татарских населенных пунктов Окско-Сурского бассейна и Пензенской области на базе сельских районов и школ региона с учетом проблем региональной истории с участием ученых-регионоведов, краеведов, учителей, студентов и учащихся школ и вузов под эгидой НКАТ Пензенской области, Исполкома ВКТ и Общества татарских краеведов, Региональной общественной организации общества краеведов Пензенской области и других заинтересованных сторон.

6. Подготовить и издать при поддержке ВКТ и спонсоров сборник научных и краеведческих статей «Татарское краеведение в Окско-Сурском междуречье» (отв. редактор-составитель – А.А. Бурханов).

7. Продолжить дальнейшую работу по изучению истории татарских населенных пунктов, жизни и деятельности выдающихся татарских деятелей-уроженцев Пензенского края и сопредельных регионов Окско-Сурского междуречья.

8. От имени Оргкомитета и участников конференции, посвященной 100-летию Э.Р. Тенишева, обратиться ко всем ученым, краеведам и общественным деятелям о проявлении активной жизненной позиции в деле претворения в жизнь долгосрочной программы “Татары: стратегия действия” в ходе проведения Всероссийской переписи населения РФ, участия в мероприятиях в рамках Года духовного и культурного наследия в Пензенской области, Года родных языков и народного единства в Республике Татарстан, Года науки и технологии в Российской Федерации, Года единства татарского народа (объявлен Национальным Советом Всемирного конгресса татар).

9. По завершении ремонта здания по адресу: г. Пенза, ул. Московская 74, установить памятную доску Э.Р. Тенишеву (по данному адресу ранее располагалась школа, в которой учился наш великий земляк). Соответствующее обращение направлено в Администрацию г. Пензы.

10. Назвать одну из улиц г. Пенза (г. Спутник) именем Э.Р. Тенишева. Официальное обращение направлено на имя губернатора Пензенской области и главы администрации Пензенского района.

11. Принять меры по восстановлению памятника регионального значения – усадьбы Тенишевых. Подготовить соответствующее обращение на имя губернатора Пензенской области и главы администрации Пензенского района.

12. Организовать в краеведческом музее постоянную экспозицию, посвященную Э.Р. Тенишеву. Ответственные – министерство культуры и туризма Пензенской области.

13. Участники и гости конференции выражают благодарность членам Оргкомитета (председатель – Ж.З. Туктаров), РОО «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области», Всемирному конгрессу татар, руководителям г. Пенза и Пензенской области, активистам краеведческих структур Пензенской области и Республики Татарстан, а также всем участникам и приглашенным на конференцию – ученым и специалистам, краеведам-исследователям, общественным деятелям, представителям СМИ за выступления с докладами и сообщениями в ходе секционных и пленарного заседаний, мастер-классов и презентаций, за теплый прием в г. Пензе и Пензенской области».

Председатель РОО «ТНКА Пензенской области» Ж.З. Туктаров официально объявил конференцию закрытой. Далее участников и гостей конференции порадовали большой концертной программой с участием лучших творческих коллективов Пензенской области.

Завершилась концертная программа официального закрытия конференции исполнением неофициального гимна татарского народа – песни «Туган тел» на слова великого поэта всего тюркского мира Габдуллы Тукая (1886–1913).

На следующий день, 23 апреля, была запланирована большая культурная программа: все участники конференции посетили Государственный Лермонтовский музей-заповедник Тарханы и поклонились могиле великого русского поэта М.Ю. Лермонтова (1814–1841).

Хотелось бы выразить большую благодарность Председателю региональной общественной организация «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области» Туктарову Жиганше Зейнятулловичу, депутату Пензенской городской думы за четкую организацию работы конференции. Все мероприятия прошли на самом высоком уровне!

Псянчин Юлай Валиевич
доктор филологических наук, профессор, ученый секретарь
ГБУ Башкирский научно-исследовательский центр
по пчеловодству и апитерапии,
e-mail: yulayps@yandex.ru

Мухамеджанова Винера Фатиховна
кандидат психологических наук, доцент
кафедры государственного управления и социологии региона
Пензенского государственного университета, заместитель Председателя
РОО «Национально-культурная автономия татар Пензенской области»,
e-mail: penzatatar@yandex.ru

Самочкина Гульназ Хуснулловна
учитель истории и обществознания МБОУ СОШ им. С.А. Суркова
Пензенского района Пензенской области,
e-mail: gulnaz.abdullina.1975@mail.ru

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "LANGUAGES OF CULTURE IN THE CONTEXT OF HISTORICAL HERITAGE: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF E.R. TENISHEV" (PENZA, 2021, APRIL 21–23)

Yulay Valiyevich Psyanchin – Bashkir Research Center for beekeeping and apitherapy Ministry of Agriculture of the Republic of Bashkortostan; e-mail: yulayps@yandex.ru;
Vinera Fatikhovna Mukhamedzhanova – Candidate of Psychological Science, Docent of Public Administration and Regional Sociology Chair of Penza State University, Vice-Chairman of Regional Public Organization National and Cultural Autonomy of Tatars of Penza Region; e-mail: penzatatar@yandex.ru;
Gulnaz Khusnullovna Samochkina – History and Sociology Teacher at Municipal Budgetary Educational Establishment S.A. Surkov Secondary School of Penza District of the Penza Region; e-mail: gulnaz.abdullina.1975@mail.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ПРОТОКОЛ
Годичного собрания Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, совмещенного с всероссийской научной онлайн-конференцией с международным участием[1] «Тенишевские чтения-14», посвященной 100-летию со дня рождения д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН Эдгема Рахимовича Тенишева, 20 мая 2021 г.

Организаторы: Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН (г. Москва), Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН (г. Москва).

Оргкомитет конференции: *Кормушин И.В.* – председатель оргкомитета, *Дыбо А.В.* – зам. председателя оргкомитета, *Экба З.Н.*, *Шеймович А.В.* – секретари.

Присутствовали: **члены бюро РКТ:** *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН (г. Москва), д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – заместитель председателя РКТ, Институт языкознания РАН (г. Москва), д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН (г. Москва), к.ф.н.; **члены РКТ:** *Алишина Х.Ч.* – Тюменский гос. университет (г. Тюмень), д.ф.н., проф.; *Гусейнов Г.-А. А.-К.* – Дагестанский гос. университет (г. Махачкала), д.ф.н., проф.; *Дьячковский Ф.Н.* – ИГИиПМНС СО РАН (г. Якутск), к.ф.н.; *Есипова А.В.* - Томский гос. университет (г. Томск), д.ф.н.; *Кызласов И.Л.* – Институт археологии РАН (г. Москва), д.и.н., проф.; *Мудрак О.А.* – ИЯз РАН (г. Москва), д.ф.н., проф.; *Невская И.А.* – Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск) / Франкфуртский университет (г. Франкфурт-на-Майне, Германия), д.ф.н., проф.; *Озонова А.А.* – ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск), к.ф.н.; *Псянчин Ю.В.* – ГБУ Баш. НИЦ по пчеловодству и апитерапии (г. Уфа), д.ф.н., проф.; *Уртегешев Н.С.* – ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск), к.ф.н.; *Шенцова И.В.* – ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск), д.ф.н.; **сотрудники ИЯз РАН, региональных институтов и приглашенные участники:** *Арбачакова Л.Н.* – ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск), к.ф.н.; *Дубровина М.Э.* – СПбГУ (г. Санкт-Петербург), к.ф.н., доцент; *Глашев А.А.* – глав. ред. журнала «Вопросы тюркологии», аспирант РГАИС (г. Москва); *Караоол Л.С.* – Тувинский гос. университет (г. Кызыл), к.ф.н.; *Кочакаева З.К.* – ИЯз РАН (г. Москва), к.ф.н.; *Мальцева В.С.* – ИЯз РАН (г. Москва); *Напольнова Е.М.* –

[1] Запись конференции доступна по ссылке: https://us02web.zoom.us/rec/share/Q37F4b_haAgET4wGFLbAFw30AOYjLlBOjcy5m78397Txqwy5AfcRvg6cw5lrVhT.2Vm5koyxmO54d5si

ИСАА МГУ (г. Москва), к.ф.н.; *Норманская Ю.В.* – ИЯз РАН (г. Москва), д.ф.н.; *Сахатова Г.С.* – Университет Кипра (г. Никосия), д.ф.н.; *Сибагатов Ф.Ш.* – ГБУК Нац. Библиотека им. З. Валиди (г. Уфа); *Шаров А.В.* – ИЯз РАН (г. Москва); *Черкунова А.* – ИЯз РАН (г. Москва); *Шеймович А.В.* – ИЯз РАН (г. Москва).

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

Пленарное заседание
«Вклад Э.Р. Тенишева в тюркское языкознание»

Кормушин Игорь Валентинович (д.ф.н., проф., г.н.с. Отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН, г. Москва). Взгляды Э.Р. Тенишева на историю древних литературных тюркских языков.

Алишина Ханиса Чавдатовна (д.ф.н., проф., директор Центра тюркологии ТюмГУ, г. Тюмень). Значение работы Э.Р. Тенишева «История тюркских письменных литературных языков донациональной поры».

Касым Балкия Касымкызы (д.ф.н., проф. Казахского национального педагогического университета имени Абая, г. Алматы, Казахстан). Э.Р. Тенишев о семантике и структуре глагольного слова в тюркских языках.

Дубровина Маргарита Эмильевна (к.ф.н., доцент Кафедры тюркской филологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург). Труд Э.Р. Тенишева «Строй саларского языка» и его значение для изучения тюркских языков.

Дыбо Анна Владимировна (д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН, зав. Отделом урало-алтайских языков ИЯз РАН, г. Москва). Региональные реконструкции: 20 лет спустя.

Актуальные проблемы современного тюркского языкознания

I. Руника и письменные памятники

Вавулин Михаил Анатольевич (н.с. Томского гос. Университета, г. Томск), *Невская Ирина Анатольевна* (д.ф.н., г.н.с. Института филологии СО РАН, г. Новосибирск; ассоциированный профессор Франкфуртского университета, г. Франкфурт-на-Майне, Германия),

Тыбыкова Лариса Николаевна (с.н.с. Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск). Уточнение прочтений надписей Туекта 2 и Туекта 3 по данным трехмерной фиксации.

Глашев Ахмат Алабиевич (гл. ред. журнала «Вопросы тюркологии», аспирант РГАИС, г. Москва). К критике переводов Codex Cumanicus.

Кызласов Игорь Леонидович (д.ф.н., в.н.с. Института археологии РАН, г. Москва). Енисейские рунические надписи Восточного Туркестана.

Мудрак Олег Алексеевич (д.ф.н., проф., г.н.с. Института языкознания РАН, г. Москва). Проблема средневековых кыпчакских памятников. Кодекс Куманикус.

Норманская Юлия Викторовна (д.ф.н., в.н.с. Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, г. Москва). Первые кириллические книги на тюрк-

ских языках и их значение для морфологической реконструкции (на примере аффикса *-lar*).

II. Тюркская лексикология

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (д.ф.н. проф. ДГУ, г. Махачкала). Кизлярский говор терского диалекта кумыкского языка: лексические особенности в ареальном и историческом контексте.

Дьячковский Федор Николаевич (к.ф.н., в.н.с. ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск). Семантические особенности фразеологических единиц с цветообозначающими компонентами *үрүҥ* и *маҥан* ‘белый’ в якутском языке.

Кара-оол Любовь Салчаковна (к.ф.н., доцент, зав. кафедрой теории и методики языкового образования и логопедии Кызылского педагогического института им. А.А. Даржая ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл). Лексика традиционных свадебных обрядов в тувинском языке.

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович (д.ф.н., проф., зав. кафедрой карачаево-балкарской филологии КБГУ им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик), *Ахматова Мариям Ахматовна* (к.ф.н., доцент кафедры карачаево-балкарской филологии КБГУ им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик). Микротопонимы Чегемского ущелья Кабардино-Балкарской Республики.

Молчанова Елена Константиновна (д.ф.н., зав. сектором иранских языков ИЯз РАН, г. Москва), *Черкунова Александра* (лаборант-исследователь сектора иранских языков ИЯз РАН, г. Москва). Тюркизмы в иранских и русском языках.

Напольнова Елена Марковна (к.ф.н., старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ, с.н.с. ИСП РАН, г. Москва). Лексемы *iç* и *içeri* в турецком языке.

Псянчин Юлай Валиевич (д.ф.н., проф., ученый секретарь ГБУ Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии, г. Уфа). Лексика коневодства в башкирском языке: история изучения, современное состояние и перспективы.

Шенцова Ирина Витальевна (д.ф.н., г.н.с. ИФЛ СОРАН, г. Новосибирск). Концепт «клятва» в шорском языке.

III. Фонетика и грамматика тюркских языков

Есипова Алиса Васильевна (д.ф.н., лаборатория лингвистической антропологии Томского гос. университета, г. Томск). Конверсия в тюркских языках. История вопроса. Концепция А.М. Щербака.

Сахатова Гюльшен Сахатовна (д.ф.н., ассистент проф., Университет Кипра, г. Никосия, Кипр). *Eken* в туркменском языке: модальное слово или модальная частица?

Уртегешев Николай Сергеевич (к.ф.н., в.н.с. ЛЭФИ им. В.М. Наделяева Института филологии СО РАН, г. Новосибирск). И снова о тувинских фарингализованных гласных.

Шаров Александр Владимирович (аспирант ИЯз РАН, г. Москва). Возможность реконструкции общевенгерского редуцированного гласного среднего ряда на материале тюркизмов с так называемыми *беглыми е* и *о*.

IV. Фольклористика и литературоведение

Керимова Раузат Абдуллаховна (к.ф.н., н.с. сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований, филиала ФГБУН Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик). Специфика форм новейшей карачаево-балкарской поэзии.

Мальцева Вера Сергеевна (м.н.с. ИЯз РАН, г. Москва). Шорские тексты, собранные Н.Ф. Катановым в с. Усть-Есь.

Набиуллина Гульнур Мирзаевна (к.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа). Религиозные особенности эпоса «Алдар и Зухра».

Невская Ирина Анатольевна (д.ф.н., г.н.с. Института филологии СО РАН, г. Новосибирск; ассоциированный профессор Франкфуртского университета, г. Франкфурт-на-Майне, Германия),

Арбачакова Любовь Никитовна (к.ф.н., с.н.с. Института филологии СО РАН, г. Новосибирск). О некоторых особенностях самозаписи эпоса сказителем и фонозаписи (на примере шорских героических сказаний).

Сибагатов Флюр Шарифуллович (к.ф.н., доцент, ГБУК Национальная библиотека им. А.З. Валиди РБ, г. Уфа). Башкирская литература начала XX в. и творчество Мажита Гафури в контексте восточных культурных традиций.

Постановили:

1. Посвятить №№1–2 (г. 30–31) 2021 г. журнала «Российская тюркология» 100-летию со дня рождения д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишева.

2. Посвятить №№3–4 (г. 32–33) 2021 г. журнала «Российская тюркология» 90-летию со дня рождения д.ф.н., проф., академика АН Казахстана К.М. Мусаева.

Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ, к.ф.н. Экба З.Н.

ANNUAL GATHERING OF THE RUSSIAN COMMITTEE OF TURCOLOGISTS, UNITED WITH THE SCIENTIFIC CONFERENCE “TENISHEV READINGS-14”, DEVOTED TO THE 100TH ANNIVERSARY OF E.R. TENISHEV (MOSCOW, 2021, MAY 25)

Zarema Nazirovna Ekba – Ph.D. in philology, Department of Uralic and Altaic Languages of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: zaremaekba@iling-ran.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

♦ ♦ ♦

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННЫХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Л.С. Кара-оол
г. Кызыл

Резюме: В данной статье автор попытался более детально проанализировать слова, связанные с традиционной свадебной обрядностью тувинцев с привлечением этнографических материалов, выявлены диалектные особенности, связанные с употреблением данной лексики носителями центрального (ЦД), юго-восточного (Ю-ВД), северо-восточного (С-ВД), западного (ЗД) диалектов и трех зарубежных говоров тувинского языка – ховдинского, цэнгэльского и цагаан-нуурского. Рассматриваемая лексика включает в себя как общетюркские слова, так и слова и словосочетания, заимствованные из других (монгольского, китайского и тибетского) языков. Работа написана на основе материалов, собранных автором во время диалектологических и комплексных экспедиций, а также отобранных из используемой литературы и из работ рукописного фонда Тувинского института гуманитарных, прикладных и социально-экономических исследований (ТИГПИ).

Ключевые слова: свадьба, свадебные обряды, тувинский язык, диалект, говор, словосочетание, лексическое значение, древнетюркский, общетюркский, заимствование, монголизм.

Вводные замечания

Тувинская свадьба – значительное событие не только для молодых, вступающих в брак, но и для всего рода жениха и невесты, которые роднятся со всеми родственниками по восходящей и нисходящей линии – явный отголосок «большой» семьи [Кара-оол 2008: 452].

История изучения традиционных свадебных обрядов в тувиноведении и этнографии рассмотрено нами в статьях, посвященных лексике традиционных предсвадебных [Кара-оол 2015: 17–31] и послесвадебных обрядов в тувинском языке [Кара-оол 2020: 169–179].

В данной статье мы анализируем лексику традиционных свадебных обрядов ‘*куда ёзулалының лексиказы*’ на основе полевых материалов, собранных во время

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ, № 19-012-00073.

Кара-оол Любовь Салчаковна – кандидат филологических наук, доцент Тувинского государственного университета, г. Кызыл, e-mail*:* lkaraool61@mail.ru.

диалектологических и комплексных экспедиций по ареальным зонам тувинского языка (1994–2016 гг.). К описанию привлечены также материалы из рукописного фонда ТИГПИ и из использованной литературы.

КУДА ЁЗУЛАЛЫ ‘свадебный церемониал или обряд’, букв. «обряд сватовства»:

куда ‘свадьба’, ‘сватовство’, ‘сват, сваха’, ‘сватья’ ‘свойственники как мужского, так женского пола’ [ТувРС 1968: 261; ТСТувЯ II: 213], **куда* ‘сват’, ‘семьи, сватающие девушек друг у друга’, ‘сватовство’, ‘сват, обращение взрослых мужчин друг другу’, монголизм [ЭСТЯ V: 102], ср. однако возражения [Садыков 1983: 35; ЭСТувЯ III: 255–256; Кара-оол 2006: 130–132]. В эрзинском (Ю-ВД) и улуг-хемском (ЦД) говорах зафиксирована лексема *кудагай*, ‘сватья’ [Кара-оол 2006: 130], ср. в др. ТЯ [Покровская 1961: 73; СИГТЯ 2001: 310]. Основа *куда* активно входит в состав родственных слов *куда-баар* ‘сваты’, *куда-дой* ‘свадьба’, *куда ёзулалы* ‘свадебный церемониал’, *кудажы* ‘тот, кто приходит сватать, сват’, *кудагай* разг. ‘сватушка сват’, *кудала-* ‘сватать’, *кудалаашкын* ‘сватанье, сватовство’, *кудалажыр* ‘свататься’ и собирательно-репрезентативной формы *кудашкылар* ‘родители одного из супругов по отношению к родителям другого, сваты’ [ТувРС 1968: 261; Кара-оол 2006: 130, 133];

ёзулалы ‘обряд [ее, его]’ [йоъзулалы][2] *ёзулал* ‘салют’, ‘этикет, церемония’, ‘торжество, парад’ [ТувРС 1968: 198], ‘отдача чести по-военному’, ‘совершение какого-л. обряда, следование традиции’, ‘торжество, праздник’ [ТСТувЯ I: 573], дериват *ёзула-* ‘отдавать честь’, ‘соблюдать этикет’ от *ёзу* ‘обряд’, ‘обычай’, ‘традиция’, ‘порядок’ и под., монголизм [ЭСТувЯ II: 334], монголизм, см. монг. *ёслол* ‘обряд, ритуал, церемония’, ‘этикет, обрядность’, ‘процедура’, ‘протокол’, ‘торжество, парад’, ‘праздник, празднество’ [БАМРС II: 145], *ёс (он)* ‘общепринятые правила’, ‘обычаи’, ‘нравы’, ‘традиция’, ‘обряд’ и под. [БАМРС II: 142].

Лексика традиционных свадебных обрядов тувинцев исследуется через описания этнографического своеобразия обрядов, которые состоят из нескольких этапов (обрядов):

– *куда хүнүн айтырар* ‘разузнать день свадьбы’;
– *өг-пажын алыр* ‘приезд за юртой невестки’;
– *келин алыр* ‘приезд за невесткой в день свадьбы’;
– *буза истээр* / *буга дилээр* ‘приезд гонца невестки’;
– *уткулга* ‘встреча кортежа невестки’;
– *көжеге ажыдар* ‘открывание занавеса’;
– *куда* ‘свадьба’.

Итак, в основной части статьи перейдем к анализу лексики каждого из этих обрядов.

[2] В словах специфический фарингализованный гласный при транскрипции обозначается знаком «ъ»: при артикуляции этого звука «мускулы в стенках глотки, в том числе и мускулы корня языка, сближаются, отделяя собой нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем объем нижнего глоточного резонатора» [Кунаа 1957: 23].

Лексико-семантические, этимологические и структурные особенности лексики традиционных свадебных обрядов

I. Первое событие, завязывающее сюжет традиционного свадебного обряда тувинцев – ***КУДА ХҮНҮН АЙТЫРАР*** ‘разузнать день свадьбы’ [Кара-оол 2008: 453], букв. «спрашивать день свадьбы»: *куда* ‘свадьба’ см. выше;

хүнүн: *хүн* ‘солнце’, ‘день’ [ТувРС 1968: 497], ОТю, восходящее к ПТю *gün ‘солнце’, ‘день’ [ДТС 1969: 326; СИГТЯ 2001: 64–66];

айтырар / *айтыр-* / *ай (ы)т-* ‘спрашивать’, уст. ‘спрашивать у родителей невесты согласия на брак’ [ТувРС 1968: 48], ‘просить что-либо’ [ТСТувЯ I: 90] от ОТю *айт-* ‘говорить’ [ЭСТЯ I: 111–112], предположительно от aj- ‘говорить’: предполагается, что тув. *ай (ы)т-* ‘наставлять’, ‘учить’ заимствован из древнеуйгурского языка [ЭСТувЯ I: 81].

Кроме основного словосочетания *куда хүнүн айтырар* в тувинском языке зафиксированы следующие выражения, передающие значение рассматриваемого понятия:

1) *айын, хүнүн айтырар* [Кенин-Лопсан 1994: 28] ‘спросить месяц и день [ее, т. е. свадьбы]’, букв. «спрашивать о месяце, дне (свадьбы)»:

айын ~ ай ‘луна’, ‘месяц’ [ТувРС 1968: 46], ОТю восходящее к ПТю **a:j* ‘луна’, ‘месяц’ [ДТС 1969: 25; ЭСТЯ I: 98–99; ЭСТувЯ I: 76]; *хүнүн айтырар* см. выше.

2) *куда хүнүн чугаалажыр* [Донгак 2012: 13] ‘разговаривать [друг с другом] о дне свадьбы’, букв. «разговаривать о дне свадьбы» и *куда хүнүн дугуржур* (Ц–Н) [ПМА 2015] ‘договариваться [друг с другом] о дне свадьбы’, букв. «договариваться о дне свадьбы»:

чугаалажыр от *чугаала-* ‘сказать’, ‘говорить’ [ТувРС 1968: 544], монголизм, см. монг. *зугаалах* ‘беседовать, разговаривать’ [БАМРС II: 233]; *дугур-ж-ур* [туъгуржур][3] / *дугур-уш-* ‘договариваться, уславливаться’; ‘составить единое мнение, добиваться согласия (о чем-л.) между собой’; ‘решать что-л. согласованно’ [ТувРС 1968: 181; ТСТувЯ I: 505], может быть сопоставлено ДТю *токуруш-*, хотя у него непосредственных соответствий в др. ТЯ не прослеживается [ЭСТувЯ II: 257–268], *toγruš ‘спорить’, ‘тягяться’ [ДТС 1969: 571];

3) *шайлалга болурун дугуржур* (Эрз. Ю-ВД) [ПМА 1999], букв. «договориться о наступлении свадьбы»:

шайлалга ‘свадьба’ (Пий-Х ЦД), (Эрз Ю-ВД) [ПМА 1994, 1999] имя, производное от *шайла* ‘чаевничать’ [ТувРС 1968: 564], дериват *шай* китайское заимствование посредством монгольского, см. монг. *цайлах* ‘пить чай, чаевничать’, ‘устраивать завтрак или ужин в честь кого-л.’ и *цай* ‘чай’ [БАМРС IV: 246 – 247];

болурун / *болур* ‘быть, становиться чем-, кем-л.’, ‘проходить, происходить, делаться’, ‘наступать, начинаться’ [ТСТувЯ I: 278–279], ОТю, см. *болур* / *бол-* ‘быть, являться’, ‘становиться, делаться’, ‘случаться, происходить’, ‘наставать, наступать’ [ЭСТЯ II: 185–188; ЭСТувЯ I: 241];

[3] Несоответствие буквы «д» и звука [т] или буквы «б» и звука [п] в начале слова объясняется тем, что в анлауте слова слабая фонема произносится «с весьма слабым озвончением», т. е. реализуется как ненапряженный непридыхательный глухой или полузвонкий аллофон [СИГТЯ 2002: 624]. В рассматриваемом слове также есть специфический фарингализованный гласный [уъ] [Кунаа 1957: 23].

В зарубежных говорах тувинского языка, а именно в ховдинском и цэнгэльском (Монголия) зафиксированы следующие устойчивые словосочетания, соответствующие понятию ‘определение дня свадьбы’:

1) *эки хүнүн көргүзер* (Ховд) [Серен 2000: 27; ПМА 1999] букв. «показать хороший день», ср. *хүн көргүзүп* (ЗД) [Потапов 1969, 249] букв. «день показывая»:

эки [экки] ‘хороший / хорошо’, ‘лучший, лучше’, ‘добрый’ [ТувРС 1968: 609], ОТю, тув. *эки* сравнивали с монг. edege- ‘исцелять’, ‘делать здоровым’, см. *ейи* с основным значением ‘хороший’ [ЭСТЯ I: 245–247];

хүн ‘солнце’, ‘день’, ОТю [ДТС 1969: 326; СИГТЯ 2001: 64-66], см. выше;

көргүзер / *көргүс-* ‘показывать’, ‘проявлять, обнаруживать’ [ТувРС 1968: 259], ‘давать возможность увидеть, показывать’, ‘свидетельствовать, говорить, приводить к какому-л. выводу’, ‘давать возможность убедиться в чем-л., верить во что-л.’ [ТСТувЯ II: 203], ОТю, см. *көр~гөр-* ‘смотреть’, ‘глядеть’ [ЭСТЯ III: 77–79; ЭСТувЯ III: 246–248];

2) *хуусаа каап бээр* (Ховд) [ПМА 2002], букв. «дать срок (для кого-н.)»:

хуусаа ‘срок’, ‘время’ [ТувРС 1968: 495], монголизм, см. монг. *хугацаа(н)* ‘срок’, ‘стаж’ [БАМРС IV:158];

каап / *каар* / *каг-* ‘оставлять, покидать’; ‘класть, положить’ [ТувРС 19868: 213], ОТю, тув. *каг-* связано с др.-тюрк. *ка-* ‘складывать, класть вместе, по порядку’ [ЭСТЯ V: 229; ЭСТувЯ III: 30];

бээр / *бер-* ‘давать, выдавать’, ‘подавать’, ОТю, **ber-* *прям.* и *перен.* ‘давать, вручать’, ‘даровать’ [ДТС 1968: 95], см. *бе:р-* ‘давать’ [ЭСТЯ II: 114; ЭСТувЯ I: 214], как вспом. гл. указывает на действие совершаемое для другого лица [ТувРС 1968: 132];

3) *аъттаныр хүн* ‘день отъезда [невесты]’ (Ховд) [Уламсуренгийн 2003: 142], букв. «день отправления (в путь)»:

аъттаныр / *аъттан-* ‘садиться верхом (на лощадь)’, *перен.* ‘снаряжаться’, ‘отправляться (в путь)’ [ТувРС 1968: 79; ТСТувЯ I: 186], дериват *аът* ‘мерин’, ‘лошадь, конь’, *шахм.* ‘конь’ [ТувРС 1968: 79; ТСТувЯ I: 185], ОТю, см. *ат* ‘мерин’, ‘лошадь, конь’ [ЭСТЯ I: 197; ЭСТувЯ I: 159];

4) *чиңгин ёзулал* (Цнг) [Серен 2006: 53] букв. «главный обряд»:

чиңгин ~ чиңгине [чиъңгинэ] ‘настоящий, подлинный’, ‘исконный’, ‘генеральный, главный’ [ТувРС 1968: 535], монголизм, см. монг. *жинхэнэ* ‘настоящий, натуральный, естественный’, ‘природный’, ‘действительный, подлинный, аутентичный’, ‘искренний, душевный’, ‘реальный’, ‘полноценный’ ‘собственный’, ‘живой’ [БАМРС II: 177];

Краткое описание обряда: В день определения дня свадьбы родители жениха приезжали к сватам, а те обычно приглашали ламу или шамана для уточнения дня свадьбы – наиболее благоприятного дня ‘*өлчейлиг хүн*’ для молодоженов, учитывая знаки судьбы ‘*меңги*’ молодых. А иногда они обращались гадальщику по обожженной лопатке ‘*чарынчы*’ или гадальщику на камешках ‘*төлгечи*’. Они подсказывали, в какое время дня невесте выехать из *аала* родителей, цэнгэльские тувинцы говорят ‘*үе-шагын таартып үнер*’ [Серен 2006: 55; ПМА 2002], в какую сторону направить свадебный кортеж перед выездом из территории *аала*, где останавливаться и т. д. [Потапов 1969: 249; Кенин-Лопсан 1994: 28].

Анализ слов, использованных при описании обряда:

меңги I. ‘ледник, вечный снег’ [ТувРС 1968: 293]; II. в астрологии ‘знак судьбы’ [ТСТувЯ II: 344]; в буддизме ‘счастливая судьба человека’, ‘знак, метка с рождения’ [Серенот 2010: 62]; в буддизме ‘пророчество судьбы человека с рождения, цвета *меңги*, его цифры (1–9) предзнаменуют что-то в отношении человека’ [Чап 1999: 31].

Система *менги* охватывает собой «цикл из девяти лет, каждому из которых соответствовало определенное количество цветных «родимых пятен». Счет годов внутри цикла велся не по нарастающей, а по убывающей (от девяти до одного): девять красных, восемь белых, семь красных, шесть белых, пять желтых, четыре зеленых, три синих, два черных, один белый [Жуковская 2002: 117].

В тюркских языках *беңги* / *меңги* имеют как атрибутивные, так и субстанциональные значения: ‘радость’, ‘счастье’, ‘вечность’, ‘бесконечность’, ‘вечный снег, ледник’, древнее общетюркское заимствование из среднекитайского, см. *manko*, а оттуда – в монгольский [ЭСТЯ II: 114]. Б.И. Татаринцев тув. *меңги* считает тюркским и монгольскую форму считает вторичной по отношению к тюркской [ЭСТувЯ IV: 106–109];

аал ‘аал, селение’, ‘усадьба, двор’, ‘дом / домашний’ [ТувРС 1968: 27]; ‘селение, состоящее из одной или нескольких юрт и помещений для скота’, ‘деревня, хутор’, ‘отдельные юрты (юрта), семьи’ [ТСТувЯ I: 36], ОТю, см. *а:ғыл* ‘селение’, ‘дом’ и под. [ЭСТЯ I: 83; ЭСТувЯ I: 35];

II. *ӨГ-ПАЖЫН АЛЫР* – ‘приезд за юртой невестки’ [Потапов 1969: 250], букв. «взять юрту, чугунную чашу»:

өг-пажын: ОТю *өг* ‘юрта’, см. выше; *пажын* ‘чугунная чаша [ее, его]’ от *паш* [п'аш][4] ‘чугунная чаша’ [ТувРС 1968: 345], ср. тоф. *паш* ‘охотничий котелок, котел для варки пиши’, ‘суп’, ‘варево’ [Рассадин 1971: 215], хак. *пааш* ‘котел’ [РСл: 1200], ОТю. Б.И. Татаринцев предположил, что тув. *паш* восходит к **бакач* генетически единым с тюрк. *бакыр* ‘медь’, ср. тур. диал. *boki* ‘медный ковш, котелок; ведро, кастрюля’, с.-югур. *пагача* ‘ведро; сосуд’ [ЭСТувЯ IV: 431];

алыр / *ал-* ‘принимать’ ‘покупать; выхватить; использовать; водиться (с ребенком); брать в жены’ [ТувРС 1968: 56; ТСТувЯ I: 119], ОТю, **al-* ‘брать’, ‘взять’, ‘получать’ и под. [ЭСТЯ I: 127–128; ЭСТувЯ I: 87].

Краткое описание обряда: А.П. Потапов зафиксировал данный обряд, свидетельствующий о сохранении пережитков матрилокального брака, при котором муж поселялся в юрту жены, у западных тувинцев (Монгун-Тайга, Кара-Хол) [Потапов 1969: 265].

За три дня до свадьбы родственники жениха приезжали к родителям невестки за юртой ‘*өг-пажын алыр*’, чтобы установить ее в селении жениха ко дню свадьбы. Принимали гостей в установленной юрте невестки, снабженной необходимой обстановкой и утварью. После чаепития, юрту разбирали и вьючивали с котлом для варки. А внутренняя обстановка и другие имущества, а также *өреге* юрты оставались: невестка должна была привести их в день свадьбы.

[4] В анлауте слова сильная фонема произносится глухо и с относительно сильным придыханием [СИГТЯ 2002: 624].

Өреге ‘войлочное покрывало дымохода юрты / верхнего отверстия юрты’, ‘двор, отдельная юрта, семья как самостоятельная хозяйственная единица’ [ТувРС 1968: 339; ТСТувЯ II: 522], монголизм, см. *өрх (өн)* I ‘четырехугольная кошма, прикрывающая дымовое отверстие (дымник) юрты; покрывало дымника’ и *өрх* II ‘дом, двор, семейство, очаг’ [БАМРС III: 44].

III. *КЕЛИН АЛЫР* (лит., Цнг) [ТСТувЯ II: 114; Серен 2006: 54] – приезд за невесткой в день свадьбы, букв. «взять невестку», фразеосочетание:

келин встречается во всех тюркских языках, относится к основному словарному фонду, этимологизируется на тюркской почве, как имя на *-н* от глагола *кел* ‘приходить’ [ЭСТЯ III: 17; СИГТЯ 2001: 302; Кара-оол 2006: 126], *алыр* см. выше.

В других говорах тувинского языка в рассматриваемом значении употребляются следующие примеры:

1) *келин ап кээр* (Ц-Н) [ПМА 2015 – 2016] ‘приехать за невесткой’:

келин ‘невестка’ с чередованием в анлауте *к-* / *х-*, характерное для кара-хольского и бай-талского (ЗД), дзун-хемчикского и пий-хемского (ЦД), ховдинского говоров (Монголия) и Ю-ВД [Кара-оол 2006: 125–126]; *ап* / *ал-*, см. выше;

кээр / *келир* ‘приходить’, ‘приезжать’, ‘приближаться’, ‘подходить’, ‘наступать’ [ТувРС 1968: 237], ОТю, этимология неясна, см. *кел-* ‘приходить’, ‘приезжать’ и под. [ЭСТЯ V: 29; ЭСТувЯ III: 137], сохранив лексическое значение, выступает в качестве вспомогательного гл.;

2) *уруг алыр* (Пий-Х ЦД) букв. «взять девушку»:

уруг / *уруг* ‘ребенок’, ‘девочка, девушка’, ‘дочь’ [ТувРС 1968: 440], ‘внучка’, ‘племянница’, ‘падчерица’ [Кара-оол 2006: 49–51], ОТю, **uruγ* ‘зерно, семя, косточка’ [ДТС 1969: 615], в др. ТЯ: ‘род, потомство’, ‘поколение’, ‘дитя’, ‘свадьба’, ‘свадебный пир’ [ЭСТЯ I: 604–606];

3) х*ооралаар* / *хооралдаар* букв. «отрывать [невесту от родных]» (Пий-Х ЦД) [Сарыкай 1968, 302], не зафиксировано в словарях тувинского языка:

хооралаар, возможно, связано с гл. *хоорар* ‘отрывать’ [ТувРС, 483] и восходит к ОТю *қоңар-* ‘вырывать, уничтожить’ [ЭСТЯ VI: 65];

4) *хоорарын бүдүрер* (Чаа–Х ЦД) [РФ 180, тетр. 7: 8] букв. «отрыв [невесты от родных] осуществить», т. е. ‘увести невесту [в новую семью]’ ,

хоорарын ‘отрывание’, восходит к ОТю *қоңар-* ‘вырывать, уничтожить’ [ЭСТЯ VI: 65];

бүдүрер / *бүдүр-* ‘делать’, ‘производить’, ‘изготовлять’ [ТувРС 1968: 126] монголизм, см. *бүтээх* ‘творить, создавать’, ‘строить’, ‘исполнять’, ‘осуществлять’ [БАМРС I: 310].

У эйлиг-хемских и урбунских тувинцев (ЦД) *хоорарын бүдүрер* – ‘закрепление сватовства’ [РФ 108 тетр. 7: 8], см. *дүгдег, дүгдээшкин* [Кара-оол 2015: 25–26].

Краткое описание обряда: установив к назначенному дню свадьбы юрту молодоженов ‘*чадыр өг*’ [Кушкаш 1996: 23], ‘*бөдей өг*’ [Серен 2006: 53], ‘*уруглар өө*’ [Донгак 2012: 14], сваты приезжали за невесткой.

Главными участниками свадебной церемонии были родственники невесты и жениха. У тувинцев центральных районов родители жениха и невесты играли первостепенную роль [ПМА 1998–2012], а у ховдинских тувинцев свекру и мужчинам со стороны отца жениха не полагалось участвовать в данном обряде, они говорят: ‘*Бег келин кыска бек*’ – ‘Свекор для невесты может быть препятствием’

[ПМА 2000]. У цагаан-нуурских тувинцев за невесткой приезжали отец и старший брат (таежные тувинцы) или дядя по матери *даай* и старшая сестра (речные), а мать оставалась дома [ПМА 2015, 2016].

Мать невестки с благопожеланиями преподносила зятю молоко в пиале, выпив его с невесткой, он клал чашу за пазуху, и она становилась его личной пиалой '*күдээ аяа*' – букв. «пиала зятя» [ПМА 2000, 2015].

Затем жених совершал обряд поклонения родителям невесты и очагу юрты родителей невесты '*күдүктеп алгаш тейлээр*' [Серен 2006: 55], а невеста – родительскому очагу '*ада-иезиниң одунга тейлээр*' [Уламсуренгийн 2003: 13; Серен 2006: 55; ПМА 2000].

У цэнгэльских тувинцев перед отъездом дочери мать проводила обряд *уругнуң буяны* 'благо девушки' [Серен 2006: 55], чтобы, став членом нового рода, она сохранила нравственную чистоту, жила в счастье и достатке. Мать умывала лицо дочери водой с хвоей можжевельника, побеленной молоком и вытирала внутренней стороной подола ее национального халата, чтобы счастье не ушло на сторону, а ховдинская мать умывала той же водой, только постелив подол своего *тона* – национального халата [Уламсуренгийн 2003: 13]. Затем девушка слушала наставления матери, старшей сестры и невестки [Уламсуренгийн 2003: 13].

У монгун-тайгинских тувинцев (ЗД) мать передавала дочери часть семейных *ээреней* 'амулет', давала наставления как их хранить и как прибегать к их помощи, особенно во время болезни [Потапов 1969: 240]. Она, скорее всего, передавала дочери ее собственный амулет *амы-хууда ээрен* [Куулар 2014: 48].

Если у молодоженов был ребенок, рожденный до женитьбы, проводили обряд «выкупа» младенца *төл* «*садып алыр*»: преподносили подарок матери девушки и ребенку [ПМА 1994, 2000]. А когда все были готовы к отъезду, жених, взяв уздечку коня невестки, трижды обходил по солнцу *аал* родителей невесты. По некоторым сведениям, уздечку коня невестки держал парень из ее селения, у которого признаки года рождения соответствовали к признакам года рождения невестки. Выехав из территории *аала,* он отпускал уздечку, дальше девушка сама управляла конем [Кенин-Лопсан 1994: 29].

Мать невестки вслед за отъезжающими кропила молоко девятиглазкой '*аъттанган уруг йөрээр*' с благопожеланиями: '*Орууңар ак болзун*! *Аас-кежиктиг чурттаңар!*' – 'Пусть дорога будет белой, т. е. благополучной! Живите в счастье и согласии!' А затем сами собирались в путь и, вскоре догнав, присоединялись к сватам с невесткой.

Невестка покидала родной *аал* в утреннее время, которое считалось «чистым» временем – временем Будды '*бурган үези*' [Донгак 2012: 14].

Баи и зажиточные араты вместе с дочерью отправляли девушку-подружку '*энчи*' или '*эштенчи*' [РФ 180 тетр. 6: 21].

Цагаан-нуурская невестка, если ее выдавали насильно, могла убежать или спрятаться: сваты должны найти ее до *кара дүъш* (примерно до трех часов дня), а если не находили, то уезжали ни с чем, свадьба расстраивалась [ПМА 2016].

По пути родственники жениха трижды встречали кортеж невестки на сакральных местах '*ыдыктыг черлер*', обычно на перевале. В первый раз посередине пути, не выезжая из территории малой родины девушки, чтобы выпросить ее у хозяина земли предков '*чер ээзинден чөпшээрел алыр*' и для умилостивления

«преподносили» лакомые кусочки еды ‘*чем дээжизин өргүүр*’, еще не отведанные человеком – оставляли около жертвенного кургана ‘*оваа*’, затем все садились в круг и угощались. А во второй раз, въехав в территорию селения жениха, чтобы познакомить ее с «хозяином» земли предков жениха и, чтобы он признал невестку ‘*келин кысты хүлээп аар*‘ [Донгак 2012: 14]. В третий раз вблизи селения жениха, обычно на переправе реки ‘*кежиг аксы*‘, чтобы сваты отдохнули, утолили жажду. Всю посуду, использованную во время этой встречи, передавали невестке, она становилась ее утварью *уругнуң эдилели*.

IV. *БУГА ИСТЭЭР* / *БУГА ДИЛЭЭР* букв. «преследовать быка» / «искать быка» [РФ 108, тетр. 6: 17; Сарыг-оол 1992: 32] – обряд приезда гонца невестки *шапкынчы* [Кара-оол 2015: 26], которого заранее отправляли в селение сватов с иносказательным известием о приближении кортежа невестки: ‘*Буга истеп келдим, изи мында келди*’ [РФ 108, тетр. 6: там же] – ‘Иду по следу быка, следы привели меня сюда’:

Буга ис-тэ-эр или *дилэ-эр*: *буга* [пуъга] ‘бык-производитель’ [ТувРС 1968: 119], ОТю, см. *буға* ‘бык(-производитель)’, ‘племенной бык’, ‘олень (самец)’, близкие соответствия отмечены в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [ЭСТЯ II: 230–232; ЭСТувЯ I: 281];

истээр / *исте-* ‘следить, отыскивать по следу, идти по следу’, ‘находить след, ‘проводить следствие’ [ТувРС 1968: 210], ОТю, см. *исле-* ‘идти по следу’, ‘(пре)следовать’, ‘искать’ [ЭСТЯ I: 383], дериват *ис прям.* и *перен.* ‘след’ [ТувРС 1968: 210], ОТю, см. *ы:з* ‘след’ во всех источниках [ЭСТЯ I: 646 – 647; ЭСТувЯ II: 381];

дилээр / *диле-* ‘искать’, ‘просить’, ‘умолять’ [ТувРС 1968: 162; ТСТувЯ I: 449], ОТю, см. *диле-* ‘(по)просить что-л., обращаться с просьбой’, ‘искать’, ‘желать, хотеть’ и под. [ЭСТЯ III: 231; ЭСТувЯ II: 158].

V. *УТКУЛГА* – обряд встречи кортежа невестки: *уткулга* ‘встреча’ [ТувРС 1968: 441], дериват *утку-* ‘встречать’ [ТувРС 1968: 441], монголизм, см. *угтлага* ‘встреча’, ‘канун’ [БАМРС III: 306].

В рассматриваемом значении зафиксированы и другие примеры:

1) *уткуулчу* [Потапов 1969: 241] букв. «встречающий», ср. *фольк. уткуул* ‘встречающий’ [ТувРС 1968: 441], дериват *утку-* ‘встречать’, монголизм, см. монг. *угтуул* ‘встречающие’ [БАМРС III: 306];

2) *уткуп алыр* [Донгак 2012: 14], букв. ‘встретить’ [ТувРС 1968: 441]: *уткуп* / *утку-*, см. выше; *алыр* / *ал-* ‘брать’, см. выше.

Краткое описание обряда: По приезду в селение жениха свадебный кортеж трижды объезжал юрту молодых по солнцу ‘*хүнгээр долганыр*’ [Кенин-Лопсан 1994: 30], если не установили юрту, то подпорку юрты ‘*багана ыяжы*’. Старшая родственница жениха девятиглазкой кропила молоко свадебный кортеж, призывая благополучия и счастья молодоженам. У коновязи жена старшего брата жениха ‘*чеңге*’ снимала невестку с коня. Когда она спешивалась, ей преподносили пиалу с молоком. Затем в сопровождении своей старшей сестры и *чеңге* жениха заходила в юрту молодоженов, где ей заплетали волосы в три косы, переодевали в свадебный костюм. В нем особенно отличался головной убор, несколько напоминающий фату: *баштаңгы*, *думаалай, малга* [РФ 108 тетр. 6: 19; Потапов 1969: 259–260; Донгак 2012: 57], *бүдээлге* [Уламсуренгийн 2003: 144; ПМА 2004].

У ховдинских тувинцев свекор, старшие братья и дядья жениха при приближении кортежа невестки к селению уходили в родительскую юрту '*улуг өг*', и выходили из нее только тогда, когда невеста была в юрте молодоженов '*бөдей өг*' [ПМА 2000].

Анализ слов и словосочетаний, использованных при описании обряда:

1) *думаалай* [тума:лай] уст. 'свадебное головное покрывало (у невесты)' [ТувРС 1968: 183; ТСТувЯ I: 512]. *Думаалай* «состоял как бы из шапочки, прикрывавшей голову, и широкого платка, опускавшегося на спину и плечи» [Вайнштейн 2008: 109].

Б.И. Татаринцев отметил, что в ряде тюркских народов имеется слово *тумаг ~ тумак* 'меховая шапка, малахай' и под. [ЭСТувЯ III: 267], которые восходят к гл. основе **tuma-* 'закрывать', а также см. башк. диал. *tomala-*, *tuma-* 'закрыть [наглухо]' [СИГТЯ 2001: 483] и предположил, что и тув. *думаалай* образовано от основы *тумала-* 'закрывать' [ЭСТувЯ II: 268];

2) *баштаңгы* [паъштаңгы] уст. 'свадебное головное покрывало для невесты' [ТувРС 1968: 96; ТСТувЯ I: 235], 'накидка на голову и плечи, доходящая до талии (часть свадебного убора невесты)' [ЭСТувЯ I: 203], носили поверх *думаалай*: структурно могло быть связано с гл. *банта (н)-* 'надеваться (быть накинутым) сверху на голову' [ЭСТувЯ там же] + афф. *-гы → баштаңгы* (в тув. при присоединении афф. *-гы...*, *-гыр...*, *-ген...* к основам с конечным *-н,* он переходит в *ң* [ТОБПД 2001: 14]), ср. як. *баштыңа* 'головной убор замужней женщины, нечто вроде кокошника';

3) *малга* 'головной убор в виде накидки наподобие фаты', напоминающий *думаалай* (Эрз Ю-ВД) [Потапов 1969: 259], монголизм, ср. *малгай* 'шапка, головной убор' [БАМРС II: 315], халх. *малха* см. Потапов, там же.

4) *бүдээлге* (Ховд) [пүъдэ:лгэ] головной убор в виде накидки 'свадебное покрывало' [Уламсуренгийн 2003: 144; ПМА 2000] 'летний головной убор из сукна (для защиты от дождя)', *перен.* 'покрывало' [ТСТувЯ I: 328], монголизм, см. монг. *бүтээлэг* 'покрывало', 'крышка, покрышка' [БАМРС I: 310; ЭСТувЯ I: 312];

VI. У ховдинских тувинцев (Монголия) после встречи кортежа невестки проводится обряд ***КӨЖЕГЕ АЖЫДАР*** [Уламсуренгийн 2003: 15; ПМА 1999] букв. «открывать занавеску»:

көжеге [көъжэгэ] 'занавес, занавеска, штора', 'полог', 'завеса', *театр*. 'акт, действие' [ТувРС 1968: 256], 'полотнище, закрывающее стены юрты изнутри', *перен.* 'то, что закрывает что-л., завеса' [ТСТувЯ II: 193]. В тюркских языках *көшүк~көшик* и *көшиге~көшеге,* дериват *көши-* 'закрывать, заслонять'. *Көшик* заимствовано в монг. языки, а затем в качестве обратного заимствования проникло в ТЯ в форме *көжеге* [ЭСТЯ V: 128; ЭСТувЯ III: 231–232], см. *хөшиг* 'занавес', 'занавеска', 'штора, полог, портьера' [БАМРС IV: 151];

ажыдар [аъжыдар] / *ажыт-* 'открывать, раскрывать, отворять, растворять, распахивать', *перен.* 'открывать (объявлять о начале чего-л.), раскрывать (обнаруживать)', 'открывать, положить начало деятельности чего-л.' [ТувРС 1968: 41; ТСТувЯ I: 74] от ОТю *аш-/ач-* 'открывать' [ЭСТЯ I: 209; ЭСТувЯ I: 157].

Краткое описание обряда: невестку приводили в юрту родителей жениха, сажали за занавеску в женской стороне юрты. Свекор подходил с прутиком и, приоткрывая занавеску, трижды приговаривал: '*Чараш бе? Чаагай бе? Чиик бе*?' –

‘Пригожа ли? Приветлива ли? Проворна ли?’ Невестка, соскочив с места, выходила из-за занавески и поклонялась очагу, *бургану* юрты, родителям и родственникам жениха. Затем разжигала огонь, ставила котел, заваривала чай и угощала им родственников жениха – ‘*келин шайы ижер*’ [Серен 2006: 57; ПМА 1999]. Все присутствующие следили за тем, как невестка справляется: проворна ли, не испачкалась ли, правильно ли заваривает чай [Уламсуренгийн 2003: 13–15].

У тувинцев юго-восточный Тувы (род чооду и кыргыс) невестка, после заплетения волос на три косы, садилась у двери юрты и скармливала собак жениха куском жирной баранины, чтобы молодожены и родственники мужа жили в достатке [Потапов 1969: 260]. А участники обряда говорили благопожелания молодоженам, желая им счастья, благополучия в семейной жизни и большого потомства, например,

Эзертээни узак болзун!	Оседланный [конь] пусть будет скакуном!
Эдилээни мөңгүн болзун!	То, что носит [украшения], пусть будут серебряными!
Мурнуу эдээн	Переднюю полу [халата]
Анай, хураган бассын!	пусть топчут козлята, ягнята!
Соңгу эдээн	Заднюю полу [халата]
Ажы-төлү чаза бассын!	пусть топчут дети!

VII. Кульминационный этап свадебного обряда – ***КУДА*** ‘свадьба’. Вот как метко и сжато передано содержание рассматриваемого понятия в тувинской пословице: *Кулун тудар – доозуннуг, куда дүжер – дүвүренчиг* – ‘Держать жеребят – пыльно, проводить свадьбу – суетно’.

Куда ‘свадьба’ – торжественное театрализованное действие со своими канонами, детально разработанным сценарием, в котором присутствуют как главные, так и второстепенные персонажи.

У слова *куда* значение ‘свадьба’ присуще не только тувинскому, но и татарскому *кыда* [ЭСТувЯ III: 255]. В тувинском языке в качестве синонимов выступают:

1) *дой*, ОТю, во многих ТЯ первично значение ‘свадьба’ [СИГТЯ 2001: 309], а для тувинского – ‘пир, праздник’, а ‘свадьба’ вторично [ТувРС 1968: 167; ТСТувЯ I: 464];

2) *шайлалга* ‘свадьба’ (Пий–Х ЦД; Эрз Ю–ВД; Ц–Н), ‘банкет’, ‘званый обед’, ‘вечеринка’ [ТувРС 1968: 564; РТувС 1980: 36, 66, 183]. *Шайлалга* – имя, производное от китайского *цай* ‘чай’, см. выше [ТувРС 1968: 564; БАМРС IV: 246];

3) *куда тушкен* букв. «свадьба свершилась» (М-Т ЗД) [Потапов 1969: 240]:

куда см. выше; *тушкен* / *дүшкен* / *дүш-* ‘слезать’, ‘сходить’, *прям.* и *перен.* ‘выпадать, опадать’, ‘ложиться’, ‘наступать, начинаться’, ‘останавливаться’, ‘тонуть, утопать’, ‘вязнуть’ [ТувРС 1968: 186], ОТю, см. *дүш-* ‘падать, упасть, свалиться’, ‘спускаться, опускаться’, ‘слезать, сходить’ [ЭСТЯ III: 330–333];

4) *найр* ‘свадьба’ (Ховд Монголия) [Уламсуренгийн 2003: 153; ПМА 1999]:

найыр уст. ‘праздник’, ‘пир’, ‘веселье’ [ТувРС 1968: 307], монголизм, см. *найр* ‘пир, веселье’, ‘торжество, празднество’, ‘банкет’ [БАМРС II: 387].

Вел свадьбу *куда башкарыкчызы* или *шайлалга башкарыкчызы* букв. «распорядитель свадьбы», т. е. ‘тамада’ [РТувС 1980: 76]:

башкарыкчы ‘водитель’, ‘распорядитель’, *тех.* ‘регулятор’ [ТувРС1968: 95] от ОТю *башкар-* ‘выполнять, исполнять’, ‘управлять, руководить’, ‘доводить до (успешного) конца’, ‘вести’... [ЭСТЯ II: 85–88] > ОТю *баш* ‘голова’, ‘глава’,

‘вершина, верхушка, макушка’, ‘начало’ [ЭСТЯ II: 91–92; ЭСТувЯ I: 204]: *башкар* + афф. *-ыкчы*, образующий существительные одинаковые по значению с существительными на *-чы* [Исхаков 1961: 155];

У цэнгэлских тувинцев зафиксировано слово *баштың* [паъштың] ‘тамада’ [Уламсуренгийн 2003: 142; ПМА 2004], ‘предводитель, главарь’, ‘вожак (в стаде)’ [ТувРС 1968: 96], ОТю, в др.-тюрк. *baštïŋ* ‘первый, главный’ [ДТС 1969: 88].

Во время свадьбы молодожены сидят в женской стороне юрты. Родители жениха и невесты, а также уважаемые гости – в почетном месте юрты *дөр,* другие гости в зависимости от возраста рассаживались с обеих сторон юрты: старшие повыше, молодые ближе к выходу, мужчины – справа, а женщины – слева, а остальные гости пировали в других юртах или по кругу рассаживались на войлочных ковриках *ширтек* с угощениями у юрты родителей жениха.

Собственно свадьба начиналась с подношения родителям невесты *кадаков,* отцу – овечьего курдюка *хой ужазы* в *деспи* с сопутствующими кусками мяса, матери – плитки чая, шелка для халата *торгу*. Овечий курдюк для тувинца-кочевника – почетная еда, символизирующая обеспеченную богатую жизнь, а также выражение знака уважения.

У цэнгэлских тувинцев курдюк, как почетная еда, имеет две разновидности: *улуг ёзулал ужазы* букв. «большой церемонии курдюк» (для больших торжеств, например, свадьба) и *бичии ёзулал ужазы* букв ‘маленькой церемонии курдюк’ [Серен 2006: 57; ПМА 2002];

У кочевых тувинцев не было предмета мебели как стол, поэтому для мясных блюд использовали *деспи* – выдолбленное из дерева корытце, которое спереди напоминало низкий стол без опор, может быть, поэтому у Махмуда Кашгарского и в ДТС находим указанные толкования: *деспи* [тэъспи] ‘корыто’ [ТувРС 1968: 160] ОТю, **tevsi* ‘обеденный стол’ [МК 2010: 347], ‘поднос; небольшой, низкий стол’ [ДТС 1969: 557] во многих тюркских языках *tänsi*/ *täpči*/ *täpši* ‘деревянное блюдо, на которое кладут мясо’, ‘корыто’, ‘поднос’ и под. [ЭСТувЯ II: 146].

Основным стержнем свадьбы являлись благопожелания молодоженам семейного счастья, достатка и чадородия ‘*йөрээл*[ди] *алга-ар*’ [Кенин-Лопсан 2006: 30] букв. «благословлять, благословление», которые имели устойчивые ритуальные тексты, лишь слегка варьируемые по местностям.

Для молодежи, приглашенной на свадьбу, ставили юрту для веселья *ойнаар өг.*

Они пели свадебные песни ‘*куда ырылары*’, загадывали загадки ‘*тывызык-тажыр*’, остроумцы-острословы забавляли гостей, споря между собой, а также проводились подвижные игры, как «*Чода хунаажыр*», «*Көгээржик хунаажыр*», «*От чаяр*», «*Согур аза*», «*Аскак-Кадай*», «*Хүреш*», «*Аът чарыжы*» [Яковлев 1900: 91; Донгак 2012: 19]. А о том, что молодожены и молодежь, не достигшие 37 лет, могли пригубить *арага*, не могло быть и речи [Кенин-Лопсан 1994: 30; ПМА 1999–2016; Донгак 2012: 19],

Анализ слов и словосочетаний, использованных при описании обряда:

1) «*От чаяр*» букв. «отбирать огонь»: *от* ‘огонь’, ‘очаг’, ‘свет, огонь’ (электричество), разг. ‘спички’, ‘выстрел, огонь’ [ТувРС 1968: 328], ОТю, см. **o:t* ‘огонь’ [ДТС 1968: 373; ЭСТЯ I: 483; ЭСТувЯ IV: 344];

чаяр / *чай-* I ‘махать, размахивать’, ‘качать’; II ‘сваливать, ронять’, ‘перетягивать’, ‘переворачивать’, ‘отбирать’, ‘направлять по другому руслу (воду)’, ‘пре-

дотвращать’ [ТувРС 1968: 524], ОТю, **jaj-* ‘рассеивать’, ‘колебать, трясти’ [ДТС 1969: 226], см. *йа:й-* ‘приводить в движение, колебать’, ‘полоскать’, ‘наклонять’ и т. д. [ЭСТЯ IV: 75].

Правило обрядовой игры: два участника игры из рода жениха и невесты стремятся первым выбить огонь из огнива ‘*оттук*’ над сухой травой и внести в юрту, чтобы зажечь очаг юрты молодоженов. По одной информации свадьба начиналась с этой игры [Кон 1934: 87];

2) «*Чода хунааажыр*» букв. «пытаться отнять голень»: *чода* ‘голень’ [ТувРС 1968: 537], ОТю, **joda* ‘голень’, ‘верхняя часть ноги’ [ДТС 1969: 269], *җота* / *йота* / *чода* ‘голень’, ‘кость ноги, кость в ноге барана’, ‘туловище, стан’ и под. [ЭСТЯ IV: 29];

хунааажыр / *хунааш-* ‘пытаться отбирать (отнимать) силой [друг у друга]’ / *хунаа* ‘отбирать (отнимать) силой’ [ТувРС 1968: 494], *хунаар разг.* ‘ограбить, похитить силой’, ОТю, **qun-* ‘грабить, похищать’ [ДТС 1969: 466], *қун-* тоф. ‘отнимать, отобрать’, с.-югур. *qun-* ‘вырывать, отнимать’ [ЭСТЯ VI: 141; Рассадин 1971: 222].

Правило обрядовой игры: два парня со стороны жениха и невесты стояли наготове у юрты, и когда свекор (тесть) выбрасывал берцовую кость через открытую дверь или дымовое отверстие юрты, старались завладеть костью и передать молодоженам: если костью завладевал друг жениха, считался хорошим предзнаменованием, а если представитель невесты – дурным. Это было своего рода гадание на то, кто будет главенствовать в семье молодоженов;

3) «*Көгээржик хунааажыр*» букв. «пытаться отобрать кожаную фляжку»: *көгээржик* ‘кожаная фляжка’ (для кумыса или араки) [ТувРС 1968: 256]: *көгээр* ‘большая кожаная фляга’ (для кумыса или араки) [ТувРС 1968: 256] + умен.-ласк. афф. *-жик* [Исхаков 1961: 148], монголизм, см. *хөхүүр* ‘бурдюк’ (из шкуры крупного рогатого скота), ‘бурдюк для вина’ [БАМРС IV: 151].

Правило обрядовой игры: самые сильные, ловкие юноши обеих родов верхом на лошадях пытаются отобрать друг у друга кожаную фляжку с молочной *аракой*;

4) «*Согур аза*» букв. «Слепой черт»: *согур прям.* и *перен* ‘слепой’ [ТувРС 1968: 379]: предполагается, что *соқур* / *соғур*/ *сохур* ‘слепой’ «... как имя с афф. ***-р***, образовавшееся на монг. почве от глагола *сохуй*...» [ЭСТЯ VII: 297];

аза миф. ‘злой дух’, ‘сатана’, ‘черт/чертов’, *бран.* ‘черт, чертовка’ [ТувРС 1968: 45], в тоф., ‘черт’, алт. ‘злой дух, демон’, шорск. ‘злой дух’, тат. ‘злой дух, который живет в земле и под землей’ [ЭСТувЯ I: 69], ОТю, рассматривается как производное от гл. *аз-* ‘совращаться, вырождаться’ и под. [ЭСТувЯ I: 70].

Правило обрядовой игры: В игре участвуют *Согур аза* и мать с детьми, которые встают в цепочку, первый держится за подол *тона* матери. Слепой черт после традиционного приветствия просит у матери отдать одного ребенка в помощники и, получив отказ, пытается отобрать с силой;

5) «*Хүреш*» – ‘вольная борьба между юношами обеих родов’: *хүреш спорт.* ‘борьба’, ‘бороться’ [ТувРС 1968: 498], ОТю, **küräš-* ‘бороться’, ‘сражаться’ [ДТС 1969: 328], в ТЯ *гүреш* / *күреш* / *кураш* / *гөреш* – ‘физическая борьба’ [ЭСТЯ III: 79–81];

6) «*Аът чарыжы*» ‘конные скачки’: *аът* ‘конь’, ОТю, см. *ат* ‘лошадь, конь’, ‘мерин’, ‘кладеный самец’ [ЭСТЯ I: 197];

чарыжы ~ чарыш ‘состязание (в беге)’, ‘соревнование’ [ТувРС 1968: 520]. ОТю, этимология слова не ясна, **jarïš* ‘состязание’, ‘скачки’ [ДТС 1969: 241], см. *йа:рыш* ‘бег’, ‘соперничество двух ездок или карет’, ‘бегать’ [ЭСТЯ IV: 148].

Цагаан-нуурские тувинцы проводят оленьи скачки *чары чарыж-ы* букв. «скачки оленей» [ПМА 2016]: *чары* ‘олень-производитель’ [ТувРС 1968: 520], тоф. *чары* ‘ездовой или вьючный олень’, ‘вол’ [Рассадин 1995: 84].

Пир продолжался. Теперь родственники невесты угощали родственников жениха – *удур шайлалга* (Бай–Т, Б–Хмч ЗД; Тере–Х), *харыы куда* (Дз–Х, Пий–Х ЦД) [ПМА 1996–2002], во время которого пели лирические песни и частушки, соответствующие по содержанию в какой-то мере свадьбе, например,

Дөртен ала төнген болза, Если б кончились сорок пегих [лошади],
Дөргүн сыңмас туру деп бе? Не паслись бы у степной речки, не размещаясь?
Дөргүл-төрел чок-ла болза, Если б не было родственников,
Дөр-ле сыңмас олур деп бе? Не сидели бы в *доре* юрты, не умещаясь?

1) *удур шай-ла-лга* букв. «встречная свадьба»: *удур* [уъдур] ‘против’, ‘навстречу’ [ТувРС 1968: 434] Э.В. Севортян считает отглагольным именем на *-р* со значением ‘встречный’, ‘навстречу’ от гл. **ут-*, вычленяемого из *утку-* ‘выходить навстречу’, ‘встречать’ и под. [ЭСТЯ I: 610–611]; *шайлалга* см. выше;

2) *харыы куда* ЦД (Дз–Х, П–Х) букв. «ответная свадьба»: *харыы* ‘ответ / ответный’, ‘отповедь’ [ТувРС 1968: 471], монголизм, см. *хариу* ‘возврат’, ‘ответ’ [БАМРС IV: 57].

Под конец свадьбы кто-нибудь из родственников жениха объявлял о завершении свадьбы: ‘*Сава байлады*!’ – букв. ‘Посуда опорожнилась’.

Родственники невесты расходились по разным юртам. В юрте новобрачных ночевала холостая молодежь [Потапов 1969: 242] *бот кижилер*.

Выводы

Анализ лексики традиционного свадебного обряда позволил выявить следующие особенности:

а) лексика свадебных обрядов отличается большим разнообразием – сосуществует несколько лексем или фразеосочетаний-синонимов за счет диалектизмов и устаревших слов;

б) значительная часть наименований традиционных свадебных обрядов являются собственно тувинскими фразеосочетаниями с общетюркскими компонентами;

в) в корпусе названий традиционных свадебных обрядов содержатся и заимствованные компоненты, подтверждающие тувинско-монгольские и китайские связи, а также присутствие тибетских посредством монгольского языка;

г) диалектные особенности, рассматриваемой группы слов и фразеосочетаний связаны с речью носителей ЦД, Ю–ВД, С–ВД, ЗД и трех зарубежных говоров тувинского языка – ховдинского, цэнгэльского и цагаан-нуурского;

д) с течением времени значения некоторых слов, связанных со свадебными обрядами подверглись сужению или расширению;

е) с точки зрения морфологического строения подразделяются на элементарные (*куда*, *шайлалга*, *дой*, *найыр*, *хоорарлаар*, *энчи*, *уткулга*, *думаалай*, *баштаңгы*, *малга*, *хүреш*), описательные (*чиңгин езулал*, *куда хүнүн айтырар*, *эки хүнүн*

көргүзер, *аъттаныр хүн*, *согур аза*, *харыы куда* и т. д.), фразеосочетания (*буга истээр*, *келин алыр*, *уруг алыр*, *көжеге ажыдар*, *оът чаяр*).

Таким образом, анализ собранного материала показывает богатство и символичность свадебных обрядов. За каждым обрядом стоит культура целого народа, которая ненавязчиво направляет каждого члена в русло традиций, которые отшлифованы веками. Поколения уходят, но основные элементы традиционных свадебных обрядов сохраняются, подвергаясь переосмыслению их содержания, например, если некоторые традиционные свадебные обряды проводились с религиозно-магической целью, то теперь приобретают развлекательно-игровые функции.

Сокращения

Языки и диалекты

алт.	алтайский	тув.	тувинский
башк.	башкирский	тур.	турецкий
Б-Хмч	барун-хемчикский говор	тюрк.	тюркский
Дз-Х	дзун-хемчикский говор	ТЯ	тюркские языки
диал.	диалектное	Цнг	цэнгэльский говор (Монголия)
др.-тюрк.	древнетюркский	хак.	хакасский
ЗД	западный диалект	халх.	халха
монг.	монгольский	Ховд	ховдинский говор (Монголия)
ОТю	общетюркский	Ц-Н	цагаан-нуурский говор (Монголия)
Пий-Х	пий-хемский говор	ЦД	центральный диалект
ПТю	пратюркский	шорск.	шорский
с.-югур.	сарыг-югурский	Эрз.	эрзинский говор
тат.	татарский	Ю-ВД	юго-восточный диалект
тоф.	тофаларский	як.	якутский

Общие

афф.	аффикс	прям.	прямое
бран.	бранный	разг.	разговорный
букв.	буквально	см.	смотри
вспом. гл.	вспомогательный глагол	ср.	сравни
гл.	глагол	театр.	театральный термин
диал.	диалектный	тетр.	тетрадь
др.	другие	умен.-ласк.	уменьшительно-ласкательный
миф.	мифологический	уст.	устаревший
перен.	переносное	фольк.	фольклорный
		шахм.	шахматный

Литература

БАМРС I– IV – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001–2002. {Big Academic Mongol-Russian Dictionary / Executive editor: *G.Ts. Pyurbeyev*. – M.: Academia, 2001–2002.}

Вайнштейн 2008 – *Вайнштейн С.И., Москаленко Н.П.* Материальная культура // Тюркские народы Восточной Сибири. – М.: Наука, 2008. – С. 51–119. {*S.I. Vaynshteyn, N.P. Moskalenko.* The Material Culture // Turkic peoples of the Eastern Siberia. – Moscow: Nauka, 2008. – PP. 51–119.}

Донгак 2012 – *Донгак С.Ч.* Тыва куда ёзулалдары. Традиции тувинской свадьбы. – Кызыл, 2012. – 72 с. {*S.Ch. Dongak.* Tyva kuda jozulaldary. The traditions of Tuvan wedding. – Kyzyl, 2012. – 72 p.}

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с. {Old Turkic Dictionary. – Leningrad, 1969. – 676 p.}

Жуковская 2002 – *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. – М.: Восточная литература, 2002. – 247 с. {*N.L. Zhukovskaya.* The nomads of Mongolia. Culture. Traditions. Symbols. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. – 247 p.}

Исхаков 1961 – *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А*. Грамматика тувинского языка. – М.: Восточная литература, 1961. – 472 с. {*F.G. Iskhakov, A.A. Palmbach*. – Grammar of the Tuvan language. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. – 472 p.}

Кара-оол 2006 – *Кара-оол Л. С.* Термины родства и свойства в тувинском языке: монография. – Кызыл, 2006. – 252 с. {*L.S. Kara-ool.* Kinship and affinity terms in the Tuvan language: a monograph. – Kyzyl, 2006. – 252 p.}

Кара-оол 2008 – *Кара-оол Л.С*. Тувинская семья // Российская семья: энциклопедия. – М.: Изд-во РГСУ, 2008. – С. 443–456. {*L.S. Kara-ool.* The Tuvan Family // Russian Family: Encyclopaedia. – Moscow: RGSU publishing house, 2008. – PP. 443–456.}

Кара-оол 2015 – *Кара-оол Л.С.* Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке // Урало-алтайские исследования. – 2015. – № 4 (19). – С. 17–31. {*L.S. Kara-ool.* Lexis of pre-wedding rites in the Tuvan language // Uralo-altayskie issledovaniya. – 2015. – No. 4 (19). – PP. 17–31.}

Кара-оол 2020 – *Кара-оол Л.С.* Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – (ISSN 1991-5497) – С. 280–284. {*L.S. Kara-ool.* Animal-related names in Tuvinian toponymy (Zoocomponents in Tuvan toponymy). // The world of science, culture, and education. – 2020. – No. 5 (84). – (ISSN 1991-5497) – PP. 280–284.}

Кенин-Лопсан 1994 – *Кенин-Лопсан М.Б.* Тыва чоннуң бурунгу ужурлары [Традиционная этика тувинцев]. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1994. – 192 с. {*M.B. Kenin-Lopsan.* Tyva čonnuŋ burungu užurlary (The traditional ethics of Tuvans). – Kyzyl: Tuvan Book publishing house, 1994. – 192 p. (In Tuvan.)}

Кон 1934 – *Кон Ф.Я.* За 50 лет. Экспедиция в Сойотию. – М.: Типография Профиздата, 1934. – 293 с. {*F.Ya. Kon.* Within 50 years. Expedition to Soyotia. – Moscow: Typography of Profizdat, 1934. – 293 p.}

Кунаа 1957 – *Кунаа А.Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. – Кызыл: Тип. упр. культуры, 1957. – 56 с. {*A.Ch. Kunaa.* The phonological system of modern Tuvan language. – Kyzyl: Typography of Culture Department, 1957. – 56 p.}

Кушкаш 1996 – *Кушкаш Т.* Тожунуң бурунгузу [Древние традиции Тоджи]. – Кызыл: Эне созу, 1996. – 48 с. {*T. Kushkash*. Tožunuŋ burunguzu (The ancient rites of Todzha). – Kyzyl: Ene sozu, 1996. – 48 p. (In Tuvan.)}

Куулар 2014 – *Куулар Х., Куулар Ө., Куулар Д-Д., Куулар Л-Д.* Хам болгаш делегей (Шаман и мир). – Кызыл: Тип. КЦО «Аныяк», 2014. – 132 с. {*Ӈ. Kuular, Ö. Kuular, D-D. Kuular, L-D. Kuular.* Ӈam bolgaš delegeĭ (Shaman and the world). – Kyzyl: KTSO (The Staff of Educational Center) Anyyak typography, 2014. – 132 p. (In Tuvan.)}

МК 2010 – *Махмуд ал-Кашгари.* Дīвāн луғат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / Пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 1. – 464 с. {*Maḥmūd al-Kāšγarī.* Dīwān luγāt at-turk (A compendium of Turkic words): in 3 volumes. / Translation from Arabic by A.R. Rustamov, edited by I.V. Kormushin. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. – Vol. 1. – 464 p.}

Покровская 1961 – *Покровская Л.А*. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Наука, 1961. – С. 11–81. {*L.A. Pokrovskaya.* Terms of kinship in Turkic languages. // The historical development in Turkic language. – Moscow: Nauka, 1961. – PP. 11–81.}

ПМА 1994 – 2016 – *Кара-оол Л.С*. Полевые материалы автора с 1994 по 2016 гг. {*L.S. Kara-ool.* The field data of the autor 1994–2016.}

Потапов 1969 – *Потапов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука, 1969. – 402 с. {*L.P. Potapov.* Sketches on the everyday life of Tuvans. – Moscow: Nauka, 1969. – 402 p.}

Рассадин 1971 – *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. – 252 с. {*V.I. Rassadin.* Phonetics and lexis of the Tofa (Tofalar) language – Ulan-Ude: Buriat Book Publishing House, 1971. – 252 p.}

РСл – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1893–1911. – Т. 1–4. – 2230 с. {*V.V. Radloff.* An attempt of a Turkic dialectal dictionary. – Saint-Petersburg, 1893–1911. – Vol. 1–4. – 2230 p.}

РТувС 1980 – Русско-тувинский словарь: 32 000 слов. // Ред. *Д.А. Монгуш*. – М.: Русский язык, 1980. – 562 с. {Russian-Tuvan Dictionary: 32 000 words. // ed. by *D.A. Mongush*. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1980. – 562 p.}

РФ 108 тетр. 7 – Рукописный фонд ТНИИЯЛИ (Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории) № 108, тетрадь 7. Историко-этнографические материалы, собранные экспедицией сектора истории ТНИИЯЛИ с 11.02–20.02. 1958 г. в Чаа-Хольском районе. Руководитель группы – *Гребнев Л.В.* {The Manuscript Collectiona of TNIIYaLI (Tuvan scientific-research institute for language, literature and history) No. 108, book No. 7. Historic and ethnographical data, collected by the expedition of Department of History of TNIIYaLI during February 11th–20th, 1958 in Chaa-Khol district. The group leader – *L.V. Grebnev.*}

Садыков 1983 – *Садыков С.* Термины родства и родственных отношений // Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1983. – С. 32–38. {*S. Sadykov.* Terms of kinship and family relations. // The Mongolic-Turkic parallels. – Frunze: Ilim, 1983. – PP. 32–38.}

Сарыг-оол 1992 – *Сарыг-оол С.А.* Чогаалдар чыындызы: тоожу, чечен чугаалар, чаа тоолдар, шиилер (Собрание сочинений: повесть, рассказы, новые сказки, пьесы). – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1992. {*S.A. Sarыg-ool.* Čogaaldar čyyndyzy: toožu, čečen čugaalar, čaa tooldar, šiiler (A collection of works: novels, short stories, new tales, drama). – Kyzyl: Tuvan book publishing house, 1992. (In Tuvan.)}

Серен 2000 – *Серен П.* Моолда тываларның чаңчылдары (орук демдектери). [Традиции тувинцев Монголии (путевые заметки)]. – Кызыл, 2000. – 58 с. {*P. Seren.* Moolda tyvalarnyŋ čaŋčyldary (oruk demdekteri). (Traditions of Tuvans of Mongolia (Travel notes.). – Kyzyl, 2000. – 58 p.}

Серен 2006 – *Серен П.* Моолда сенгел тываларының чаңчылдары (дылының, культуразының материалдары) [Обычаи цэнгэльских тувинцев в Монголии (материалы языка, культуры)]. – Кызыл, 2006. – 104 с. {*P. Seren.* Moolda sengel tyvalarynyŋ čaŋčyldary (dylynyŋ, kulʹturazynyŋ materialdary). (Traditions of the Tsengel Tuvinians in Mongolia (Language and Culture Data.). – Kyzyl, 2006. – 104 p.}

Серенот 2010 – *Серенот С.К.* Сарыг шажынның тайылбырлыг словары [Толковый словарь буддийских терминов]. – Кызыл, 2010. – 128 с. {*S.K. Serenot.* Saryg šažynnyŋ tajylbyrlyg slovary (An Explanatory Dictionary of Buddhist Terms.) – Kyzyl, 2010. – 128 p.}

СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика // Отв. ред. *Э.Р. Тенишев*. – М.: Наука, 2001. – 824 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Lexis. // Executive editor: *E.R. Tenishev*. – Moscow: Nauka, 2001. – 824 p.}

ТСТувЯ I – Толковый словарь тувинского языка (Т. I: А – Й) // Ред. *Д.А. Монгуш*. – Новосибирск: Наука, 2003. – 599 с. {Explanatory Dictionary of the Tuvan Language (Vol. 1: A–J̌) // ed. by *D.A. Mongush.* – Novosibirsk: Nauka, 2003. – 599 p.}

ТСТувЯ II – Толковый словарь тувинского языка (Т. II: К–С) // Ред. *Д.А. Монгуш*. – Новосибирск: Наука, 2011. – 798 с. {Explanatory Dictionary of the Tuvan Language (Vol. 2: K–S) // ed. by *D.A. Mongush.* – Novosibirsk: Nauka, 2011. – 798 p.}

ТОБПД 2001 – Тыва орфография болгаш пунктуацияның дүрүмнери (Правила тувинской орфографии и пунктуации). – Кызыл, 2001. {Tyva orfografiâ bolgaš punktuaţiânyŋ dürümneri (The rules of Tuvan orthography and punctuation). – Kyzyl, 2001.}

ТувРС 1968 – Тувинско-русский словарь: 22 000 слов // Ред. *Э.Р. Тенишев*. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 648 с. {Tuvan-Russian Dictionary: 22 000 words // ed. by *E.R. Tenishev.* – Moscow: Sovietskaya Entsiklopediya, 1968. – 648 p.}

Уламсуренгийн 2003 – *Уламсурейн Ц.* Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. – 192 с. {*Ts. Ulamsureyn.* Examples of folklore and speech of the Kobdo (Khovd) Tuvans. – Kyzyl: Tuvan Book Publishing House, 2003. – 192 p.}

Чап 1999 – *Чап Ч.М.* Улусчу педагогикага ажыглаар чамдык сөстерниң, ужурларның чижек тайылбыры [Примерные разъяснения терминов народной педагогики]. – Кызыл, 1999. – 64 с. {*Ch.M. Chap.* Ulusču pedagogikaga ažyglaar čamdyk söšterniŋ, užurlarnyŋ čižek tajylbyry (Rough explanation of the folk pedagogy terms.). – Kyzyl, 1999. – 64 p.}

ЭСТувЯ I – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. – Т. I. А–Б. – Новосибирск: Наука, 2000. – 341 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. – Vol. 1. A–B. – Novosibirsk: Nauka, 2000. – 341 p.}

ЭСТувЯ II – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. – Т. II. Д–Й. Новосибирск: Наука, 2002. – 388 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. – Vol. 2. – D–J̌. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 388 p.}

ЭСТувЯ III – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. – Т. III. К–Л. Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. – Vol. 3. K–L. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 440 p.}

ЭСТувЯ IV – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV. М–П. Новосибирск: Наука, 2008. – 442 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. – Vol. 4. – M–P. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 442 p.}

ЭСТЯ I – *Севортян Э. В*. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with vowels. – Moscow: Nauka, 1974. – 768 p.}

ЭСТЯ II – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. – 352 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letter «B». – Moscow: Nauka, 1978. – 352 p.}

ЭСТЯ III – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». – М.: Наука, 1980. – 390 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letters «V», «G», «D». – Moscow: Nauka, 1980. – 390 p.}

ЭСТЯ IV – *Севортян Э. В*. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ӂ», «Й». – М.: Наука, 1989. – 196 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letters «Ž», «J̌», «J̈». – Moscow: Nauka, 1974. – 196 p.}

ЭСТЯ V – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «К», «Қ» // Авторы словарных статей: *Левитская Л.С*., *Дыбо А.В*., *Рассадин В.И*. Рецензенты: *Э.Р. Тенишев*, *Э.А. Грунина*. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с. {Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letters «K», «Q» // Authors of dictionary entries: *L.S. Levitskaya*, *A.V. Dybo*, *V.I. Rassadin*. Reviewers: *E.R: Tenishev*, *E.A. Grunina*. – Moscow: Languages of the Russian culture (Yazyki russkoy kultury), 1997. – 368 p.}

ЭСТЯ VI – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Қ». Вып. 2 // Отв. ред. *Г.Ф. Благова*. – М.: Индрик, 2000. – 266 с. {Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letter «Q». Edition 2 // Executive editor: *G.F. Blagova.* – Moscow: Indrik, 2000. – 266 p.}

ЭСТЯ VII – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С» // Отв. ред. *А.В. Дыбо*. – М.: Восточная литература, 2003. – 448 с. {Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with «L«, «M», «N», «P», «S» // Executive editor: *A.V. Dybo*. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. – 448 p.}

Яковлев 1900 – *Яковлев Е.К.* Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея и объяснительный каталогъ этнографическаго отдѣла музея. – Минусинскъ: Типографія В.И. Корнакова, 1900. – Вып. 4. – 341 с. {*Ye.K. Yakovlev.* An ethnographic review of the aboriginal peoples of the Southern Yenissei valley and the explanatory catalogue of ethnographic department of the museum. – Minusinsk: V.I. Kornakoff Typography, 1900. – Edition 4. – 341 p.}

Lexis of traditional wedding rites in the Tuvan language

L.S. Kara-ool

Kyzyl

Summary: In this article the author has tried to analyse carefully the Tuvan words associated with the traditional wedding rites involving ethnographic materials. Here the author has revealed dialectal features associated with the use of this lexemes in CD, S-VD S-VD, ZD

dialects within the Tuvan Republic and three foreign dialects of Tuvan language – Khovd, Tsengel and Tsagaan-Nuur. The mentioned above vocabulary includes both common Turkic words, and words and phrases borrowed from other (Mongolian, Tibetan and Chinese) languages. The work is based on the data collected by the author during dialectological expeditions, selected from the sources, as well as from the work of the Manuscript collection of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research.

Key words: wedding, wedding ceremonies, Tuvan language, dialect, accent, token phrase, lexical meaning, Old Turkic, common Turkic, lexical borrowing, mongolism.

Lyubov Salchakovna Kara-ool – Ph.D. in philology, associate professor, Tuvan State University, Kyzyl, e-mail: lkaraool61@mail.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ШОРСКИЕ ТЕКСТЫ, ЗАПИСАННЫЕ Н.Ф. КАТАНОВЫМ ОТ ВЫХОДЦА ИЗ СЕЛА АНЧУЛ[1]

В.С. Мальцева

г. Москва

Резюме: В статье впервые приводится информация о текстах на шорском языке, записанных Н.Ф. Катановым от выходца из с. Анчул. Дается краткое сопоставление языковых особенностей этих текстов с речью современных жителей с. Анчул, записанной в ходе диалектологических экспедиций Института языкознания РАН в Таштыпский район Республики Хакасия в 2016–2017 гг.

Ключевые слова: шорский язык, хакасский язык, диалектология, документация языков, Н.Ф. Катанов.

Выдающийся тюрколог Н.Ф. Катанов (1862–1922) многое сделал для изучения и документации своего родного языка – наречия абаканских татар, позже названного хакасским языком. В 1882–1884 гг. он написал грамматический очерк сагайского диалекта с приложением в виде небольшого сборника примеров и словаря (теоретическая часть этой работы была недавно издана, см. [Катанов 2017]). Позднее он предпринял несколько поездок по Минусинскому краю с целью записи текстов, в которых отражается речь, фольклор, обычаи представителей различных этнических подгрупп абаканских татар. Результаты этих экспедиций были опубликованы в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племен» – серии изданий полевых записей устных текстов различных тюркских народов. Первые восемь томов включали в себя материалы, собранные В. Радловым, IX и X тома серии издавались при его участии.

Помимо текстов абаканских татар в IX томе «Образцов…» [Катанов 1907а] присутствуют также урянхайские (тувинские) и карагасские (тофаларские) тексты, однако абаканские тексты занимают большую часть книги и включают в себя материалы из четырех поездок Н.Ф. Катанова по Минусинскому краю. Нельзя не отметить тщательность, с которой ученый фиксировал информацию о месте и времени записи текстов, а также об их рассказчиках. Абаканские тексты разбиты на три отдела в соответствии с поездками (материалы второй и третьей экспедиции объединены в один отдел, видимо, потому что между ними был лишь небольшой перерыв в несколько месяцев). Внутри отделов тексты объединены в подразделы, соответствующие местам сбора текстов. При каждом тексте есть помета, отсылающая к сведениям об информанте, от которого текст был за-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ No 18-18-00501, проект «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

Мальцева Вера Сергеевна – младший научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, e-mail: malt.wh@gmail.com.

писан (за исключением некоторой части текстов первого отдела). Сведения об информантах даются в приложении к каждому отделу, они очень подробные: указаны не только их имена, но и происхождение (сеок, т. е. родовая принадлежность), место жительства, возраст, род занятий, владение грамотой и другая информация. Все тексты IX тома переведены Н.Ф. Катановым на русский язык (переводы изданы отдельной книгой [Катанов 1907б]).

В 1963 г. часть абаканских текстов IX тома «Образцов…» была переиздана в соответствии с нормами современного хакасского литературного языка в книге «Хакасский фольклор», подготовленной сотрудниками ХакНИИЯЛИ [Катанов 1963 (ред.)]. Это параллельное издание, включающее также и авторский перевод на русский язык (приведенный в соответствие нормам современной русской орфографии и пунктуации), содержит около ¼ текстов исходного издания. Отбирались тексты, представляющие интерес для фольклористов и возможные для публикации в это время. Например, в это издание совсем не включены тексты третьего отдела, так как все они описывают шаманские обряды и практики.

Мы считаем, что вся коллекция текстов, собранных Н.Ф. Катановым, представляет большую ценность для тюркологов различных профилей: этнографов, фольклористов, историков, диалектологов и пр. Мы решили включить эти тексты в Электронный корпус хакасского языка (URL: https://khakas.altaica.ru) и проводим в настоящий момент их обработку. Работа над текстами первого и третьего отделов завершена, они доступны для поиска, как и часть текстов второго отдела. Изначально мы планировали включить в корпус все абаканские тексты IX тома «Образцов…», но наткнулись на неожиданный казус, которому и посвящена данная статья.

Отметим, что при абаканских текстах (в отличие от урянхайских и карагасских) есть не только помета авторства, но и диалектная помета. В абаканском наречии Н.Ф. Катанов выделяет четыре диалекта: сагайский, бельтырский, качинский, койбальский. Нетрудно заметить, что они лишь частично совпадают с общепринятым на сегодняшний день списком хакасских диалектов (которых также четыре): помимо сагайского и качинского сейчас выделяются кызыльский и шорский диалекты, а бельтырский и койбальский идиомы признаны говорами сагайского и качинского диалектов соответственно. Наречие кызыльцев у Н.Ф. Катанова не представлено и не комментируется, в записях В. Радлова оно не относится к абаканским, а объединено с чулымским наречием. Шорский диалект у Н.Ф. Катанова также не упомянут, однако в предисловии он отмечает: «горные бельтиры и сагайцы говорят несколько отлично от степных и очень близко к шорцам» [Катанов 1907б: IV, совр. орф.]. В дальнейшем, правда, эта информация никак не используется в диалектных пометах. Диалектная принадлежность языка информантов определяется Н.Ф. Катановым в основном по их родословной (принадлежности к сеокам), а не опирается на лингвистические различия. Н.Ф. Катанов не относил всех жителей одного селения к одному диалекту, беря во внимание разность их происхождения.

Тем удивительнее выглядят записи из с. Усть-Есь (отдел второй, ч. V). Это село сохранилось до наших дней и относится сейчас к Аскизскому району Хакасии. Все тексты из с. Усть-Есь помечены как сагайские. Записаны они от трех информантов, о втором из которых даны следующие сведения: «Татарин Иван,

сын Ондыкана (Федора) Колмаков, 30 лет, принадлежащий к племени Кый (Кийский род), служит трапезником при Усть-Есинской Евдокиевской миссионерской церкви, стрелял прежде диких зверей … и продавал их шкуры в г. Минусинске и г. Кузнецке (Аба-тура), служил работником в Барнауле (Томской губернии) и Томске; холост; родина его – речка Анчул, левый приток Таштыпа» [Катанов 1907а: 554, совр. орф.]. Язык Ивана Колмакова резко отличается от языка его односельчан: это шорский, а не хакасский. Это неудивительно при такой биографии, однако этого никак нельзя заподозрить, читая лишь оглавление и предисловие и не открывая самих текстов. Поэтому, насколько нам известно, они до сих пор не принимались во внимание при изучении истории шорского языка. Мы не можем включить эти тексты в корпус *хакасского* языка, но хотелось бы, чтобы тюркологи знали об их существовании. Всего от Ивана Колмакова записано 4 текста (1 сказка, 2 песни и 1 небольшой «рассказ» (больше похожий по жанру на плач) под номерами 275–278 общим объемом около 1,5 тыс. слов. Запись произведена 1–2 декабря 1890 г.

Вообще Н.Ф. Катанов не записывал специально речь шорцев. У В. Радлова есть записи шорских текстов, изданные в I томе «Образцов…» [Радлов 1866], однако при них нет метаданных – по этой причине нельзя точно сказать, где, когда и от кого они были записаны. Таким образом, судить о том, как говорили в конце XIX в. в местности около р. Анчул, можно только по текстам, записанным от Ивана Колмакова.

Сейчас эта местность относится к территории Хакасии (Таштыпский район). Большинством исследователей считается, что говор жителей с. Анчул относится к шорскому диалекту хакасского языка. В 2016–2017 г. Институт языкознания РАН провел экспедиции под руководством А.В. Дыбо по сбору материалов шорского диалекта хакасского языка в Таштыпском районе Хакасии. Собирались материалы в том числе и в с. Анчул. Если сопоставить данные, полученные в экспедиции, с текстами И. Колмакова, можно заметить, что за прошедшее время язык этой местности существенно изменился.

Изменения касаются различных аспектов языка: фонетики, лексики, грамматики, синтаксиса. Приведем некоторые иллюстрации того, что говор жителей с. Анчул сейчас с большими основаниями можно отнести к хакасскому языку, чем к шорскому. Например, ПТ **č*, **š* > *ʃ*/*ʒ* в шорском языке и шорском диалекте хакасского, ПТ **č*, **š* > *s*/*z* в литературном хакасском языке и сагайском диалекте. В текстах Ивана Колмакова мы видим шорский рефлекс с редкими исключениями: *ӱш карындаш* ‘три брата’; *пáжымҕа* ‘в мою голову’, *шык* ‘выходи’, но *аҕысты* ‘дерево.АСС’[2]. В данных опроса жителей с. Анчул присутствует вариативность рефлексов, в том числе в речи одного информанта. Примеры ответов на диагностическую анкету: *ӱш*/*ӱс* ‘три’, *чаш*/*час* ‘возраст’, *пажым*/*пазым* ‘моя голова’[3]. Пример из области гласных: в первом слоге в шорском языке ПТ **e* > *e* (*ä* в транскрипции Н.Ф. Катанова), в хакасском **e* > *i* (*и* в хакасской орфографии). У Колмакова наблюдается только шорская норма: *тäбір* ‘железо’, *ädäp* ‘будет делать’, *мäн* ‘я’. В экспедиционных данных из с. Анчул присутствуют как

[2] Примеры приводятся в орфографии оригинала.

[3] Примеры приводятся в современной хакасской графике.

шорская норма: *мен* ‘я’, *перген* ‘дал’, *ӱр эмес* ‘недолго’, так и хакасская: *килген* ‘пришел’, *иб̄іре* ‘вокруг’, а также есть еще один вариант с позиционным распределением фонем: *эт* ‘мясо’, *идем* ‘мое мясо’. В области лексики в речи современных анчульцев присутствуют хакасские версии лексем: *ағас* ***тура*** ‘деревянный дом’, ***ниме*** *бол парған?* ‘что случилось?’ там, где у Колмакова шорские: ***ӧбӧ̄ідӓ*** ‘в доме’, *нӧ̄* ***нӓбӓ*** ‘какая-то вещь’. Стоит, однако, отметить, что существенным образом лексика текстов Колмакова от лексики современного говора с. Анчул не отличается.

Отметим также некоторые грамматические различия и сходства данных идиомов. Например, родительный падеж личных местоимений в обоих случаях образуется по шорской норме с выпадением *н* и последующим стяжением окружающих его гласных в долгую. Колмаков: *сӓ̄ң палаң* ‘твой ребенок’, *мӓ̄ң кӧінымӈа* ‘моей пазухе’. Однако в современной речи анчульцев это гласная *и(и)*, а не *е(е)*: *мииң істім* ‘мой живот’, *сиң хан* ‘твоя кровь’. В прошедшем времени в обоих идиомах чаще используется причастная форма на *-ган*, чем финитная форма на *-ды* – это более свойственно хакасскому языку. В текстах Колмакова встречается шорская форма оптатива / будущего времени на *-ин*: *каі параін* ‘куда (бы) мне пойти?’, *чӧрбӓін* ‘не стану ходить’. В речи современных анчульцев эта форма не употребляется. Отметим также различия в формах настоящего времени. В текстах Колмакова присутствует только форма на *-чар* (негармонирующая): *саӈын-чӓ̄р* ‘думает’, *чӧптӓш-шӓ̄рлар* ‘советуются’, а в современном анчульском говоре – только форма на *-ча* (гармония варьирует): *сен мині көрчазың* ‘ты меня видишь’, *мин аны таныпчим* ‘я его знаю’. Интересно, что в современном шорском языке и в шорском диалекте хакасского (например, в говоре с. Матур) допустимы обе эти формы. Отрицательное деепричастие (и, соответственно, образованный от него отрицательный презенс) в обоих идиомах встречается как в хакасском варианте (*-бин*), так и в шорском (*-баан*). Колмаков: *ӧдіірбӣн-ӌӓр* ‘не убивает’, *аітпӓ̄н-чӓ̄р* ‘не говорит’; экспедиционные записи: *мен сині көрбинҷем* ‘я тебя не вижу’, *мин ухпа(а)нчам* ‘я не слышу’. Однако у Колмакова есть и третий вариант с нестянувшимся дифтонгом: *көрбӓін-калды* ‘остался незамеченным’, *ніl-бӓін-чӓ̄р* ‘не видит’.

Для полноты картины было бы хорошо также принять во внимание данные диалектологических экспедиций ХакНИИЯЛИ. К сожалению, в связи с текущей эпидемиологической обстановкой посещение архива ХакНИИЯЛИ представляет некоторые сложности. Будем надеяться, что в дальнейшем нам удастся воспользоваться этой возможностью.

В целом, можно сделать вывод, что в речи жителей с. Анчул многие шорские черты заменились чертами хакасского литературного языка и близлежащих говоров, но некоторые шорские особенности еще сохранились (хоть и в меньших количествах, чем в говорах некоторых других окрестных сел). Так что сегодня анчульский говор можно было бы с большим основанием рассматривать как один из говоров сагайского диалекта (или переходный между сагайским и шорским диалектами), чем во времена жизни Н.Ф. Катанова. Его диалектная помета о текстах выходца из Анчула была, безусловно, простой ошибкой, но отчасти она оказалась пророческой.

Литература

Катанов 1907а – Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Ч. IX. – Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Тексты. – С.-Пб., 1907. – xxxii + 668 + xlviii с. {*N.F. Katanov.* The samples of the folk literature of the Turkish tribes, published by V. Radloff. – Part IX. – The idioms of Uryankhais (Soyots), Abakan tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N.F. Katanov. Texts. – Saint-Petersburg, 1907. – xxxii + 668 + xlviii p.}

Катанов 1907б – Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Ч. IX. – Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Перевод. – С.-Пб., 1907. – xxv + 659 с. {*N.F. Katanov.* The samples of the folk literature of the Turkish tribes, published by V. Radloff. – Part IX. – The idioms of Uryankhais (Soyots), Abakan tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N.F. Katanov. Tranlations. – Saint-Petersburg, 1907. – xxv + 659 p.}

Катанов 1963 – *Катанов Н.Ф.* Хакасский фольклор (из книги «Образцы народной литературы тюркских племен» под ред. В. Радлова, ч. IX, 1907 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963. – 164 с. {*N.F. Katanov.* The Khakass folklore (from the book «The samples of the folk literature of the Turkish tribes», published by V. Radloff, part IX, 1907). – Abakan: Khakass publishing house, 1963. – 164 p.}

Катанов 2017 – *Катанов Н.Ф.* Татарский (хакасский) язык (сагайское наречие (диалект)). Часть I. Грамматика (Этимология и синтаксис). – Абакан, 2017. – 129 с. {*N.F. Katanov.* The Tatar (Khakas) language (the Sagay dialect (idiom)). Part I. Grammar (Etymology and syntax). – Abakan, 2017. – 129 p.}

Радлов 1866 – Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В.В. Радловым. Часть I: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. – С.-Пб., 1866. – xxiv + 420 с. {The samples of the folk literature of the Turkish tribes, living in Southern Siberia and the Jungar steppe, collected by V.V. Radloff. Part I. The idioms of Altai: Altay, Teleut, Chern Tatar, Lebed Tatar, Shor and Sayan dialects. – Saint-Petersburg, 1866. – xxiv + 420 p.}.

Texts in Shor collected by N.F. Katanov from a man born in the village of Ahchul

V.S. Maltseva

Moscow

Summary: This paper provides the first description of several texts in Shor collected by N.F. Katanov from a man born in the village of Ahchul. The language of these texts is compared to the data on the contemporary idiom of Anchul, collected during the expeditions of the Institute of Linguistics, RAS, in the Tashtyp district of Khakassia in 2016–2017.

Key words: Shor language, Khakas (Khakass, Khakassian) language, dialectology, language documentation, N.F. Katanov.

Vera Sergeyevna Maltseva – research assistant of Department of Uralic and Altaic Languages of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: malt.wh@gmail.com.

№ 1–2 (30–31) 2021

EKEN В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ: МОДАЛЬНОЕ СЛОВО ИЛИ МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА?

Г.С. Сахатова
г. Никосия

Резюме: Существующие на сегодняшний день грамматики туркменского языка трактуют единицу *eken* либо как модальное слово, либо как модальную частицу. Опираясь, в первую очередь, на ее сферы употребления и выражаемые при этом смыслы, в настоящей статье делается попытка определить ее служебные функции [1].

Ключевые слова: эвиденциальность, модальность, туркменский язык, модальные частицы, модальные слова.

1. Описание единицы *eken* в грамматиках туркменского языка

Единица *eken*, в разговорной речи часто *ekeni*, по-разному трактуется в грамматиках туркменского языка. Приведем несколько примеров из сфер употребления:

(1) *mugallym ekeniňiz* ‘Вы, оказывается, учитель’ (как я заметил(а)/сделал(а) выводы напр. через общение)
(2) *giden eken(i)* ‘он(а), оказывается, ушел/ушла’ (как я заметил(а)/оказывается)

В рамках данной статьи будут приведены описания из грамматик туркменского языка Э.А. Груниной [Грунина 2005] и L. Clark’a [Clark 1998]. Грамматика Э.А. Груниной [Грунина 2005: 83, 157, 179–181] трактует *eken* и как модальную частицу, и как модальное слово. Clark [Clark 1998: 386–387, 377, 456] же классифицирует *eken* только как модальное слово для выражения подтверждения. Э.А. Грунина [Грунина 2005: 157] подчеркивает активное использование *eken* как в устной, диалогической, так и в письменной речи, где она, выступая в составе именного сказуемого с помощью аффикса принадлежности, указывает на лицо субъекта: «Передавая разные смысловые оттенки (коннотации) сообщения, *eken* сохраняет свое основное значение: подчеркнутое утверждение достоверности, истинности сообщения согласно или вопреки ожиданиям говорящего». Далее, автор отмечает, что *eken* является грамматикализованной словоформой глагола *i(r)-* ‘быть’, а ее позиция в составе сказуемого определяет ее роль либо как мо-

[1] Выражаю благодарность анонимному рецензенту за ценный комментарий.

Сахатова Гюльшен Сахатовна – доктор филологических наук, асс. проф. Отделения тюркологических и средне-восточных исследований Кипрского университета, Республика Кипр, e-mail: gulshen.sakhatova@ucy.ac.cy.

дальное слово или модальная частица [Грунина 2005: 83]. Умозаключение по поводу полученной информации, факта или события, подчеркивает Э.А. Грунина, является основным смысловым оттенком единицы *eken*, напр. *awtobusda boş ýer bar eken* ‘в автобусе места оказались свободными/в автобусе были свободные места’, т. е. говорящий, опираясь на свой предыдущий опыт, готов был увидеть все места занятыми. При употреблении *eken* говорящий может испытывать эмоции, такие как удивление, одобрение, радость, и т. д. [Грунина 2005: 179–181]. Приводя случаи употребления причастия *-ýan* с единицей *eken*, автор трактует ее как модальное слово: «Конструкция *-ýan eken* в зависимости от контекста реализует два грамматических значения: модально интерпретируемое длительное действие в настоящем времени (*gelýän eken* ‘оказывается, идет’) и факт длительного действия в прошлом (*gelýän eken* ‘оказывается, шел’). Таким образом, помимо функции модальной оценки сообщаемого, *eken* имеет и формообразующую функцию в системе спрягаемых глагольных форм. То же следует сказать и о *-An eken* в функции давнопрошедшего» [Грунина 2005: 181][2].

Грамматика L. Clark’a [Clark 1998: 377–378, 386–387, 456] определяет место *eken* среди модальных слов для передачи смысла ‘как оказалось, оказывается/я выяснил, выяснилось/кажется, и т. д.: «...to express the speaker’s confirmation, based on revealed facts, that something is true». Clark также указывает на употребление *eken* в лицах и числах с помощью аффикса принадлежности, а также выделяет употребление с отрицанием *däl* ‘не’.

Итак, из вышеприведенных описаний вырисовывается следующая картина. Во-первых, грамматика Э.А. Груниной предоставляет наиболее полную характеристику единицы *eken*, приводя многочисленные примеры из сфер ее употребления. Во-вторых, автор выделяет как смысловые оттенки, эмоциональные оценки, так и грамматические значения *eken*. В-третьих, единица *eken* описана и как модальная частица, и как модальное слово. Грамматика Clark’a определяет *eken* как модальное слово с указанием на смыслы и случаи употребления. Наряду с этим, автор, характеризуя модальные слова, указывает на их основные функции, которые заключается в выражении отношения говорящего к сообщаемому с теми или иными эмоциональными оттенками [Clark 1998: 377].

Таким образом, обе грамматики квалифицируют *eken* как модальное слово и модальную частицу для выражения смысла ‘как оказалось’ как основного, которое сопровождается эмоциональной оценкой говорящего.

2. Что такое модальное слово/модальная частица?

В.В. Виноградов [Виноградов 1975: 83–84] отмечал, что «...граница между модальными частицами и модальными словами очень зыбка и подвижна». Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой [Ахманова 1966: 512] рассматривает частицы как имеющие функцию выражения отношения говорящего к высказываемому с особым выделением или уточнением какого-либо момента или стороны в этом высказывании. В том же словаре дается трактовка модальных слов, как утративших свое лексическое значение и функционирую-

[2] Здесь возможен также смысл ‘оказывается, приходил(а)’.

щих как средство описательного выражения модальности [Ахманова 1966: 229–230]. Словарь Т.В. Жеребило [Жеребило 2010: 201] в отношении модальных слов обращает внимание на то, что модальное слово как неизменяемая часть речи выражает отношение уверенности или неуверенности/предположения говорящего к высказанному сообщению в соответствии с реальностью. Что касается определения частиц, то они подразделяются на модальные и модально-волевые, где первые передают значение реальности/ирреальности, достоверности/недостоверности, вопросительности/утвердительности и т. д. [Жеребило 2010: 453].

3. Употребление *eken* в туркменском языке

Сферы употребления единицы *eken* и ее смыслы, о которых шла речь в вышеописанных грамматиках, в действительности намного шире и многообразнее. Говорящий на туркменском языке использует *eken* в следующих случаях:

1. Для выражения выявленных фактов
2. Для выражения умозаключения
3. Для передачи вторичной информации
4. В аналитических конструкциях для выражения смыслов: легкий упрек, вежливо выраженный упрек.

3.1. *Eken* для выражения выявленных фактов

(3) *men öýe gelemde, ýatan ekeniň* ‘когда я пришел домой, ты, оказывается, спал’
(4) *gözläp ýören kitabym okuwda eken* ‘книга, которую я искал(а), (была, оказывается) в школе’
(5) *ejem maňa garaşyp duran eken* ‘мама (стояла и) ждала меня’
(6) *dašary sowuk eken(i)* ‘на улице холодно, оказывается’
(7) *alma turşy eken* ‘яблоко кислое, оказывается’

Во всех перечисленных примерах источником информации является сам говорящий, который (у)видел (канал информации: визуальное восприятие), как его брат спал, где его книга, как мама ждала, или на собственном опыте/ощущениях (канал информации: субъективное телесное/вкусовое восприятие) ощутил холод или на вкус кислотность яблока. В зависимости от контекста и интенсивности, напр. телесных и вкусовых ощущений, выявленное может сопровождаться различными модально-эмоциональными оценками, такими как удивление, разочарование, радость в связи с подтверждением ожидаемого либо предполагаемого события, и т. д.

3.2. *Eken* для выражения умозаключения

(8) *biri biriňizi tanaýan ekeňiz-ä*! ‘обнаружилось/выяснилось/выявилось/я выявил/обнаружил/выследил, и теперь я знаю, что вы знакомы друг с другом’
(9) *bu iş kyn eken* ‘(я убедился на собственном опыте, поэтому заключаю/делаю вывод/теперь я знаю) эта работа очень тяжелая’

Говорящий сам является источником информации и знания, которую он получил посредством его когнитивных способностей наблюдать, переживать и делать из имеющихся предпосылок выводы/умозаключения. Часто испытываемой при этом эмоцией является *удивление*, так как говорящий не ожидал тот или иной исход событий. В лингвистике – явление, определенное как *миратив*, *адмиратив* [Delancey 1997; Plungian 2001].

3.3. *Eken* для передачи вторичной информации

В разговорной речи *eken* в целях передачи вторичной информации, как правило, не используется, так как эту функцию выполняет формант -IpdIr. Наряду с этим необходимо отметить употребление *eken* в жанре устного народного творчества, напр. в сказках, которые начинаются следующим выражением: *bir bar eken, bir ýok eken* ‘было или не было / неизвестно правда (это) или нет’; рассказчик, от лица которого ведется повествование, посредством *eken* дистанцируется от времени и событий, о которых пойдет речь, и не гарантирует, таким образом, достоверность повествования и реальность событий, напр.:

(10) *Bir bar eken, bir ýok eken, gadym zamanlarda bir çopan bar eken* ‘было или не было, давным-давно жил был один пастух’[3].

3.4. *Eken* в аналитических конструкциях

(11) *git-meli (e)keniň* а) ‘оказывается, ты должен был пойти/тебе нужно было пойти’, б) ‘(все-таки) нужно было тебе пойти’
(12) *gid-äý-meli (e)keniň* ‘тебе все-таки стоило/нужно было поехать (я считаю/думаю/желаю)’
(13) *al-aý-maly ekenik* ‘надо/нужно было нам все-таки взять (я сожалею)’
(14) *gel-meli däl ekenik* ‘не надо/не нужно было нам приходить (я сожалею)’

Пример (11) может иметь две интерпретации, одна из них, когда говорящий, узнав об обязательности совершения какого-либо действия из вторичных источников, сообщает об этом 2-му лицу. Вторая интерпретация связана со смыслом, когда говорящий, узнав о том, что 2-е лицо не совершило определенное действие, испытывает по этому поводу разочарование/недовольство и выражает 2-му лицу легкий упрек. Вторая интерпретация применима и к примеру (12), правда, говорящий, с помощью оптативного маркера -Аý смягчает свой упрек и высказывает его в очень вежливой форме. В примерах (13) и (14) говорящий выражает сожаление по поводу действий, которые не нужно было совершать.

Подобное употребление *eken* наблюдается и в некоторых диалектах туркменского языка, правда, здесь говорящий маркирует личными окончаниями глагольную форму, а не единицу *eken*, напр. литературное: *şu ýere geçirmeli eken-im* передается в сарыкском диалекте как *şöre geçir-meg-im eken* ‘я должен был/мне надо было переместить это сюда’ [Nartyýew 2010: 168-169].

[3] Начало сказки «Aždarha bilen çopan» («Дракон и пастух») [Türkmen Halk Ertekileri 2008: 13–14].

4. Итоги/дискуссия

Итак, в отношении единицы *eken* в туркменском языке возможны следующие выводы. Говорящий с помощью единицы *eken* сообщает о полученных знаниях/опыте напрямую, т. е. сенсорно (визуально, тактильно, дегустация, обоняние), так и через общение или впечатление, часто в момент речи. На их основании он выявляет, узнает, делает выводы/умозаключения. *Eken*, таким образом, подчеркивает достоверность этих знаний и опыта, так как говорящий сам является источником информации. М.А. Дмитровская называет подобные знания знаниями из непосредственного опыта, т. е. полученными перцептивно, которые в пропозиции/высказывании носят характер фиксации ощущений, где отражен собственный опыт субъекта: «Огромное количество информации человек получает через зрительный анализатор. То, что человек видел сам, имеет для него самую высокую степень достоверности. Соотношение степени достоверности сведений, полученных “из вторых рук” и из непосредственного опыта, отражено в пословице “Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать”» [Дмитровская 1988: 171].

Таким образом, первая сфера употребления (*eken* для выражения выявленных фактов) помещает единицу *eken* в область грамматической категории ‘прямая эвиденциальность/засвидетельствованность’, при которой говорящий сам является источником знания/информации или участником события, видел его и т. д. [Плунгян 2011; Aikhenvald 2004]. Вторая (для выражения умозаключения) и третья (для передачи вторичной информации) сферы употребления дислоцируют единицу *eken* в область *косвенной эвиденциальности*, при которой говорящий а) сообщает о своих выводах и умозаключениях, известных как *инферентив*, основанных также на прямом доступе к знанию/информации; в этой связи важно также отметить, что в примерах (8) и (9) говорящий может испытывать *удивление* (*миратив*/*адмиратив*), эмоциональное состояние, вызываемое при неожиданном или необычным исходе события, что превращает ее в модально-оценочную единицу, и б) передает знание /информацию ‘из вторых рук’, за достоверность которых говорящий не ручается, явление известное как *цитатив*.

И наконец, четвертая сфера употребления единицы *eken* связана с ее способностью в конструкциях с аффиксами долженствования -mAlI и оптативного маркера -Ау выражать двоякие смыслы; наряду со значениями ‘выражение выявленного факта: оказывается/я выявил/я понял, что действие должно было свершиться’, также и смыслы как ‘легкий или очень вежливо сформулированный упрек’, высказываемый в связи с недовольством говорящего 2-му лицу или сожаление, высказываемое говорящим по поводу нежелательного события 1-му лицу. В обоих случаях говорящий высказывает упрек или сожаление по отношению ко 2-ым или 1-ым лицам после того, как он выявил факты (1-я сфера употребления) или сделал выводы (2-я сфера употребления). Необходимо также отметить, что подобные высказывания эмоционально окрашены. Речь в данном случае идет о субъективно-модальных, оценочных значениях, в том числе и о желательности, как правило, оформляемых наряду с вводными словами и конструкциями также с помощью частиц [см. Плунгян 2011].

В связи с вышеперечисленным, вопрос о том, чем же является единица *eken* в туркменском языке, модальной частицей или модальным словом, является вто-

ростепенным. Первичны, на самом деле, характерные для единицы *eken* следующие три служебные функции, такие как а) указатель на достоверность сообщаемого знания, б) на возможную недостоверность/вторичность знания, а также в) после выявления фактов и умозаключения оценка того или иного события как нежелательного, когда говорящий в связи с существующим/выявленным положением вещей выражает либо недовольство/упрек (2-му лицу), либо сожаление (1-му лицу).

Тем не менее, если попытаться определить место единицы *eken* либо среди модальных частиц, либо среди модальных слов, необходимо принять во внимание следующие аспекты. Во-первых, исходить при этом из положения, что в литературном туркменском языке она может принимать личные окончания, в то время как в некоторых его диалектах остается неизменной для всех лиц и чисел. Последнее обстоятельство является одним из проблемных при толковании *eken*. Во-вторых, решению данного вопроса может способствовать анализ единицы *eken* в других тюркских языках с целью сравнения и выявления ее характерных грамматических особенностей, таких как формы словоизменения, семантические смыслы и оттенки, и т. д. Для этого в рамках данной статьи, был произведен краткий обзор грамматик и работ по казахскому языку, который выявил следующие факты. В монографии Abish [Abish 2014: 93, 28, 48–51, 81, 104] о модальности в казахском языке в Китае, *eken* толкуется как а) эвиденциальная/косвенная частица, б) копула, а также в) как риторическая частица. Автор при этом подчеркивает, что во всех своих трех обличиях *eken* имеет разные функции. Как риторическая частица, она, в отличии от эвиденциальной, не принимает личных окончаний и не имеет эвиденциальной семантики. Abish, ссылаясь на Johanson'a [Johanson 2012: 55–56], указывает на то, что этимология этих двух вариантов частицы также различна: *eken* как косвенная частица может быть отнесена к единице *ärkän,* тогда как *eken* в качестве риторической частицы восходит своими корнями к единице *ärkin*[4]. Также как и в туркменском языке (примеры 11–14), *eken* будучи риторической частицей в казахском языке, в комбинации, напр. с маркером условного наклонения -sA + *eken*, может выражать различные модальные смыслы, такие как сильное страстное желание или надежду, а также разочарование, в зависимости от порядка слов в высказывании[5]. В качестве косвенной частицы в комбинации с частицей *γoy eken* выражает миратив, т. е. оценку по поводу новой, неожиданной информации. Равно как и в туркменском языке, в функции косвенной частицы может передавать вторичную информацию, умозаключение. Далее, в грамматиках казахского языка *eken* фиксируется тремя терминами: копула, эвиденциальная единица или же как эвиденциальная копула [Muhamedowa 2016: 2, 3, 18, 181–185, 202, 208]; автор перечисляет случаи употребления в вежливых вопросах, а в комбинации с -sA + *eken* в выражении ирреальных желаний.

[4] Данные положения нуждаются в дальнейших и в более системных исследованиях; в этой связи см. также [Johanson 2003].

[5] В словаре [Röhrborn 2010: 153–154] приводятся примеры использования подобной комбинации <ä...di ärsär> в доисламских тюркских (староуйгурских) текстах для выражения ирреальных желаний.

Таким образом, грамматическая неординарность единицы *eken* в туркменском языке (способность изменяться по лицам и числам, а также фрагментарная неизменяемость по лицам и числам, напр. в диалектах) с одной стороны, а с другой, ее функциональное разнообразие (вышеотмеченные три служебные функции), помещают единицу *eken* в межзональное пространство: в пространство между категориями *эвиденциальность* и *оценочная модальность*. В этом межзональном пространстве *eken*, по крайней мере, в отношении формальных явлений в литературном туркменском языке, проявляет себя как модальное слово.

Литература

Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – {*O.S. Akhmanova*. Glossary of linguistic terms. – Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1966.}

Виноградов 1975 – *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Издательство Наука, 1975. – С. 53–87. {*V.V. Vinogradov*. On the category of modality and modal words in Russian // Selected works. Researches on Russian grammar. – Moscow: Izdatelstvo Nauka, 1975. – PP. 53–87.}

Грунина 2005 – *Грунина Э.А.* Туркменский язык. Учебное пособие. – Москва: «Восточная литература» РАН, 2005. {*E.A. Grunina*. Turkmen language. Study guide. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2005.}

Дмитровская 1988 – *Дмитровская М.А.* Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенсиональности. Сборник научных трудов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 166–188. {*M.A. Dmitrovskaya*. Knowledge and reliability. – Moscow: Institut Yazikoznaniya AN SSSR, 1988. – PP. 166–188.}

Дмитровская 1988 – *Дмитровская М.А.* Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенсиональности. Сборник научных трудов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 166–188. {*M.A. Dmitrovskaya*. Knowledge and reliability. – Moscow: Institut Yazikoznaniya AN SSSR, 1988. – PP. 166–188.}

Жеребило 2010 – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. {*T.V. Zherebilo.* Glossary of linguistic terms. – 5th ed., revised and ext. – Nazran: OOO «Piligrim», 2010.}

Плунгян 2010 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. {*B.A. Plungian*. Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. – Moscow: RGGU, 2011.}

Abish 2014 – *Abisch A.* Modality in Kazakh as spoken in China. – Uppsala: Elanders Sverige AB. 2014. (In English.)

Aikhenvald 2004 – *Aikhenvald A.Yu.* Evidentiality. – Oxford: Oxford University Press. 2004. (In English.)

Clark 1998 – *Clark L.* Turkmen reference grammar. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. (In English.)

Delancey 1997 – *DeLancey S.* Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // Linguistic Typology 1. – 1997. – PP. 33–52. (In English.)

Johanson 2003 – *Johanson L.* Evidentiality in Turkic // A. Aikhenvald & R.M.W. Dixon (eds.) // Studies on evidentiality // Typological studies in language. 54. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2003. – PP. 273–290. (In English.)

Johanson 2012 – *Johanson L.* Notes on Turkic stance particles // M. Erdal & I. Nevskaya & A. Menz (eds.) // Areal, historical and typological aspects of South Siberian Turkic. (Turkologica 94.) – Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. – PP. 51–58. (In English.)

Muhamedowa 2016 – *Muhamedowa R.* Kazakh. A Comprehensive grammar. – London and New York: Routledge, 2016. (In English.)

Nartyýew 2010 – *Nartyýew N.* Türkmen dialektologiýasy. Ýokary okuw mekdepleri üçin okuw kitaby. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2010.

Plungian 2001 – *Plungian V.A*. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of pragmatics. – 2001. – No. 3. – PP. 349–357. (In English.)

Röhrborn 2010 – *Röhrborn K.* Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. I.Verben ab- – äzügla-, neubearbeitet. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. (In German.)

Türkmen Halk Ertekileri, 2008. Aždarha bilen çopan / «Дракон и пастух». – Aşgabat: YTÝG-niň "Ylym" neşirýaty, 2008. – S./С. 13–14.

EKEN IN TURKMEN: MODAL WORD OR MODAL PARTICLE?

G.S. Sakhatova

Nicosia

Summary: The current Turkmen grammars treat the unit *eken* either as a modal word or as a modal particle. The present paper attempts to determine its functional features based primarily on its usage scopes and the meanings it expresses.

Key words: evidentiality, modality, Turkmen, modal particles, modal words.

Gulshen Sahatovna Sakhatova – Ph.D. in philology, assistant professor, Department of Turkish and Middle Eastern Studies, University of Cyprus, Republic of Cyprus, e-mail: gulshen.sakhatova@ucy.ac.cy.

№ 1–2 (30–31) 2021

КОНЦЕПТ «КЛЯТВА» В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

И. В. Шенцова
г. Новосибирск

Резюме. В статье описываются разноуровневые языковые явления, относящиеся к концепту «клятва» в шорском языке. Лексический материал шорского языка рассматривается на фоне данных других тюркских языков. Шорские лексемы *шерт-* ‘клясться’ и *шертениш* ‘клятва’ приобрели коннотацию ‘присяга русскому царю’ и стали историзмами. Клятва как произведение речевого жанра используется в составе шорских эпических текстов в ситуациях, описывающих ритуалы побратимства и сватовства.

***Ключевые слова*:** тюркские языки, шорский язык, лексикология, концепт.

Лингвистические данные коренного населения являются важным свидетельством исторических процессов, отраженных в языке. Системное описание словарного фонда актуально для сохранения и развития языка такого малочисленного этноса, как шорцы, который переживает процессы культурной и языковой ревитализации.

Описание средств выражения понятия «клятва» в шорском языке проводится в рамках освещения особенностей формирования речевых жанров. В этой связи системному анализу подвергаются как единицы лексического уровня, так и речевые произведения, содержащие идею «торжественного обещания». Шорские лексемы, обозначающие понятие «клятва», рассматриваются в сопоставлении с лексическими единицами других тюркских языков.

Выбранный метод описания языкового материала в данной работе способствует комплексному освещению заявленной проблемы: под термином «концепт» имеется в виду «оязыковленное понятие» [АнгРС 2001: 71–74, 251].

Для плана содержания концепта «клятва» в шорском языке актуальны смыслы: 1) ‘торжественное утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-либо священного, ценного, авторитетного’ (‘*клятва*’) и 2) ‘торжественное обещание соблюдать верность, поступать правильно, по закону, преданно служить кому-л.’

---

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Шенцова Ирина Витальевна – доктор филологических наук, доцент, г. н. с. Института филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН); e-mail: ivshen@yandex.ru.

(‘*присяга*’). При толковании терминов русского языка отмечается включенность понятия ‘*присяга*’ в структуру лексического значения слова ‘*клятва*’ [ТСРЯ 1935: 1381; ТСРЯ 1939: 1424].

1. Лексемы, **выражающие понятие ‘*клятва*’ ~ ‘*присяга*’.** Лексема ***шерт*** ‘божба’, ‘клятва’, ‘присяга’ отмечена В. Вербицким для диалектов шорского языка (томского и кондомского) в его словаре 1884 г. (цит. по [СВ 2005: 448]).

Эта лексема представлена в фонетических вариантах и близких лексических значениях во многих тюркских языках: алт. ***черт*** ‘клятва’ [РАлтС 1964: 246]; хак. ***сирт*** ‘клятва’, ‘присяга’ ***сиртке кірерге*** ‘присягать (‘в присягу войти’) ’, ***сирт сайбирга*** ‘нарушать присягу’, ***сиртен-*** уст. ‘давать клятву’, ‘присягать’, ‘божиться’ [ХРС 2006: 472]; каз. , кир. , к. -к. ***серт ~ шерт*** ‘клятва’ [КазТС 1961: 485; КирРС 1965: 906; РК-кС 1967: 342]; уйг**.** ***шәрт*** ‘условие’, ‘договор’; ***шәрт ичмәк*** ‘поклясться’, ‘дать клятву’; ***шәртләмәк*** ‘уславливаться’, ‘договариваться’; ***шәрт намә*** ‘письменное условие’, ‘договор’, ‘соглашение’, ‘контракт’ [УйгРС 1968: 546]; тур. ***şart*** ‘условие’, ‘соглашение, контракт’, ‘оговорка’ [ТурРС 1945: 561].

Происхождение слова ***шерт ~ серт ~ сирт*** мы связываем с др. -т. глаголом ***ser-*** ‘терпеть’, ‘выносить’. Этот глагол имеет форму возвратного залога ***serin-*** ‘терпеть’, ‘удерживаться’ [ДТС 1969: 496]. Соответственно, ***sert-*** может быть формой понудительного залога в значении ‘принудить к подчинению’: ***sert!*** ‘Повинуйся!’

2. Лексема ***шерт*** в эпоху расширения границ Российской империи была заимствована русским языком. Слова ***шерть*** (клятва, которую давала верхушка знати инородцев, присягая русскому императору) и ***шертовать*** (присягать) вошли в «отписки» воевод (тобольских, тюменских, верхнетурских, мангазейских, томских, кетских, нарымских, кузнецких), начиная с 1600 г.

Так, в «Истории Сибири» Г. Миллер приводит интересные сведения о действиях русских посланников по обращению в подданство «инородцев».

«После поражения Кучума в 1598 г. и гибели его в “Колмаках” [Миллер 1941: 502], Кучумовы дети – Алей царевич с братьями – стали ссылаться с калмыками, стараясь породниться с ними и заключить договор против русских.

В январе 1607 г. к калмыцким тайшам было отправлено с Тары посольство призывать их к **шерти**; в июне того же года на Тару приехал тайша Кугонай с 20 калмыками в качестве посланников от тайш Баатыря и Ичинея, прося принять их под царскую руку и разрешить кочевать в верховьях Иртыша у Соленого озера, и выражая готовность платить ясак конями, верблюдами или коровами. Кугонай **шертовал** за себя и за 49 тайш и их улусных людей, “да с ними же кочуют тайши, 45 человек, и теми де … тайшами владеют они ж тайша Баатырь с товариши”. … Число улусных людей, по его словам, достигало 120 тыс. человек» [Миллер 1941: 557].

В Сибирском приказе указывается: «При **шертовании** следует записывать имена калмыцких тайш и улусных людей, раздавая им однорядки, шапки и сукна и поить и кормить … их довольно», но вместе с тем «от них оберегаца, чтобы над ними (головами) и над нашими людьми какого дурна не учинили»; те же предосторожности следовало соблюдать и в отношении лучших калмыков, которые приедут на Тару: обнадеживая их государевым жалованьем, сообщить им о раз-

решении кочевать «в Сибирской земле по Иртышу и на Оми и по Камышлову и иных местах, где похотят», обещать им защиту от их недругов: «от Казацкие орды и от нагай и от Алтына царя» при условии, что они будут служить и «прямить во всем навеки неподвижно; а ясак с них взяти … лошедьми по их воли, сколько они дадут», и, наконец, звать лучших тайш ехать в Москву. В случае же если калмыки «не поверят и к … великому государю ехать не похотят», предлагалось им дать для веры «закладных людей».

Одновременно воеводы должны были отправить посольство также к тайшам Урлюку и Курсугану, предлагая им то же, что и прочим, лишь бы они согласились **шертовать** и дали бы «заклады» в город Тару. В случае отказа посылать против них ратных людей запрещено, «докуды большие калмыцкие тайши Ичиней да Баатырь с товарищи в (государевом) жалованье укрепяца». Разрешено также калмыкам, принесшим **шерть**, приходить с «базаром, с лошадьми» на Тару и торговать **беспошлинно** за острогом с русскими служилыми людьми, «на сукна и на бумагу пищую … лошади меняти»; собранных в ясак лошадей предписано отсылать в Москву.

В 1621 г. конные казаки (120 человек) и томские татары (100 человек) сражались с киргизами. «Побив киргизов, а остальных киргизов и басагарских людей приведя к **шерти**, чтобы они давали ясак по 10 соболей с человека, и, собрав ясак в 12 сороков соболей, служилые пришли в Мелесскую землю и поставили в ней острог» [Миллер 1941: 563].

В 1641 г. служилые люди из Ачинского острога вступили в бой с киргизами около р. Июс. «Киргизы потерпели поражение, **шертовали** и выдали аманатов» [Миллер 1941: 577].

3. Слово ***шерт*** (***шерть***) приобрело коннотации, связанные только с принятием присяги русскому императору, и перестало использоваться в других ситуациях. Это употребление слова подчеркивается примером из фольклора: хак. *Ах хонга* ***сирт*** *чеен соонда* ‘после принятия присяги Белому хану’ [ХРИЭС 1999: 114] (*Белый хан* обозначает ‘русский царь’).

Так, в словарный фонд южных и западных тюркских языков вошли слова, обозначающие понятие «клятва», арабского происхождения: ***ант*** < араб. النذر [*al-nаđr*] ‘торжественное обещание, обет’ и [*nuđr*] ‘предупреждение, извещение’, а также перс. نذر [*näzr*] ‘клятва’ и ***касам*** < араб. قسم [*qasam*] ‘отделение’[2].

Лексемы ***ант*** и ***касам*** в одних тюркских языках входят в синонимический ряд с лексемой ***серт ~ шерт***, а в других языках ***серт ~ шерт*** в словарях не упоминается: уйг. *ант; қәсәм*; каз. *ант, серт*; кир. *ант, касам*; тат. *ант*; баш. *ант*; к-к *ант, серт, шерт*; як. *андаҕар*; тур. *ant, yemin* ; азер. *анд*; узб. *онт, касам* [РУйгС 1956: 484; РКазС 1954: 278; РКирС 1957: 284; РТатС 1971: 260; РБашС 2005: 466; РК-кС 1967: 342; РЯкС 1968: 228; РТурС 1972: 327; АзРС 1955: 154; РУзбС 1954: 294].

У народов, не охваченных российской государственностью, слово ***шерть*** неизвестно. Так, Г. Н. Потанин пишет: «У Сальджаков (урянхайцевъ) на Хуахеме выражением *джягянга к(и)рип тур* ‘войти в джагянь’ обозначают клятву. Обряд

[2] URL: http://arabus.ru/search/%D9%86%D8%B0%D8%B1; http://www.farhang.ru/ (дата обращения: 30.05.2021).

заключения братства называется ***тангуракъ*** (нож, лезвие)» [Потанин 2005: 39]. В современном тувинском языке слово ***таңгырак*** имеет значение ‘клятва’ [РТувС 1953: 218].

4. Обряды, связанные с произнесением присяги, отражены в записях исследователях, а также в фольклоре.

Так, манипуляции при произнесении клятвы у народов Саяно-Алтая описаны Г. Н. Потаниным. Он пишет, что у сальджаков (урянхайцевъ) на Хуахеме при обряде заключения братства произносят клятву, которая состоит в том, что говорят: *кунь ай куруп тур* (*күн ай көрүп тур*) ‘видит это солнце и месяц’. При этом лижут конец ружья, лезвие ножа, наконец, пьют воду, в которую положен череп медведя со словами: «Как я пью эту воду, так пусть съест меня медведь».

Обряд клятвы или присяги у алтайцев заключается в том, что клянущийся садится на шкуру медведя и целует его в ноздри. Медведь считается карателем за преступления (например, в случае оговора в невозврате долга).

«У теленгитов на Чуе существует обычай заключать союз братства; при этом один лижет лезвие топора, другой – дуло».

Алтайское выражение ***шерть ич*** (букв. ‘пей шерть!’) обозначает ‘прими клятву’. По-видимому, прежде при клятве что-то ели или пили [Потанин 2005: 39].

Этот момент отражен в хакасском выражении ***сирт чиирге*** ‘дать клятву’ (букв. ‘есть клятву’) [ХРИЭС 1999: 114].

Ритуал «целования оружия» при принятии присяги описал В. И. Вербицкий, бывшим свидетелем приведения к присяге «на верноподданство Русскому Императору» теленгитов.

Он описывает тяжелое положение этого народа в связи с их положением «двоеданцев»: «Теленгуты, обитающие в долинах Чуи, Чолышмана и Башкоуса … назывались официально двоеданцами … и подчинялись двум правительствам – китайскому и русскому, и платили две подати … Зайсаны их утверждались китайским правительством и получали от него жалованье … (в Бийское окружное казначейство вносили «моральи и лосиные кожи», китайскому правительству – соболиные шкурки) <…>.

В 1846 г. принятыя начальником Томской губернии меры к ограждению прав двоеданцев от притеснений китайских чиновников и усиление деятельности земских властей в местах расположения их стойбищ, вызвали тогда же в части (432 человека с семействами) этого племени желание принять присягу на верноподданство Русскому Императору, а вслед за тем и все племя двоеданцев обратилось с ходатайством о принятии его в число русских подданных. В начале 1865 г. на это было испрошено Высочайшее соизволение, а летом ими торжественно принята присяга в местах их разположения.

Обряд присяги был совершен в присутствии бийскаго исправника и у многих русских купцов, приехавших для торговли, с возможным по местности церемониалом.

Выстроенный в полной форме Чуйский отряд казаков, во время объявления Высочайшаго соизволения о принятии двоеданцев в подданство России, взял ружья на караул, а при произнесении имени Государя Императора сделал три залпа. Потом, по переводе на туземный язык клятвеннаго обещания, началось по обычаям целование ружейного дула, поставленного на другия солдатские ружья. Ко-

гда затем казаки были поздравлены с новыми русскими подданными, они громогласно прокричали “ура!”» [СВ 2005: 68][3]. К сожалению, текст произносимой клятвы не приводится.

5. Судьба лексемы ***шерт*** в шорском языке. В лексикографическом издании XX в. лексема ***шерт*** представлена в виде своих дериватов: ***шертен-*** ‘божиться’, ‘клясться’, ‘присягать’; ***шертениш*** ‘клятва’ [ШРС 1993: 68]. Предварительная выборка шорских фольклорных и авторских текстов этих лексем не обнаружила. В рассмотренных текстах не использовались ситуации, в которых требовалось бы реализовывать понятие «клятва», «присяга», «обет».

В переводных произведениях с русского языка на шорский слово ***шерт*** уже не употребляется. Так, при переводе повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (издание перевода 1941 г.) используется русское заимствование. Следующие фразы: «*Присягай*, – сказал ему Пугачев, – государю Петру Феодоровичу!» [Пушкин 1960: 341] и «Я природный дворянин; я *присягал* государыне императрице: тебе служить не могу» [Пушкин 1960: 350] на шорский язык переведены как «Государьга Петр Феодоровичке ***присягать эт!***» [Арб. 1941: 82] и «Мен тугарда туган дворянинним; мен государыня императрицага ***присяга пергем***: саага служить эт полбассым» [Арб. 1941: 95].

Фактически слово ****шерт*** и соответствующие дериваты в шорском языке стали историзмами.

6. Дополнительные лексемы, обозначающие понятие «клятва», в шорском языке. В издании [ШРС 1993: 23] зафиксированы шорские слова ***қарған-*** ‘клясться’, ***қарғаныш*** ‘клятва’, но ***қарға-*** ‘проклинать’, ***қаргыш*** ‘проклятие’.

Древнетюркская лексема ***qarğa-*** ‘проклинать’, ‘ругать’ имеет залоговые дериваты ***qarğal***, ***qarğaš-***, ***qarğat-***, ***qarğan-***, но значение ‘клясться’ не указано [ДТС 1969: 426]. Форма возвратного залога ***қарған-*** ‘клясться’, ‘божиться’ и существительное ***қарғаныш*** ‘божба’, ‘клятва’ отмечена в [СВ 2005: 132], но в хакасском языке ***харғаныс*** ‘заклинание’, ‘проклятие’ [РХС 1961: 316].

В шорских текстах примеров с лексемами ***қарған-*** ‘клясться’, ***қарғаныш*** ‘клятва’ пока не обнаружено, но слова ***қарға-*** ‘проклинать’, ***қаргыш*** ‘проклятие’ являются частотными. Они используются в фольклорных текстах в типовых эпизодах:

Тоғус күнниң пажында улуг тойы тозулду <…> Чиликтиг сөөк чигеннери ***алғап*** *нандылар; қуруг томуқ кебиргеннери* ***қарған*** *нандылар* ‘На девятый день великий пир окончился … Те, которые ели кости с жиром, *благословляя* возвращались. Те, которые грызли сухие кости без мяса, *проклиная* возвращались’ [ШФ 1940: 32, 35];

Мен Кудайға ***қарғатқан*** *кижибим.* / *Шынық чайаннаң артық уңнарға санағамда,* / *Шынық чайан* ***қарғабысқан****, – тедир* [ДШ 2008: 164] ‘Я та, что *проклята* самим Творцом, /Я *проклята* только за то, / Что посмела знать много больше, Чем Бог наш Творец’ [ДШ 2008: 169].

7. Клятва как речевое произведение встречается в шорских текстах, но слова ***шерт***, ***қарғаныш*** ‘клятва’ в них не используются, смысл ‘клятва’ складывается из общего содержания высказывания.

[3] Орфография первоисточника сохранена.

В шорских текстах присутствуют две ситуации, в которых персонаж произносит клятву: при обряде побратимства и при сватовстве. Пример клятвы при сватовстве:

«*Эзе, Чаш Көөк, улуг сөске уйат чоқ! Тилим қуда ползун! Тизем күзе ползун! Тага чөрзең, тайағының полай! Суга чөрзең, чөлегиң полай! Идибиссең, эжиктағы идиң полай! Чышқырбыссаң, көзең полай! Адап шаптап сени аларға келдим. Чаш Көөк, мен, Чаш Пилекке, парғай-педиң?*» ‘«О, Чаш Көөк в великом слове стыда нет, язык мой сватом пусть будет, колено мое зятем пусть будет! Если на гору пойдешь, посохом буду я! Если в воду пойдешь, твоей опорой буду я! Если вытолкнешь, у двери собакой я стану! Если выбросишь, ожегом да буду я! Хваля-прославляя, я пришел взять тебя (в жены). Пойдешь ли ты, Чаш Көөк, за меня, Чаш Пилека?»’ [ШФ 1940: 232–233].

Обряд побратимства, при котором подразумевается произнесение клятвы, также описан в шорском эпосе:

Аба Қулақпа Эрес Тайчы алтын оқтарын алыштыра суғунуп, эргек чарыш, қан ортажып, сыын мүүзинче ийги нанчы полдулар ‘Аба Кулак и Эрес Тайчи обменялись друг с другом золотыми пулями, разрезав большой палец, друг у друга кровь сосали, стали они друзьями, как пара рогов’ [ШФ 1940: 198–199]. Текст клятвы при этом не приводится, но приличествующие данному обряду высказывания можно обнаружить в составе благопожеланий:

Торғудаң үзүлбес полып қалааң! ‘(Крепче) неразрываемого шелка давай будем’ (т. е. верными)’; *Тостаң қадыл туган полааң!* ‘Плотнее слоев бересты, (близкими) родственниками давай станем!’ [ДШ 2008: 342–343].

Заключение. В лексическом фонде шорского языка отражены лексемы ***шертен-*** ‘клясться’ и ***шертениш*** ‘клятва’, соотносимые с лексемой ****шерт***, общей для большинства тюркских языков. Лексема ****шерт*** и ее дериваты, а также ***қарған-*** ‘клясться’, ***қарғаныш*** ‘клятва’ вошли в состав пассивного фонда шорского языка.

Образцы речевых высказываний, эквивалентные по содержанию понятию «клятва», сохранились в составе эпических текстов и текстов благопожеланий.

Сокращения

аз.	азербайджанский язык	тув.	тувинский язык
алт.	алтайский язык	тур.	турецкий язык
баш.	башкирский язык	туркм.	туркменский язык
др. -т.	древнетюркские языки	узб.	узбекский язык
каз.	казахский язык	уйг.	уйгурский язык
кир.	киргизский язык	хак.	хакасский язык
к. -к.	каракалпакский язык	шор.	шорский язык
тат.	татарский язык	як.	якутский язык

Литература

АнгРС 2001 – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. *А.Н. Баранова*, *Д.О. Добровольского*. – Изд. 2-е, испр. и доп.– М.: Азбуковник, 2001. – 640 с. {English-Russian dictionary on linguistics and semiotics / ed. *A.N. Baranov and D.O. Dobrovolskiy*. – 2nd edition, revised and enlarged. – Moscow: Azbukovnik, 2001 – 640 p.}

Арб. 1941 – *Пушкин А.С.* Капитаннынъ кызы / Пер. на шорский язык *И.Я. Арбачакова*. – Новосибирск: Новосибирский областной государственный издательство, 1941. – 171 с. {*A.S. Pushkin. Kapitannyŋ qyzy* (A captain's daughter) / Translated into Shor by *I.Y. Arbachakov*. – Novosibirsk: Novosibirskiy Oblastnoy Gosudarstvennyi Izdatelstvo, 1941. – 171 p.}

БашРС 1996 – Башкирско-русский словарь. Башҡортса-русса һүзлек. – М.: Дигора, Русский язык, 1996. {Bashkirsko-russkiy slovar'. Başqortsa-russa hüzlek [Bashkir-Russian dictionary] – Moscow: Digora, Russkiy yazyk, 1996.}

ДТС 1969 – Наделяев, В.М., Насилов, Д.М., Тенишев, Э.Р., Щербак, А.М. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. {V.M. Nadelyayev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Old Turkic dictionary. – Leningrad: Nauka, 1969.}

ДШ 2008 – Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. {Spiritual Shoria. Shor folklore in records and from the archive of Professor A.I. Chudoyakov. – Kemerovo: IPP «Kuzbass», 2008.}

Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / Сост. прот. *Игорь Кропочев*. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 372 с. {Memoires of Vasiliy Verbitskiy, priest of Kuznetsk Department of the Altai orthodox mission / ed. by archpriest (protohierey) *Igor Kropochev*. – Novokuznetsk: Sreteniye, 2008. – 371 p.}

КазТС 1961 – Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Толковый словарь казахского языка. Том 2. – Алматы: Қазақ ССР Ғылым Академиясының баспасы, 1961. {Qazaq tïlïnï tüsïndïrme sözdïğï. (Kazakh explanatory dictionary). Volume 2. – Almaty: Qazaq SSR Gılım Akademiyasını baspası, 1961. (in Khazakh.)}

КиргРС 1965 – Киргизско-русский словарь. Кыргызча-орусча сөздүк / Составил проф. *К.К. Юдахин*. – М.: Советская энциклопедия, 1965. {Kyrgyzça-orusça sözdük. (Kirgiz-Russian dictionary) / ed. by professor *K.K. Yudakhin*. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965.}

КмдРС 1995 – Кумандинско-русский словарь / Составители: *Л.М. Тукмачев*, *М.Б. Петрушова*, *Е.И. Тукмачева*. – Бийск: «Бийский котельщик», 1995. {Kumandy-Russian dictionary / ed. by *L.M. Tukmachev*, *M.B. Petrushova*, *Ye.I. Tukmacheva*. – Biysk: «Biyskiy ugolshchik kotelshchik», 1995.}

Миллер 1941 – *Андреев А.И., Бахрушин С.В., Богоявленский С.К.* Примечания к главам 6–9 «Истории Сибири» // Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л.: АН СССР, 1941. – С. 547–586. {*A.I. Andreyev, S.V. Bakhrushin, S.K. Bogoyavlenskiy.* Notes to 6th–9th chapters of the «History of Siberia» // G.F. Miller. The History of Siberia. – Moscow–Leningrad, 1941. – PP. 547–586.}

ОРС 1947 – Ойротско-русский словарь / Сост. *Н.А. Баскаков*, *Т.М. Тощакова*. Под общей ред. *Н.А. Баскакова*. – М.: ОГИЗ Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1947. {Oyrot-Russian dictionary / compiled by N.A. Baskakov, T.M. Toshchakova. Ed. by N.A. Baskakov. – Moscow: OGIZ Gos. Izdatelstvo Inostrannykh i Natsionalnykh Slovarey, 1947.}

Потанин 2005 – *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. – Изд. 2-е. – Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 2005. – 1026 с. {*G.N. Potanin*. Essay on North-Western Mongolia. – 2nd Edition. – Gorno-Altaysk: «Ak Chechek» Publishing House, 2005. – 1026 p.}

Пушкин 1960 – *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. Романы и повести. – М.: Художественная литература, 1960. – С. 286–411. {*A.S. Pushkin.* A captain's daughter // A.S. Pushkin. Selected works in 10 volumes. Vol. 5. Novels and stories. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1960. – PP. 286–411.}

РАзС 1955 – Русско-азербайджанский словарь. – Баку, 1955. {Russian-Azerbaijani dictionary. – Baku, 1955.}

РАлтС 1964 – Русско-алтайский словарь / под ред. *Н.А. Баскакова*. – М.: Советская энциклопедия, 1964. {Russian-Altai dictionary / Ed. by *N.A. Baskakov*. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964.}

РБашС 2005 – Русско-башкирский словарь / под ред. академика *З.Г. Ураксина*. Том 1. А–О. Том 2. П–Я. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. – 808 с. {Russian-Bashkir dictionary / ed. by academician *Z.G. Uraksin*. Vol. 1. A–O. Vol. 2. P–Ya. – Ufa.: «Bashkirskaya entsiklopediya» Scientific Publishing House, 2005. – 808 p.}

РКазС 1978 – Орысша-Қазақша сөздік. Русско-казахский словарь. 1, 2 том. – Алматы: Қазақ Совет Энциклопедиясының Бас Редакциясы, 1978. {Orysşa-Qazaqşa sözdïk. (Russian-Kazakh dictionary). Vol. 1, 2. – Almaty: Qazaq Sovet Ėntsiklopediyasını Bas Redaktsiyası, 1978.}

РКирС 1957 – Русско-киргизский словарь. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1957. {Russian-Kyrgyz dictionary. – Moscow: Gosudarstvennoye Izdatelstvo Inostrannykh I Natsionalnykh Slovarey, 1957.}

РК-кС 1967 – Русско-каракалпакский словарь / под ред. *Н.А. Баскакова*. – М.: Советская энциклопедия, 1967. {Russian-Karakalpak dictionary / ed. by *N.A. Baskakov*. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1967.}

РТатС 1971 – Русско-татарский словарь. – Казань: Татарское книжное издательство, 1971. – 804 с. {*RTatS.* – Russian-Tatar dictionary. – Kazan: Tatarskoye Knizhnoye Izdatelstvo, 1971. – 804 p.}

РТувС 1953 – Русско-тувинский словарь / под ред. *А.А. Пальмбаха*. – М.: Гос. Издательство иностранных и национальных словарей, 1953. {Russian-Tuvan dictionary / ed. by A.A. Palmbach. – Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1953.}

РТурС 1972 – *Мустафаев Э.М.-Э., Щербинин В.Г.* (сост.). Русско-турецкий словарь. Rusça-Türkçe sözlük. – М.: Советская энциклопедия, 1972. {*E.V.-E. Mustafayev, V.G. Shcherbinin* (comp.). Russian-Turkish dictionary. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1972.}

РУзбС 1954 – Русско-узбекский словарь / под ред. *Р. Абдурахманова*. – М.: Гос. Издательство иностранных и национальных словарей, 1954. – 1046 с. {Russian-Uzbek dictionary/ ed. by *R. Abdurakhmanov*. – Moscow: Gosudarstvennoye Izdatelstvo Inostrannykh I Natsionalnykh Slovarey, 1954. – 1046 p.}

РУйгС 1956 – Русско-уйгурский словарь / под ред. *Т.Р. Рахимова*. – М.: Гос. Издательство иностранных и национальных словарей, 1956. {Russian-Uyghur dictionary/ ed. by *T.R. Rakhimov*. – Moscow: Gosudarstvennoye Izdatelstvo Inostrannykh I Natsionalnykh Slovarey, 1956.}

РХакС 1961 – Русско-хакасский словарь / под ред. *Д.И. Чанкова*. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1961. 968 с. {Russian-Khakass dictionary / ed. by *D.I. Tchankov*. – Moscow: Gosudarstvennye Izdatelstvo Inostrannykh i Natsionalnykh Slovarey, 1961. – 968 p.}

РЯкС 1968 – Русско-якутский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1968. {Russian-Yakut dictionary. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968.}

СВ 2005 – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Составил Протоиерей В. Вербицкий. – Изд. 2-е. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. – 504 с. {Dictionary of Altai and Aladagh dialects of the Turkic languages / comp. by archpriest (protohierey) V. Verbitskiy. – 2nd Edition. – Gorno-Altaysk: Ak-Chechek, 2005. – 504 p.}

ТелРС 1995 – *Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А.* Телеут-орус сӧзлик. Телеутско-русский словарь / Науч. ред. *Н.Н. Широбокова*. – Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995. {*L.T. Ryumina-Syrkasheva, N.A. Kuchigasheva*. Teleut-orus sözlik (Teleut-Russian dictionary) / ed. by *N.N. Shirobokova*. – Kemerovo: AO Kemerovskoye knizhnoye izdatelstvo, 1995.}

ТСРЯ 1935, 1939 – Толковый словарь русского языка / под ред. *Д.Н. Ушакова*. В 4-х томах. Т. 1. – М.: Гос. институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ, 1935. – 1565 (1562) стб.; Т. 3. – 1424 стб. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. – 1424 с. {Russian explanatory dictionary / ed. by *D.N. Ushakov*. In 4 volumes. Vol. 1. – Moscow: Gos. Institute «Sovetskaya entsiklopediya», OGIZ, 1935. – 1565 (1562) columns; Vol. 3. – Moscow: Gosudarstvennoye Izdatelstvo Inostrannykh i Natsionalnykh Slovarey, 1939. – 1424 columns.}

ТувРС 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. *Э.Р. Тенишева*. – М.: Советская энциклопедия, 1968. {Tuvan-Russian dictionary / ed. by *E.R. Tenishev*. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968.}

ТурРС 1958 – Турецко-русский словарь / Сост. *Д.А. Мазанник*. Под ред. чл. -корр. АН СССР проф. *В.А. Гордлевского*. – Изд. 2, перераб. и доп. – М: ОГИЗ Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1945. – 704 с. {Turkish-Russian dictionary. Comp. by *D.A. Mazannik*. Ed. by *V.A. Gordlevskiy*. – 2nd Edition, revised and extended. – Moscow: OGIZ Gosudarstvennoye Izdatelstvo Inostrannykh i Natsionalnykh Slovarey, 1958. – 880 p.}

УйгРС 1968 – Уйгурско-русский словарь / Сост. *Э.Н. Наджип*. Под ред. *Т.Р. Рахимова*. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. – 828 с. {Uigur-Russian dictionary / comp. by *E.N. Nadjip*. Ed. by of *T.R. Rahimov*. – Moscow: «Sovetskaya entsiklopediya» Publishing House, 1968. – 828 p.}

ФШ 2010 – Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 годов // (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29) / Сост. *Л.Н. Арбачакова*. – Новосибирск: Наука, 2010. {Shor folklore: in notes of years 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 // (The monuments of folklore of peoples of Siberia and the Far East; Vol. 29) / Comp. by *L.N. Arbachakova*. – Novosibirsk: Nauka, 2010.}

ХРИЭС 1999 – *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Лаборатория этнографии НИЧ ХГУ, 1999. {*V.Ya. Butanayev*. Khakas-Russian Historical and Ethnographic dictionary. – Abakan: Laboratoriya Etnografii NICh KhGU, 1999.}

ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сöстік. – Новосибирск: Наука, 2006. {Ḫakas-orıs söstik (Khakass-Russian dictionary). – Novosibirsk: Nauka, 2006.}

ШРС 1993 – *Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я.* Шор-қазақ пазоқ қазақ-шор ӱргедиг сöстӱк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1993. {*N.N. Kurpeshko-Tannagasheva, F.Ya. Aponkin*. Şor-qazaq pazoq qazaq-şor ürgedig söstük (Shor-Russian and Russian-Shor dictionary). – Kemerovo: Kemerovskoye knizhnoye izdatelstvo, 1993.}

ШФ 1940 – Шорский фольклор / Записи, пер., вступ. статья и прим. *Н.П. Дыренковой.* – М.–Л.: АН СССР, 1940. {The Shor Folklore / Fixation, translation, commentaries by *N.P. Dyrenkova*. – Moscow–Leningrad: AN SSSR (the Academy of Sciences of the USSR), 1940.}

THE NOTION OF «OATH» IN SHOR

I. V. Shentsova

Novosibirsk

Summary: The paper describes the means of expressing the notion of «oath» in the Shor language. There are a few words denoting the phenomenon of taking an oath in Turkic languages. These words are of Old Turkic (**sert*) and Arabian (**ant*, **qasam*) origin. In Shor words *shert* ‘to take an oath’ and *shertenish* ‘an oath’ (< **sert*) are connected with the idea of becoming Russian tzar’s subjects and thus these words have become obsolete. Another way of expressing an oath is a text genre. A classical ‘oath text’ describe mainly two situations. They are «fraternization» and the «proposal of marriage».

Keywords: Turkic languages, Shor language, lexicology, notion of oath.

Irina Vitalyevna Shentsova – Ph. D. in philology, chief researcher of the Institute of Philology, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, e-mail: ivshen@yandex.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

♦ ♦ ♦

КОНВЕРСИЯ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА. ТОЧКА ЗРЕНИЯ А.М. ЩЕРБАКА[1]

А.В. Есипова
г. Томск

Резюме: Среди исследователей разных языков есть противники и сторонники признания конверсии способом словообразования. Данная статья посвящена критическому осмыслению подхода А.М. Щербака к проблеме так называемого изначального синкретизма основ и расширенного функционального использования отдельных групп существительных и прилагательных, отрицающего существование конверсии в словообразовании тюркских языков. Здесь приводятся аргументы несостоятельности такой точки зрения после ее рассмотрения с позиции современной теории словообразования и с использованием словообразовательных критериев.

Ключевые слова: общее языкознание, древние и современные тюркские языки, словообразование, способ словообразования, конверсия, синкретизм.

Термин «конверсия» происходит от латинского слова *conversio*n и означает «изменение», «превращение». В случае конверсии как словообразовательного процесса происходит «превращение» одного слова в два. Вместо одного появляются два однокоренных мотивированных слова, которые тождественны по форме и близки по значению, но относятся к разным частям речи. Например: шор. *сооқ* ‘холод’, ‘мороз’ и *сооқ* ‘холодный’, ‘морозный’, а также *сооқ* ‘холодно’, ‘прохладно’, ‘морозно’; *ам* ‘настоящее время’ и *ам* ‘сейчас’, ‘теперь’; *қары* ‘старый (о человеке)’ и *қары-* ‘стареть (о человеке)’; *көш-* ‘кочевать’ и *көш* ‘кочевье’; *ор-* ‘жать’ и *ор* ‘покос’. Под *мотивацией* (*мотивированностью*) понимается семантическая обусловленность значения производного слова. «В акте словообразования одни единицы выступают в качестве источника мотивации, в связи с чем другие – результативные – рассматриваются как обусловленные, мотивированные» [ЛЭС 1990: 467]. Сравните, например, русск. *он преподает* и *преподаватель*, а также шор. *ӱргет-* ‘обучать’, ‘учить’ и *ӱргед-игчи* ‘учитель’ (‘тот, кто

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

Есипова Алиса Васильевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии ТГУ, e-mail: aves7760@mail.ru.

обучает’), а также *қары* ‘старый’ и *қары-* ‘стареть (становиться старым)’; *ор-* ‘жать’, ‘косить’ и *ор* ‘покос (место, где косят траву)’ и др.

Наличие словообразовательной конверсии признается лингвистами в языках разных систем, например, в английском, русском, в тюркских и других языках. Однако вопрос о конверсии как способе словообразования и в историческом аспекте, и с позиции современного состояния науки относится к дискуссионным. Одни языковеды, в том числе и тюркологи, не причисляют конверсию к словообразовательным явлениям [Дмитриев 1940, 1948; Севортян 1974; Чареков 1988; Щербак 1991; Юнусалиев 1959: 77–79 и др.], другие – включают ее в способы словообразования [Ахтямов, Гарипов 1981: 116–117, 193–194; Байгарина 2007; Ганиев 1995: 216–218; Есипова 2011а, 2011б; Ишбаев 2000: 86–91; Заббарова 2010; Киштикова 2004; Никифорова 2008; Севортян 1974; Хабичев 1989: 27; Юлдашев 1970 и др.]. Первоначально в тюркском языкознании господствовала первая точка зрения, когда признавалось существование в языках слов с широкими синтаксическими функциями. Такие слова способны употребляться в двух или трех функциях и выступать то в роли одной, то в роли другой части речи, но принадлежат только к одной из них, которая выделяется по этимологическому признаку. При таком подходе конверсию относят к функциональным явлениям грамматического порядка, не затрагивающим ни исконной категориальной принадлежности слова, ни его тождества.

В дальнейшем среди специалистов в области тюркского языкознания, преимущественно в области словообразования, широкое распространение получила вторая точка зрения. Ее представители считают, что конверсия связана с разрушением тождества слова. В результате «расщепления» значения слова развивается новая семасиологическая система во главе с новым значением слова и происходит постепенное ее размежевание с прежней семасиологической системой и отрыв от нее [Юлдашев 1970: 75]. Решающим является появление в языке нового слова, тождественного по форме уже существующему, но возглавляющего новую семасиологическую систему, которое выполняет на общих основаниях синтаксические функции другой части речи, обладает конструктивными свойствами и формами, закрепленными за данной частью речи, и образовано по определенной словообразовательной модели.

Есть и попытки объединить обе точки зрения в одну. Так, например, С.Л. Чареков относит к способам словообразования синкретизм, считая его живым явлением монгольских и тюркских языков. Под синкретичными формами он понимает слова, которые способны без каких-либо специальных морфологических показателей выступать в роли различных грамматических разрядов и которые практически совпадают и в семантическом отношении. «Во многих случаях одно из категориальных значений конкретного слова оказывается ведущим, а вторичные могут подкрепляться соответствующими суффиксами» [Чареков 1988: 126]. Здесь автор говорит о том, что в современных тюркских языках происходит и процесс морфологического размежевания конверсива от своего производящего путем присоединения к нему словообразовательных аффиксов той части речи, свойства которой он приобрел.

Расхождения во мнениях представителей этих концепций обусловлены прежде всего тождественностью внешнего облика слов, выполняющих различные

синтаксические функции и не имеющих материально выраженных словообразовательных показателей, а также непониманием сущности конверсии как способа словообразования и отнесением ее к явлениям синкретизма.

К синкретизму обычно приводят сдвиги в соотношении формы и содержания лингвистического знака. В теории словообразования под синкретизмом (от греч. *synkretismos* ‘соединение’) понимают: 1) совмещение (соединение) в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме и 2) совмещение (синтез) дифференциальных, структурных и семантических признаков некоторых разрядов слов и значений, противопоставленных друг другу в системе языка. В первом случае одни ученые относят синкретизм к грамматической омонимии, другие – к многозначности (полифункциональности) лексемы, во втором случае – к разного рода гибридным образованиям [ЛЭС 1990: 446], например, к «существительно-прилагательным», «прилагательно-существительным», «именам-глаголам» и т. п.

Различные точки зрения на конверсию нами были описаны ранее на примере анализа концепции А.А. Юлдашева, убедительно доказавшего, что конверсия является продуктивным способом словообразования в тюркских языках [Есипова 2015], а также на примере анализа концепции Э.В. Севортяна [Есипова 2019]. По его мнению, корневая глагольно-именная омонимия является древним способом словообразования, который не сохранился в современных тюркских языках. Он считает, что в настоящее время ее следует рассматривать не как конверсию, а как выражение лексико-морфологического синкретизма, свойственного более ранним ступеням структуры тюркских языков. Как система словообразования она могла бы развиться в отдельных тюркских языках в конверсию в более поздние эпохи, однако этот процесс не получил в них своего развития [Севортян 1974: 40].

В данной статье нам предстоит рассмотреть точку зрения, согласно которой конверсии как способа словообразования в тюркских языках вообще не существует. Проанализируем мнение А.М. Щербака, посвятившего конверсии отдельную статью «Есть ли в тюркских языках конверсия?» [Щербак 1991]. Он считает, что на вопрос «есть ли в тюркских языках конверсия, … следует ответить отрицательно. Подведение под понятие конверсии единичных случаев так называемого изначального синкретизма основ и расширенного функционального использования отдельных групп существительных и прилагательных, с некоторыми оговорками, возможно, однако правомерность выделения конверсии как особого словообразовательного приема тюркских языков в высшей степени сомнительна» [Щербак 1991: 164].

Как отмечает А.М. Щербак, «в специальных работах давно обсуждается вопрос о конверсии как одном из словообразовательных приемов тюркских языков, возникшем в глубокой древности. При этом с конверсией связывают существование глагольно-именных основ, а также использование прилагательных в качестве приименного и приглагольного определений, а существительных – как подлежащего и дополнения, с одной стороны, и как примыкающего определения – с другой» [Там же: 159]. Ученый считает конверсию понятием «английской научной грамматики, означающим более или менее регулярное отнесение слова к тому или иному грамматическому классу без посредства каких-либо словообразовательных элементов, путем помещения его в соответствующую парадигму.

Собственно говоря, помещение в парадигму и является своего рода словообразовательным средством» [Там же].

Данное содержание, вкладываемое в понятие «конверсия», вызывает у нас возражение по двум причинам. Во-первых, словообразовательные правила действуют только в пределах лексемы, а здесь словообразовательным средством считается помещение слова в соответствующую парадигму [см. Есипова 2011б]. Во-вторых, существует и другая точка зрения, согласно которой словообразовательным средством конверсии в английском языке считается нулевой словообразовательный аффикс в составе конверсива [Мешков 1976].

Анализируя глагольно-именные основы, А.М. Щербак отмечает, что в них возможно случайное совпадение первоначально разных основ, обусловленное различными фонетическими процессами, например, *eski* ‘старый, ветхий’ и *eski-* ‘стареть, ветшать’ (< **eski-* < *eski-i-*) [Щербак 1991: 160]. Он обращает также внимание на то, что заимствования, составляющие оморфные пары с тюркскими словами, «на которые указывает Э.В. Севортян [Севортян 1974: 36], в каждом отдельно взятом тюркском языке единичны и обязаны своим появлением разным обстоятельствам. Не исключены и такие ситуации, когда … само их существование вызывает сомнения» [Там же].

Действительно, без глубокого этимологического анализа нельзя получить достоверных сведений о том, составляют ли тождественные по форме имена и глаголы оморфные пары. Однако этот довод в принципе не исключает возможность существования таких пар.

А.М. Щербак признает существование в современных тюркских языках незначительного количества первичных глагольно-именных основ, которых в древних тюркских языках было значительно больше. Однако он считает, что «сам факт наличия таких основ и устанавливаемый путем сравнения материалов различных тюркских языков процесс постепенного морфологического размежевания имени и глагола свидетельствует о первоначальной недифференцированности их» [Там же: 161]. Сравните, например, тур. *tat* ‘вкус’ и ‘вкушать’, ‘пробовать на вкус’ с кар. *tat* ‘вкус’ и *tatla-* ‘вкушать’, ‘пробовать на вкус’; тур. *an* ‘сознание’, ‘мысль’ и ‘вспоминать’ с тат. *an* ‘сознание’ и *anla-* ‘понимать’ и др.

Действительно, в современных тюркских языках происходит процесс постепенного морфологического размежевания имени и глагола, но судить по нему о «первоначальной недифференцированности» имени и глагола, на наш взгляд, невозможно. Об этом может свидетельствовать, по нашему мнению, только отсутствие между так называемыми глагольно-именными оморфными парами отношений словообразовательной мотивации. Однако под таким углом зрения автор не рассматривает анализируемый материал даже тогда, когда говорит о том, что нельзя согласиться с предположением «о мотивированном совпадении именных и глагольных основ» [Там же: 162]. Отрицая конверсию как словообразовательное явление, А.М. Щербак использует не словообразовательные, а морфологические критерии.

Кроме глагольно-именных основ А.М. Щербак выделяет слова, характеризующиеся функциональной недифференцированностью. Он делит их на две подгруппы: а) слова, выступающие в качестве приименного и приглагольного определений, и б) слова, для которых характерно выполнение функций подлежащего и дополнения, а также приименного определения [Щербак 1991: 163].

Он считает, что слова типа турецкого *iyi* в сочетании с существительным выступают как определение, а с глаголом – как обстоятельство: *iyi haber* ‘хорошая весть’, *iyi söyledi* ‘хорошо сказал’. По его мнению, здесь имеет место одна и та же парадигма, и разграничение осуществляется лишь в пределах синтаксического уровня [Щербак 1991: 163]. Однако в действительности разграничение осуществляется еще на лексическом уровне: прилагательное вообще не может занимать типичную для наречия позицию, только перестав выражать категориальное значение «признаковость в отношении имени» и приобретя способность выражать «признаковость в отношении вербальности», оно, став наречием, в состоянии выполнять функции наречия. Локализация (помещение слова в синтаксическую позицию, характерную для слова другой части речи) не актуализирует одно из значений признаковости, свойственных синкретичному слову, а является показателем изменения лексического значения слова, его отрыва от своих прежних функций и значений. Кроме того, наречием может стать не любое имя прилагательное, а лишь те из них, которые не выражают свойство или признак, соотнесенный исключительно с лицом или предметом. Только такие прилагательные используются в качестве производящей основы для образования наречия [Юлдашев 1970].

Л.Х. Киштикова, исследовавшая словообразовательный потенциал тюркского наречия, пришла к заключению, что слова, в одинаковой степени употребляющиеся в значении прилагательного и наречия, являются не синкретичными лексемами, а лексико-грамматическими омонимами[2], так как между ними существует генетическая связь. Она показала также, что в тюркских языках наречия, формально совпадающие с прилагательными и имеющие генетическую связь с ними, образованы от последних [Киштикова 2004: 5].

Имена существительные со значением материала (*altın* ‘золото’, *demir* ‘железо’), включенные А.М. Щербаком во вторую группу функционально недифференцированных слов, не могут содержать в себе одновременно и значения относительных прилагательных (‘золотой’, ‘железный’), так как категориальное значение существительных (предметность) и категориальное значение прилагательных (признаковость) несовместимы. В таких случаях происходит, по нашему мнению, переход имен существительных в прилагательные путем замены «одного категориально-грамматического значения другим без изменения звуковой оболочки исходной основы и без изменения вещественного значения корня в ней» [Наделяев 1988: 30–31]. Такие отношения характерны для словообразовательного явления, известного в языкознании под названием «конверсия».

Решая вопрос о существовании в тюркских языках конверсии как словообразовательного приема, А.М. Щербак оперирует рядом терминов, но, к сожалению, не приводит их толкования. Он не дает и определения конверсии, а также считает, что в тюркских языках ее нет. Тем не менее, А.М. Щербак признает наличие в тюркских языках тождественных по форме слов, выполняющих функции разных

[2] Существует и другое мнение, согласно которому конверсия не приводит к омонимии форм, хотя одна и та же материальная последовательность соответствует словам разных частей речи, так как указанные единицы семантически сходны и связаны единством корня [ЛЭС 1990: 235].

частей речи, однако не устанавливает наличие/отсутствие между ними отношений словообразовательной мотивированности. Он не дает также определений таких понятий как синкретизм, словообразовательный прием, словообразовательное средство, мотивированный, поэтому судить о том, что он понимает под конверсией в тюркских языках можно только по косвенным признакам.

По мнению А.М. Щербака, конверсия – это более или менее регулярное отнесение слова к тому или иному грамматическому классу без посредства каких-либо словообразовательных элементов. Словообразовательное средство конверсии – помещение в парадигму. Такая конверсия существует в английском языке.

В тюркских же языках встречаются единичные случаи так называемого изначального синкретизма основ, которых в древних тюркских языках было значительно больше, а также случаи расширенного функционального использования отдельных групп существительных и прилагательных, совмещающих синтаксические функции существительного (подлежащее и дополнение) и прилагательного (примыкающее определение), прилагательного и наречия (приименное и приглагольное определение). Однако такие случаи не имеют отношения к словообразовательному приему конверсии.

По нашему мнению:

1) содержание, вкладываемое А.М. Щербаком в понятие конверсии, не отражает сути этого явления в тюркских языках;

2) для определения существования конверсии в тюркских языках автор использует морфолого-синтаксический критерий, однако без применения словообразовательного критерия, а именно установления наличия/отсутствия отношений словообразовательной мотивации между членами так называемой оморфной пары, неправомерно исключать конверсию из способов словообразования;

3) наличие «…единичных случаев так называемого изначального синкретизма слов и расширенного функционального использования отдельных групп существительных и прилагательных» не может служить аргументом в пользу исключения конверсии из словообразовательных приемов тюркских языков, а свидетельствует лишь о малопродуктивности данного явления в отдельных тюркских языках;

4) действительно автор прав: следует очень осторожно относиться к выделению так называемых оморфных пар, состоящих из первичных или вторичных основ, и исключить случайное совпадение первоначально разных основ, а также пары из тюркских и заимствованных основ. Однако наличие таких пар не отрицает существования конверсии в тюркских языках, а только сокращает их количество и требует глубокого этимологического и словообразовательного анализа при их выделении.

5) конверсия как способ словообразования существует в языках разных систем: английском, французском, молдавском, армянском [Ганиев 1995: 216], русском, в монгольских [Наделяев 1988: 33; Чареков 1988: 125], а также в других языках. На этом основании приведенное А.М. Щербаком понимание конверсии и признание ее понятием только английской научной грамматики не является, на наш взгляд, бесспорным.

Таким образом, исследования А.М. Щербака сокращают установленное ранее количество омоформ в тюркских языках и призывают более тщательно подхо-

дить к их выделению, но не отрицают их наличие. На наш взгляд, приведенные ученым доводы против существования в тюркских языках конверсии все-таки недостаточны для исключения конверсии из способов словообразования.

Сокращения

кар. – каракалпакский язык
тат. – татарский язык
тур. – турецкий язык
шор. – шорский язык

Литература

Ахтямов, Гарипов 1981 – *Ахтямов М.Х., Гарипов Т.М.* Словообразование существительных. Словообразование прилагательных // Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – С. 101–117, 171–194. {*M.Kh. Akhtyamov, T.M. Garipov.* Word formation of nouns. Word formation of adjectives // Grammar of the modern Bashkir literary language / Ed. by A.A. Yuldashev. – Moscow: Nauka, 1981. – PP. 101–117, 171–194.}

Байгарина 2007 – *Байгарина А.А.* Словообразование по конверсии в башкирском языке: автореферат дисс. … канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 40 с. {*A.A. Baygarina.* Word formation by conversion in the Bashkir language: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 2007. – 40 p.}

Ганиев 1995 – *Ганиев Ф.А.* Словообразование // Татарская грамматика. В 3 т. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. – Т. 1. – С. 188–521. {*F.A. Ganiyev*. Word Formation // Tatar grammar. In 3 vols. – Kazan: Tatar book publishing house, 1995. – Vol. 1. – PP. 188–521.}

Дмитриев 1940 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. Напеч. в Ленинграде, 1940. – 206 с. {*N.K. Dmitriyev*. Grammar of the Kumyk language. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Printed in Leningrad, 1940. – 206 p.}

Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.–Л.: изд. и 1-я тип. Изд-ва АН СССР в Ленинграде, 1948. – 276 с. {*N.K. Dmitriyev*. Grammar of the Bashkir language. Moscow–Leningrad: Publishing House and the 1st Printing House of the Academy of Sciences of the USSR Publishing House in Leningrad, 1948. – 276 p.}

Есипова 2011а – *Есипова А.В.* Тюркское словообразование как языковая система. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – 201 с. {*A.V. Yesipova.* Turkic word formation as a language system. – Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 201 p.}

Есипова 2011б – *Есипова А.В.* Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): автореф. дис. … докт. филол. наук. − М., 2011. – 50 с. {*A.V. Yesipova.* Theoretical problems of word formation in Turkic languages (based on the data of the Shor language): Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 2011. – 50 p.}

Есипова 2015 – *Есипова А.В.* Конверсия. История вопроса. Концепция Э.В. Севортяна // Alkïš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. – М.: ООО «Издательство МБА», 2015. – С. 50–58. {*A.V. Yesipova.* Conversion. Background of the issue. E.V. Sevortyan's concept // Alkïš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Collection of articles for the 80th anniversary of D.M. Nasilov / Ed. by E.A. Oganova. – Moscow: IBA Publishing House, 2015. – PP. 50–58.}

Есипова 2019 – *Есипова А.В.* Конверсия в тюркских языках. История вопроса. Концепция А.А. Юлдашева // «Sözüm munda qalïr, barïr bu özüm …». Scripta in memoriam D.M. Nasilov. Коллективная моногрфия / отв. ред. Е.А. Оганова. – М.: ООО «Издательство МБА», 2019. – С. 166–171. {*A.V. Yesipova*. Conversion in the Turkic languages. Background of the issue. The concept of A.A. Yuldashev // «Sözüm munda qalïr, barïr bu özüm …». Scripta in memoriam D.M. Nasilov. A Collective Monograph / Ed. by E.A. Oganova. – Moscow: IBA Publishing House, 2019. – PP. 166–171.}

Заббарова 2010 – *Заббарова Р.З.* Конверсия в татарском языке и проблема ее лексикографирования: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 22 с. {*R.Z. Zabbarova.* Conversion in the

Tatar language and the problem of its description in lexicography: Ph.D. diss. abstract. – Kazan, 2010. – 22 p.}

Ишбаев 2000 – *Ишбаев К.Г.* Башкирский язык. Морфология. Словообразование: учеб. пособие. – Уфа: Гилем, 2000. – 147 с. {*K.G. Ishbayev*. The Bashkir language. Morphology. Word Formation: a manual. – Ufa: Ghilem, 2000 – 147 p.}

Киштикова 2004 – *Киштикова Л.Х.* Словообразовательный потенциал наречия в тюркских языках: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Нальчик, 2004. – 21 с. {*L.Kh. Kishtikova.* The word-forming potential of adverbs in Turkic languages: Ph.D. diss. abstract. – Nalchik, 2004. – 21 p.}

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / ред. *В.Н. Ярцева*. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с. {Linguistic encyclopedic dictionary / Ed. by *V.N. Yartseva*. – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1990. – 682 p.}

Мешков 1976 – *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка / отв. ред. О.Б. Сивергина. – М.: Наука, 1976. – 245 с. {*O.D. Meshkov.* Word formation of the modern English language / Ed. by O.B. Sivergina. – Moscow: Nauka, 1976. – 245 p.}

Наделяев 1988 – *Наделяев В.М.* Современный монгольский язык: морфология / отв. ред. Е.И. Убрятова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 110 с. {*V.M. Nadelyaev*. Modern Mongolian language: morphology / Ed. by E.I. Ubryatova. – Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1988. – 110 p.}

Никифорова 2008 – *Никифорова Ж.Б.* Сопоставительно-типологическое исследование словообразовательных систем бурятского и монгольского языков: автореф. дис … канд. филол. наук. – Элиста, 2008. – 22 с. {*Zh.B. Nikiforova.* Comparative and typological study of word-formation systems of the Buryat and Mongolian languages: Ph.D. diss. abstract. – Elista, 2008. – 22 p.}

Севортян 1989 – *Севортян Э.В*. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases beginning with vowels. – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p.}

Хабичев 1989 – *Хабичев М.А.* Именное словообразование и формообразование в куманских языках. – М.: Наука, 1989. – 217 с. {*M.A. Khabichev.* Nominal word formation and inflectional formation in the Kuman languages. – Moscow: Nauka, 1989. – 217 p.}

Чареков 1989 – *Чареков С.Л.* Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках (на материале эвенкийского и бурятского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1989. – 34 с. {*S.L. Charekov.* Functional and semantic evolution of suffixes in Altai languages (based on the data of the Evenk and Buryat languages): Ph.D. diss. abstract. – Leningrad, 1989. – 34 p.}

Щербак 1991 – *Щербак А.М.* Есть ли в тюркских языках конверсия? // Исследование языковых систем в синхронии и диахронии. К 70-летию Э.Р. Тенишева. – М.: ГРВЛ «Наука», 1991. – С. 159–164. {*A.M. Shcherbak.* Is there conversion in Turkic languages? // Research of language systems in synchrony and diachrony. To the 70th anniversary of E.R. Tenishev. – Moscow: The Main Editorship of Oriental Literature «Nauka», 1991. – PP. 159–164.}

Юлдашев 1970 – *Юлдашев А.А.* Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях // Сов. тюркология. – 1970. – № 1. – С. 70–81. {*A.A. Yuldashev.* Conversion in Turkic languages and its reflection in dictionaries // Soviet Turkology. – 1970. – No. 1. – PP. 70–81.}

Юнусалиев 1959 – *Юнусалиев Б.М.* Киргизская лексикология, ч. 1 (развитие корневых слов). – Фрунзе, 1959. {*B.M. Yunusaliyev*. Kyrgyz lexicology, part 1 (development of root words). – Frunze, 1959.}

Conversion. background of the issue. A.M. Shcherbak's point of view

A.V. Yesipova

Tomsk

Summary: Among researchers of different languages, there are opponents and supporters of the recognition of conversion as a way of word formation. This article is devoted to the critical understanding of A.M. Shcherbak's approach to the problem of the so-called initial syncretism of the stems and the extended functional use of certain groups of nouns and adjectives, which de-

nies the existence of conversion in the word formation of Turkic languages. Here are the arguments for failure of this point of view after a review of it from the standpoint of modern theory of word formation and using word-forming criteria.

Key words: general linguistics, Turkology, ancient and modern Turkic languages, method of word formation, conversion, models.

Alisa Vasilyevna Yesipova – Ph.D. in philology, docent, leading researcher of the Laboratory of Linguistic Anthropology of Tomsk State University, e-mail: aves7760@mail.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

♦ ♦ ♦

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМ ИБРАГИМА ЮСУПОВА

Д.К. Ержанова
г. Нукус

Резюме: В статье ставится и решается задача изучения лингвостилистических особенностей поэм И. Юсупова, известного каракалпакского поэта, мастера художественного слова, внесшего значительный вклад в развитие современной каракалпакской литературы. Автор показывает его мастерство в использовании стилистических средств языка (эпитетов, сравнений, метафор, метонимий, синекдохи), а также подчеркивает роль И. Юсупова в развитии современного каракалпакского литературного языка. Результаты исследования могут быть использованы при создании теоретической стилистики художественной речи каракалпакского языка, изучении индивидуальных стилей писателей.

Ключевые слова: каракалпакский язык, поэма, И. Юсупов, эпитет, сравнение, метафора, метонимия, синекдоха.

Введение

В истории и формировании любого литературного языка определенную роль играют мастера художественного слова – поэты и писатели. Некоторые из них своими произведениями дают новую направленность в формировании норм литературного языка, совершенствуя их. Изучение языка произведений писателя в лингвостилистическом плане помогает определить его языковое мастерство, его место среди современных писателей. В каракалпакском языкознании по стилистике художественной речи пока нет больших серьезных работ.

Великий поэт каракалпакского народа Ибрагим Юсупов (1929−2008) своими творениями внес огромный вклад в развитие каракалпакского литературного языка, поднял современную каракалпакскую поэзию на новые вершины. Он хорошо изучил историю классической поэзии Востока, а также образцы литератур Западной Европы, брал с них пример и мастерски применял их в своем творчестве [Мамбетова 1999: 68]. Никто из представителей каракалпакской поэзии доселе не смог, как он, глубоко и всеохватно выразить менталитет каракалпакского народа, в том числе духовного мира, душевных чувств, мыслей и взглядов, национального своеобразия, присущего простому человеку [Мамбетов 2019: 25].

Ержанова Дильфуза Кадирбаевна – кандидат филологический наук, докторант Каракалпакского государственного университета, e-mail: yerzhanovad@list.ru.

В статье рассматривается мастерство использования изобразительно-выразительных средств И. Юсуповым в поэмах «Товарищ учитель», «Судьба актрисы», «Где цветут акации», «Степные грезы», «Томирис» и стихотворениях поэта.

I. Эпитет

Характерной особенностью произведений И. Юсупова является новое использование привычных языковых единиц, придание им необычных значений:

Ылығады *таза жесир* перийзат… (*«Гнездо соловья»*) [Юсупов 2018]

Растерялась *молодая вдова* – красавица…

В этом примере словосочетание *таза жесир* ‘круглая сирота’ характеризует бедственное положение лирического героя – молодой вдовы.

Поэт мастерски создает все новые и новые эпитеты. Например:

Хош ийисли мирт пенен *қызыл* гүл ҳәм бағ,
Жүзим өрмелеген *нағыслы* шарбақ,
Тардың *нәзик* сазы, шайыр бәйити,
Қуўыс геўде ханды турмады арбап.
(«Старая сказка о фонтане») [Юсупов 2018]

Ароматные красный цветок и сад,
Красивый сад, где растет виноград,
Слова поэта, как нежная мелодия струны,
Не смогли затронуть полое тело хана[1].

Поэт при помощи словосочетания *қуўыс геўде* ‘полое тело’ определяет внутренний мир хана, пустоту его души. Сочетание слов *қуўыс геўде* – авторский эпитет с новым поэтико-стилистическим значением.

Эпитеты, использованные в поэмах автора, являются разнообразными в структурно-семантическом плане и всесторонне характеризуют предметы, природу, явления. Бросается в глаза мастерство поэта в необычном использовании привычных слов и в образовании новых эпитетов [Бекбергенов 1990: 77]. Например:

Мары үстинде *марен шапақ* кешки күн,
Көгершинлер ойнар қорған басында…
(«Правда о ковровщице») [Юсупов 2018]

В красные вечера над Марой,
Голуби играют на крепости…

Марена – это растение, из которого добывают красную краску, используемую при изготовлении ковров. Сочетание *марен шапақ* употреблено в значении «красная», оно используется поэтом в качестве средства, передающего своеобразное явление природы, пейзажа перед закатом солнца «в красной краске», предстающего перед героем.

Поэт создает индивидуальные авторские эпитеты, описывающие своеобразие отдельных видов птиц и животных:

Ҳинд елшиси – *ала шапан* өпепек,
Әлҳәббиз, сақ жүрип бул күнге жеткен.
(«Гнездо соловья») [Юсупов 2018]

Индийский посол – дятел в полосатом халате,
Слава богу, еле передвигаясь, дожил до этого дня…

[1] Здесь и далее перевод стихов на русский язык выполнен автором статьи.

Жылан баслы желмаялар,
Адам киби асылысты…
(«Томирис») [Юсупов 2018]

Змееголовые быстроногие верблюды,
Напирали друг на друга, как люди…

Мастерство поэта больше всего проявляется в эпитетах, выраженных в форме составных глагольных сказуемых: они дают возможность обрисовать основные качества объекта изображения, раскрыть его истинную сущность [Хамидова 1999: 14]. В поэме «Степные грезы» при помощи эпитетов *сезгир сезим* ‘проницательное чувство’, *ушқыр қыял* ‘богатая фантазия’, *көмир қара шаш* ‘черные волосы’, *тайнапыр техника* ‘громадная техника’, *алтын ойпат* ‘золотая низменность’, *от жүрекли бураўшылар* ‘шахтеры с огненным сердцем’ описаны образные свойства предметов или явлений. Например:

Сезгир сезим сезер даланың жанын,
Ушқыр қыял уғар бул кеңликлерди.
Көмир қара шашы қайысып тоқып,
Тайнапыр техника кәрўаны шықты.
Алтын ойпат аўылымның сыртында.
Жазайын жолларда шаңларға батып,
Сол *от жүрек* бураўшылар ҳаққында.
(«Томирис») [Юсупов 2018]

Проницательное чувство охватывает душу поля,
Богатая фантазия поймет эти широты.
Черные волосы жеманно плетя,
Громадная техника шла как караван.
Золотая низменность за пределами деревни.
Я напишу в пути, погруженный в пыль,
О шахтерах с огненным сердцем…

II. Сравнение

И. Юсупов особенно часто использует сравнения, в итоге его произведения изобилуют часто встречающимися образными конструкциями. В основе их построения поэт использует разнообразные лексические и грамматические средства каракалпакского языка. При этом часто употребляются аффиксы *-дай*//*-дей*, *-тай*//*-тей* со значением ‘похожий, подобный’ [Бекбергенов 1990: 78]. Такое сравнение можно увидеть в поэме «Степные грезы».

Сезгир сезим сезер даланың жанын,
Ушқыр қыял уғар бул кеңликлерди.
Көмир қара шашы қайысып тоқып,
Тайнапыр техника кәрўаны шықты.
Алтын ойпат аўылымның сыртында.
Жазайын жолларда шаңларға батып,
Сол *от жүрек* бураўшылар ҳаққында.
(«Томирис») [Юсупов 2018]

Проницательное чувство охватывает душу поля,
Богатая фантазия поймет эти широты.
Черные волосы жеманно плетя,
Громадная техника шла как караван.
Золотая низменность за пределами деревни.
Я напишу в пути, погруженный в пыль,
О шахтерах с огненным сердцем…

Күн мисли тандырға түскен бир қораз,
Лаўлап жанып барар қуўрақ *шақадай*,
Кирзовой етиклер *қуйған шойындай*,
Жүрис-жүрис емес, *мысал ойындай*.
(«Степные грезы») [Юсупов 2018].

Жаркий день, будто петуха испекли в тандыре,
Горит словно ветка сухая,
В кирзовых сапогах, как литейный чугун,
Ходит как танцовщица на дороге.

В этих строках поэт при помощи такого художественного приема, как сравнение, представляет перед взором событие или явление как рисунок. В данном примере жаркий день сравнивается с горячим тандыром, а походку человека, который надел сапоги, долго стоящие под знойным солнцем, с походкой танцовщицы.

Наряду с аффиксальными образованиями в функции сравнения широко используются и так называемые слова-оформители сравнений типа *киби* ‘подобно’, *сыяқлы* ‘подобно, как’, *яңлы* ‘как, подобно’, *мисли* ‘подобно’, *нағыз* ‘как’, *құдды* ‘словно, точно’ и др.

Гә *шайырдай* дизген бәйит гәўҳарын,
Гә *ашықтай мисли* сағынған ярын…
(«Старая сказка о фонтане») [Юсупов 2018]

Словно поэт, написавший строки
бриллиантами,
Словно возлюбленный, скучающий
по любимой…

Ийип кетти *мисли булақ*...
(«Томирис») [Юсупов 2018]

Течет словно родник…

Мисли дигирманнан тири түскендей,
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]

Будто вышел живым из мельницы

Сөйлер Әбдираман *дәрьядай тасып*,
Аўзынан сөз емес, *мисли дүр* шашып…
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]

Абдураман говорит, будто река течет,
Не просто словами, а как будто сыплет
изумрудами…

Толқын қашар сулыў *әрманлар яңлы*...
(«Степные грезы») [Юсупов 2018]

Волна бежит как красивая мечта…

Бул өтиригиң *құдды ертектегидей,*
Айтып турғанлары *құдды ертектей*...
(«Вечный родник») [Юсупов 2018]

Ложь твоя, как сказка,
Речи твои, как в сказке…

Нағыз-нағыз дала поэзиясы! ...
(«Степные грезы») [Юсупов 2018]

Как поэзия пустыни! …

Нағыз ешкилер ғой қарасаң аңлап…
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]

Внимательно смотришь на них,
словно коза…

Модальное слово *мысал* ‘например’ функционально, по способу применения в предложении приближено к слову *мисли* ‘как’. Различие употреблений слова *мысал* ‘например’ от слова *мисли* ‘как’ заключается в том, что оно может находиться в препозиции и постпозиции от образного сравнения, с которым оно сочетается [Нажимов 1994: 52]. Основная функция слова *мысал* – это образование сравнений, что широко применяется в произведениях И. Юсупова.

Жаңа аўыл болса *мысал қаладай*....
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Город как новое село…

Бул үш күн *мысалы үш* азаплы *жыл*...
(«Степные грезы») [Юсупов 2018]

Эти три дня длились словно три года…

Адам қолы *гүл ғой мысал*...
(«Где цветут акации») [Юсупов 2018]

Человек как мастер на все руки…

Өмир деген *мысалы бир түс*… Жизнь словно как сон…
(«Слово о каракалпаке») [Юсупов 2018]

Өзи *мысал қуйын*, анасы – боран… Сам как ветер, а мать – ураган…
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]

III. Метафора

Как и при выборе сравнений и эпитетов, индивидуальность мастерства И. Юсупова отмечается также и при выборе метафор. Метафоры благодаря своей красочности, поэтичности выразительно оживляют язык писателя, усиливают художественную образность повествования. Метафора нередко раскрывается лишь в контексте [Будагов 1976: 301]. Особенно много применены в его поэмах традиционные, широко распространенные в народно-разговорном языке метафоры на основе слов-обозначений названий животных и птиц: *қус* ‘птица’, *қаскыр* ‘волк’, *суңқар* ‘сокол’, *ҳайўан* ‘животное’, *ийт* ‘собака’, *түлки* ‘лиса’, *қузғын* ‘ворон’, *кийик* ‘олень’, *аққуў* ‘лебедь’, *бүлбил* ‘соловей’.

Мен *қус* болсам, Если я птица,
Сен мениң уям. То ты мое гнездо.
Үш жыл урыстың, Скалился три года,
Қасқыр қансырап. Как волк кровожадный.
(«Слово о каракалпаке») [Юсупов 2018]

Жат мәнзилден қаңғып келген *қара қус*, Черная птица прилетела из других стран,
Шоқымасын жүрегин. Пусть она не тронет его сердце.
(«Вечный родник») [Юсупов 2018]

Суңқар ушып кетти өз уясына, Сокол улетел в свое гнездо,
Ҳәм ушып келмеди қайтып қасыма… И больше не вернулся…
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]

Ҳайўан екен көргенсиздиң баласы. Животным ты оказался, сын невежды.
Ол да аздай *ийт* Оразға сатылдың… И будто этого мало, продался, как собака, Уразу…
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Көп ўақ *жылан* шақты бизди, Жалила змея нас много раз,
Енди азатбыз, халайық. Теперь мы свободны, народ.
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]

Адам етин жейтин *ҳайўан* болдың ба? Стал ты теперь людоедом?
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Қузғын қондырмады қызыл гүлине… Ворон не опустил нас на свой красный цветок…
(«Старая сказка о фонтане») [Юсупов 2018]

Кийик едим, таслар қақты туяқтан. Я был горным оленем, с подковами на моих копытах,
Аққуў едим айдынында ержеткен. Я был лебедем, как взрослеющим с тобой,
Муңлы еди ерке *бүлбил* намасы. Мелодия соловья была грустная.
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Подобные метафоры отражают положительные или отрицательные коннотативные значения, поэтому в произведениях они носят эстетический характер.

И. Юсупов использовал образные метафоры и в своей поэме «Степные грезы». Например:

Шығыс горизонтта *парлап жанады*,
Мотор радиаторы *«ишип» босатқан*.
Бүгин көк машина иркилген жерден,
Ертең вышкаларда *жулдыз күледи*.
Аспан *төңкериўли қазан*.
Ақты шөлге машиналар дизбеги,
Сизди дала баўырын ҳеш тыным бермей.
[Юсупов 2018]

На Востоке горизонта в блеске горел,
Радиатор мотора все выпил.
Место, в котором синяя машина
остановилась сегодня,
Завтра на вышках звезда улыбнется.
Небо как котел перевернутый.
В пустыне машины едут друг за другом,
Не давая покоя степям.

В поэмах поэта широко использованы метафоры из общенародного языка, выражающие определенные образы. Например:

Кеўиллер уныpап, сөгилип кетти.
(«Гнездо соловья») [Юсупов 2018]

Души стали унылыми и тоскливыми.

Дәрья болып ағар кеўил қумары.
(«Степные грезы») [Юсупов 2018]

Душа течет, подобно реке.

Гейде *ойы булт қойнына сүңгийди,*
Көкте қуяш *нур қуйғанда күлимлеп,*
Қызып мийнет, *жер баўыры солқылдап,*
Абаданлық ақты бурқып сағадан.
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Иногда приходят мысли о небесах,
Солнце дает свет лучей своих с неба,
От тяжелой работы душа земли
страдает,
Жили мы в достатке и благополучии.

В данных строках автор умело использовал метафоры для точной передачи чувств лирического героя. В поэмах И. Юсупова широко использованы авторские метафоры, свойственные только ему. Например:

Жеңилт маған түскен *қайғының таўын*…
(«Старая сказка о фонтане»)
[Юсупов 2018]

Сделай легче мою огромную беду….

Этой строкой автор хотел показать чрезмерное горе и беду.

Кең жаўырынлы елде аўыл даласы.
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Добродушный народ, живущий в селе.

В данном случае поэт, наделив народ признаком, свойственным человеку, создает авторскую метафору.

Өткен өмириң *жылыўы жоқ қыс екен.*
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Прожитая жизнь, как зима холодная.

Этой строкой поэт хотел показать, что в жизни героя было много грустных дней, и прожил он бессмысленную жизнь.

Тастан суў сығылмас. Тилегиң аўыр.
(«Старая сказка о фонтане»)
[Юсупов 2018]

Из камня не выжимается вода.
Трудная твоя мечта.

Здесь также имеет место авторская метафора.

В поэме «Степные грезы» встречаются метафоры, при помощи которых передается эстетическое восприятие окружающего мира, природы. Из каждого объекта, встречающеюся взору поэта, создаются авторские метафоры. Например:

Дала – *стадион*, қуяш – *отлы топ*,	Поле – стадион, а солнце – огненный мяч,
Қайсар қурғақшылық – *шөл армиясы*,	Упрямая засуха – армия пустыни,
Жық-жық қарлығашлар – *болельщик баллар*,	Ласточки будто дети – болельщики,
Шөл тәңриси – *атаң*, қурғақшылық – *енең*.	Бог степи – отец, а засуха – мать.
Қуйын – *шырылдаўық*, үргин – *мәмелек*.	Смерч – волчок, метель – леший.
Геологлар – *дала робинзонлары*,	Геологи – робинзоны степи,
Өмири излениў, саяхат, гүрес.	Их жизнь – это поиски, путешествие, борьба.
[Юсупов 2018]	

В данных строчках слова *дала* ‘поле’ – «стадион», *қуяш* ‘солнце’ – *отлы топ* ‘огненный мяч’, *қайсар қурғақшылық* ‘упрямая засуха’ – *шөл армиясы* ‘армия пустыни’, *геологи* – «степные робинзоны», *қарлығашлар* ‘ласточки’ – «дети-болельщики», *қуйын – шырылдаўық* ‘смерч-волчок’, *үргин – мәмелек* ‘метель-леший’ являются созданными самим поэтом метафорами. Поэтому приведенные соответствия на основе схожести признаков предметов придают языку произведения особенную художественность и острую образность.

IV. Олицетворение

Наблюдается в поэзии И. Юсупова и перенос присущих человеку признаков на другие предметы и животных, т. е. олицетворения [Юсупова 2001: 57]. Например, слово *жалаң аяк* ‘босой’ употреблено в тексте в окказиональном значении [Юсупова 2001: 58].

Баскетболшы қызлар командасындай,	Как команда баскетболисток,
Жүйткип барар *жалаң аяқ жәйранлар*.	Бегут антилопы босые.
(«Степные грезы») [Юсупов 2018]	

Поэт уделял особое внимание употреблению каждого слова, каждого художественного средства в языке и выбирал из них нужное, требуемое в контексте. Поэтому приемы, употребленные автором, стали средствами, выражающими сильное эмоционально-экспрессивное значение. Например:

Дүзиў еди арбакештиң *жүреги*…	Чистое было сердце извозчика…
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]	
Айман, тоқтат енди *бос әңгимени*…	Айман, прекрати пустые слова…
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]	

В этих примерах словосочетания *дүзиў жүрек* ‘доброе сердце’ и *бос әңгиме* ‘пустой разговор’ употреблены в метафорическом значении [Юсупова 2001: 59]. Они служат для усиления эмоциональной экспрессивности произведения.

Ушар баллар сабақтан кеш қалмасқа, Жыңғыр-жыңғыр етип *күлсе қоңыраў.* («Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Бегут дети, чтобы не опаздывать на уроки, Колокольчик, зазвенев смеется.

В первой строке поэт изобразил детей, спешивших в школу. Во второй строке звон колокольчика уподоблен человеческому смеху, т. е. автор вновь создает олицетворение.

В поэмах И. Юсупова олицетворены многие природные явления, такие как ветер, дождь, снег, земля, вода, облако, звезда, лист. Они служат для лучшего понимания окружающей героя среды. Поэт мастерски показывает связь между этими олицетворенными явлениями и чувствами героя. Например:

Беттен сүйип таўдың таңғы *салқыны…* («Товарищ учитель») [Юсупов 2018] — Целует лицо прохладный утренний ветер горы…

Таңланғандай еди көктиң *жулдызы…* («Товарищ учитель») [Юсупов 2018] — Будто подобранная небесная звезда…

Гейде *ойы булт қойнына сүңгийди…* («Товарищ учитель») [Юсупов 2018] — Иногда мысли уходят в небеса…

Үргин ақ пердесин тутты алдыннан. («Степные грезы») [Юсупов 2018] — Метель хватает свой белый занавес.

Бәҳәр *булты жуўып ҳаўаның кирин.* («Степные грезы») [Юсупов 2018] — Весеннее облако очищает грязь воздушную.

Ақ қанатлы бултлар қалкып. («Где цветут акации») [Юсупов 2018] — Плавают облака с белыми крыльями.

Жасыл *жапырақлары еркелеп күнге.* («Судьба актрисы») [Юсупов 2018] — Будто солнце ласкает зеленые листья.

Из образов, созданных поэтом, можно увидеть, что действия, свойственные человеку, такие как любить, нырять, удивляться, баловать, олицетворены в образах облака, звезды, листьев.

V. Метонимия

Как и метафора, метонимия тоже служит определенным средством художественного изображения в произведении [Юсупова 2001: 60]. Поэтому метонимия как художественно-выразительный прием занимает в стилистической системе И. Юсупова значительное место. Метонимия в его произведениях – прочный составной элемент поэтического контекста. Широтой отличаются семантико-образные функции метонимических построений поэта.

Еки жүк машина сергиздан болды. Үргин *ақ пердесин* тутты алдынан. — Две грузовые машины измучились. Метель держит перед ними свой белый занавес.

Арқаңда ес-түссиз *жас геўде* жатыр… — На твоем плече лежит молодая душа…

Ҳәр кухняға кирип *қазан қайнатар*. Готовят пищу на каждой кухне.

Бәҳәр булты жуўып даланың кирин… Весеннее облако очищает грязь степную…
[Юсупов 2018]

В приведенных примерах из поэмы поэта «Степные грезы» словосочетания *ақ перде* ‘белый занавес’ в значении «снег», *жас геўде* ‘молодое тело’ – «молодой человек», *қазан қайнатар* ‘кипятить казан’ – «готовить пищу», *бәҳәр булты* ‘весеннее облако’ – «идет весенний дождь» употреблены в переносном значении.

Қамыслықтан шығып *қам семиз сары.* Тучный блондин вышел из камышовых зарослей.
(«Гнездо соловья») [Юсупов 2018]

Ашылды да кирди биреў – *шоқ сақал.* Вошел один – бородка клинышком.
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

Көргенде қыз *«шоқша сақал» сарыны.* Увидела она блондина бородкой клинышком.
(«Товарищ учитель») [Юсупов 2018]

В данных примерах слово *сары* ‘желтый’ употреблено как метонимия, при этом поэт выразил мысль коротко и образно. Выражения *қам семиз* ‘слишком тучный’*, шоқша сақал сары* ‘блондин бородкой клинышком’ употреблены для раскрытия отрицательной стороны образа. Персонаж, которому принадлежат эти характеристики, является врагом народа [Юсупова 2001: 65].

VI. Синекдоха

В художественном произведении изображение предмета или явления посредством синекдохи в некоторых случаях обращает на него большее внимание читателя, иногда через нее этому предмету передается какое-либо отрицательное отношение или чувство [Бердимуратов 1994: 112]. Например:

Сол *жаўыз қол* көптен бери. Этот злоумышленник с тех пор,
Мийрими жоқ *бир түкли қол.* Жестокий враг.
(«Тумирис») [Юсупов 2018]

Зуўлады ол таслар *қанлы қоллардан*, Мчатся те камни от кровавых рук,
Нәлет өкшелери таплап сол гүлди. Проклятые ступни топчут цветы.
(«Судьба актрисы») [Юсупов 2018]

Жулды сени сабағыңнан *жаўыз қол*. Тебя срезали жестокие руки.
(«Старая сказка о фонтане»)
[Юсупов 2018]

Синекдоха умело использована автором в его поэме «Степные грезы». Например:

Музлы *кирпиклердиң* саңлақларынан. Между твоими ледяными ресницами.
Еки *жүректе* қан тынбаған шелли. У двух возлюбленных сердец кровь еще течет,
Тиллер лалаўласты келмей гөяға. Языки говорят бессмысленно.
[Юсупов 2018]

В вышеприведенных отрывках под частями тела человека понимается сам человек [Бердимуратов 1973: 133]. Другие примеры художественного приема:

Гийнем ерип кетти көрип *төбеңди.* Грехи мои растаяли, увидев тебя.
Сондай *жүреклер* бар дүньяда, бирақ. Есть такие добродушные сердца
(«Старая сказка о фонтане») на земле.
[Юсупов 2018]

Заключение

Таким образом, язык поэм И. Юсупова отличается богатством лексики, грамматических средств, стилистической выразительностью. Основной прием актуализации этих средств – тщательный отбор слов, умение творчески использовать законы стихотворной комбинаторики. Все вышеперечисленные средства передачи образов, такие как эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, являются новыми для каракалпакского литературного языка. Они характеризуют свойственный только этому поэту индивидуальный стиль. Требуется дальнейшее изучение языковых особенностей поэм И. Юсупова в лингвостилистическом аспекте, так как эта проблема еще не освещалась в каракалпакском литературоведении. Результаты исследования могут быть использованы при создании теоретической стилистики художественной речи каракалпакского языка, изучении индивидуальных стилей писателей.

Литература

Бекбергенов 1990 – *Бекбергенов А.* Қарақалпақ тилиниң стилистикасы. – Нөкис: Билим, 1990. – 86 с. {*A. Bekbergenov.* The stylistic of Karakalpak language. – Nukus: Bilim, 1990. – 86 p. (In Karakalpak.)}

Бердимуратов 1973 – *Бердимуратов Е.* Әдебий тилдиң функционаллық стильлериниң раўажланыўы менен қарақалпақ лексикасының раўажланыўы. – Нөкис: Билим, 1973. – 312 с. {*E. Berdimuratov.* The development of Karakalpak lexics by the development of functional styles of literary language. – Nukus: Bilim, 1973. – 312 p. (In Karakalpak.)}

Бердимуратов 1994 – *Бердимуратов Е.* Ҳәзирги қарақалпақ тили. Лексикология. – Нөкис: Билим, 1994. – 188 с. {*E. Berdimuratov.* Modern Karakalpak language. Lexicology. – Nukus: Bilim, 1994. – 188 p. (In Karakalpak.)}

Будагов 1976 – *Будагов Р.А.* Человек и его язык. – М., 1976. – 430 с. {*R.A. Budagov.* The man and his language. – Moscow, 1976. – 430 p.}

Мамбетов 2019 – *Мамбетов К.* Жанровые особенности поэм И. Юсупова (Yusupov poemalarınıń janrlıq ózgeshelikleri): автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Нукус, 2019. – 50 с. {*K.I. Mambetov.* Genric peculiarities of I. Yusupov's poems: Ph.D. diss. abstract. – Nukus, 2019. – 50 p. (In Karakalpak.)}

Мамбетова 1999 – *Мамбетова М.* Стихосложение в поэзии И. Юсупова: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Нукус, 1999. – 120 с. {*M. Mambetova.* Prosody in I. Yusupov's poetry: Ph.D. diss. abstract. – Nukus, 1999. – 120 p.}

Нажимов 1994 – *Нажимов П.* Структурно-семантические особенности сравнения в каракалпакском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Нукус, 1994. – 154 с. {*P. Najimov.* Structural-semantical peculiarities of simile in Karakalpak language: Ph.D. diss. abstract. – Nukus, 1994. – 154 p.}

Хамидова 1999 – *Хамидова А.* Творчество И. Юсупова и европейская литература: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Нукус, 1999. – 22 с. {*A. Khamidova.* Creativity of I. Yusupov and European literature: Ph.D. diss. abstract. – Nukus, 1999. – 22 p.}

Юсупов 1986 – *Юсупов И.* Стремлюсь всей душой. Стихи и поэмы. – Нөкис: Билим, 1986. – 312 с. {*I. Yusupov.* I strive with all my heart. Verses and poems. – Nukus, 1986. – 312 p.}

Юсупов 2018 – *Юсупов И.* Таңламалы шығармалары. III том. (Yusupov I. Tańlamalı shıǵarmaları. III tom.) – Нөкис: Билим, 2018. – 352 с. {*I. Yusupov.* Selected poems. Volume 3. – Nukus, 2018. – 352 p. (In Karakalpak.)}

Юсупова 2001 – *Юсупова Б.* Стилистическое использование прилагательных в художественном произведении (на материалах произведений И. Юсупова): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Нукус, 2001. – 54 с. {*B. Yusupova.* Stylistical usage of adjectives in art work (on the materials of I. Yusupov's works): Ph.D. diss. abstract. – Nukus, 2001. – 154 p.}

Stylistic peculiarities of Ibrayim Yusupov's poems

D.K. Yerzhanova

Nukus

Summary: The article states and solves the problem of studying the linguostylistic features of the poems of I. Yusupov, the famous Karakalpak poet, master of the literary word, who made a significant contribution to the development of modern Karakalpak literature. The main purpose of the article is to study the features of I. Yusupov's poems in linguistic and stylistic aspects and to show his skill in using stylistic means of language (epithet, simile, metaphor, metonymy, synecdoche) and to mention the role of I. Yusupov in the evolution of modern Karakalpak literary language. The results of the research can be used in the field of theoretical stylistics of artistic speech of the Karakalpak language, and in study of the individual styles of writers.

Key words: Karakalpak language, poem, I. Yusupov, epithet, comparison, metaphor, metonymy, synecdoche.

Dilfuza Kadirbayevna Yerzhanova – Ph.D. in philology, doctoral student of Karakalpak State University, e-mail: yerzhanovad@list.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

♦ ♦ ♦

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭПОСЕ «ҚЫРҚ ҚЫЗ»

З.И. Курбанова
г. Нукус

Резюме: Эпическое наследие каракалпакского народа своими корнями уходит в далекое прошлое. Оно отличается богатством содержания и оригинальностью форм. Изучение эпических произведений каракалпаков представляет интерес не только для фольклористов, но и этнографов. Содержащиеся в нем этнографические элементы служат ценным источником. Исследование эпоса в данном аспекте имеет важное значение, так как имеющиеся данные о прошлом каракалпакского народа чрезвычайно скудны.

Ключевые слова: каракалпаки, эпос, фольклор, культура, обычай, обряд, традиция, амазонки.

Каракалпаки – тюркский народ, поживающий в Республике Каракалпакстан в составе Узбекистана. Территория Каракалпакстана включает в себя северо-западную часть пустыни Кызылкум, юго-восточную часть плато Устюрт и дельту р. Амударья.

Наиболее ранние сведения о каракалпаках относятся к 1578–1582 гг., периоду, когда значительная часть народа располагалась в бассейне среднего и нижнего течения р. Сырдарья. Здесь каракалпаки под своим современным именем принимали участие в политической жизни Бухарского ханства [Ахмедов 1985: 65]. Первый источник, упоминающий имя каракалпаков и позволяющий сделать некоторые выводы о характере быта народа, датирован 1598 г. Это текст вакуфной грамоты бухарского хана Абдуллы мазару «святого» Зияэддина в Сыгнаке [Иванов 1935: 33–35].

Материалы XVII и начала XVIII вв. бедны этнографическими сведениями о каракалпаках. Сведения исторических документов русских торговых посольств и дипломатической переписки, а также материалы по исследованию границ в большинстве своем содержат краткие упоминания имени каракалпаков на территории их расселения, но не дают подробных данных. Более подробные сведения этнографического характера появляются лишь в первой половине XVIII в., когда русское правительство направляет к казахскому хану Младшего жуза Абулхайру

Курбанова Земфира Ибрагимовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, e-mail: sapphire71@mail.ru.

посольство А.И. Тевкелева (1731–1734) для переговоров о приведения в подданство России казахов и каракалпаков [Иванов 1935: 60–62].

В 1811 г. каракалпаки были подчинены хивинским ханом. После похода царских войск на Хиву в 1873 г. и заключения Гендемианского договора территория каракалпаков, расположенная на правом берегу р. Амударья, была присоединена к России; здесь был образован Амударьинский отдел Сыр-Дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства, левобережная же часть осталась в составе Хивинского ханства.

В результате октябрьских событий на территории Средней Азии образуются народные советские социалистические республики. После проведения политики национально-территориального размежевания среднеазиатских республик была образована Каракалпакская автономная область [Қарақалпақстан 2003: 207]. Позже она была преобразована в Каракалпакскую автономную республику в составе УзССР [Қарақалпақстан 2003: 216]. С 1990 г. Республика Каракалпакстан в составе Республики Узбекистан.

Культура каракалпакского народа имеет многовековую историю. Богатые фольклорные традиции, народная литература, своеобразное музыкальное и прикладное искусство, национальные игры, искусство сказителей ‘*жыраў*’, певцов ‘*бақсы*’, чтецов ‘*қыссахан*’ и т. п. составляли основу духовной жизни каракалпакского народа.

Каракалпаки имеют давние традиции устного поэтического творчества. Истоки каракалпакской поэзии, каракалпакского фольклора уходят в далекое прошлое, в древние времена, в духовную жизнь древних массагетов, печенежских племен, кыпчакского и ногайского союзов, откуда ведет свое происхождение каракалпакский народ. Многочисленные легенды, сказки, загадки, пословицы и поговорки, исторические и обрядовые песни, эпос каракалпакского народа как бы компенсируют его сравнительно малочисленные древние письменные памятники.

Народное творчество каракалпаков отличается разнообразием и оригинальностью форм. Одной из таких форм являются эпические произведения *дастаны*. Термин «*дастан*» употребляется для обозначения крупных поэтических произведений. Исследователи предполагают, что термин возник в среде предков каракалпаков не ранее X–XII вв. [Максетов 1976: 6]. Каракалпакский *дастан* является результатом творчества коллектива. Отличительной чертой каракалпакского *дастана* является то, что он представляет собой крупное поэтическое творение, перемежающееся местами прозой, исполняется под аккомпанемент традиционных музыкальных инструментов *қобыз* и *дутар* народными певцами *жыраў* и *бақсы*.

Эпическое наследие каракалпаков огромно. Большой любовью у народа пользуются такие эпические сказания как «*Алпамыс», «Қоблан», «Қырқ қыз», «Маспатша», «Ахмет Юсуп», «Гөр уғлы», «Гәрип ашық», «Едиге»* и др. Исследователь Т.А. Жданко, говоря о богатом эпическом наследии каракалпаков, отмечала: «Среди них особенно своеобразна прекрасная каракалпакская эпическая поэма “Кырк кыз”, сюжет которой строится на древней легенде о девушках-воинах – “амазонках”». [Жданко 1958: 110]. Многолетние исследования эпоса «Қырқ қыз» позволили признать его шедевром мирового фольклора [Отениязов 2018: 90]. Эпос не имеет вариантов у других народов, отличается оригинальностью и множественными наслоениями. Как отмечают исследователи, в нем мало фантастических элементов: произведение как будто описывает реальную жизнь, настоящие события из жизни народа.

Некоторые ученые видят в эпосе отголоски древних времен, героических дел амазонок – массагеток, обычаев массагетских племен с присущими им чертами матриархата [Толстов 1947: 69–75; Толстов 1947: 99; Толстов 1954: 13; Жданко 1950: 101–102; Жданко 1958: 110–120], что дает право *дастану* занять особое место среди произведений каракалпакского фольклора.

Исследователи, занимавшиеся происхождением эпоса, пришли к выводу, что время его возникновения определить сложно, *дастан* складывался на протяжении многих веков. Но тот факт, что он восходит к древнейшим временам, остается бесспорным [Дауқарав 1961: 19; Максетов 1976: 70]. С.П. Толстов придерживается мнения, что древний пласт создания эпоса связан с «фригийско-массагетской» культурной традицией, в котором «сюжет амазонок выступает наиболее ярко, сохраняя даже детали, связанные с породившей амазонство системой возрастных классов и в котором можно видеть отголосок массагетского эпоса о Томарис. Характерно, что именно в Приаралье, к северу от Хорезма, византийские послы в VI веке застали тюркские племена, управляемые женщиной» [Толстов 1954: 13]. Многослойность эпоса подчеркивает исследователь каракалпакского фольклора К. Максетов, отмечая, что время возникновения *дастана* «Қырқ қыз» трудно определить, так как в нем имеются наслоения разных времен. «И хотя, – пишет он, – основной темой повествования является победа девушек-воинов, предводительствуемых Гулаим, в *дастане* тесно переплелись элементы древности и события последних веков» [Максетов 1976: 70].

Т.А. Жданко в ходе изучения эпоса приходит к выводу, что в нем имеется несколько слоев, связанных с историей постепенного формирования современного цельного и законченного варианта и предлагает следующую периодизацию: 1) восходящий к древнейшим предкам каракалпаков племенам Приаралья VI–IV вв. до н. э.; 2) отражающий быт средневековых тюркских племен; 3) несомненно каракалпакского происхождения с отражением реальных исторических событий XVIII в.; 4) связанный с влиянием Октябрьских событий и национально-государственным размежеванием Средней Азии в 1924 г. [Жданко 1958: 114]. Периодизация, предложенная Жданко, в отличие от предложенной Н. Давкараевым [Дауқараев 1961: 373], К. Максетовым [Максетов 1976: 72, 73], на наш взгляд, является наиболее полной. *Дастан,* будучи явлением не статичным, а живым организмом, передаваемым из уст в уста, отражал различные аспекты жизни этноса, а его носители *жыраў* и *бақсы*, являясь частицей народа, творчески перерабатывая реальные события, происходившие в их бытность, и воспоминания недалекого прошлого, вносили изменения в содержание произведения. В связи с чем вполне оправданным кажется выделенный Т.А. Жданко четвертый слой, совпадающий со временем жизни исполнителя *дастана,* со слов которого он записан – Курбанбая Тажибаева.

Произведения фольклора являются богатейшим источником для изучения истории культуры и быта народа: в нем наиболее ярко отражено прошлое народа, в частности, уклад жизни, семейные отношения, верования, обряды, мировоззрение и т. д. Эпос «Қырқ қыз» – несомненное подтверждение этому.

Анализ текста *дастана* с этнографической точки зрения позволяет выделить несколько направлений в изучении духовной и материальной культуры, как самих каракалпаков, так и их отдаленных предков.

К наиболее древнему пласту относятся религиозные верования и представления каракалпаков, которые вобрали в себя элементы древнего религиозно-философского мировоззрения. Так, в эпосе содержатся сведения о начальной форме религиозных верований – анимизме. Отразилась в нем вера в существование души, переходу после смерти в иную, загробную жизнь, которые были широко распространены у каракалпаков. Как писал Л.Я. Штернберг, «различные физиологические явления (сон, сновидения, обмороки, явления, сопутствующие смерти, – кровотечения, последний вздох, тень и пр.) привели к заключению, что функциями жизни управляют особые существа (души), от воли и судьбы которых зависит вся жизнь человека» [Штернберг 1936: 233].

В *дастане* эти представления выражены в форме почитания духов предков. Культ предков у каракалпаков был одной из основных ценностных установок образа жизни. Каракалпаки верили, что духи умерших предков наблюдают за живыми родственниками, покровительствуют им в реальной жизни. Это покровительство выражалось во вмешательстве в жизнь людей, оказание всяческой поддержки. Особое отношение к предкам, вера в то, что они оказывают воздействие на повседневную жизнь своих потомков и являются гарантами благополучия своего рода отражены в следующих строках эпоса:

Атамның барып басына,
Бул басымды ийейин,
Басына барып атамның,
Узақ өмир тилейин.
[Қырқ қыз 2009: 31]

На могилу отца пойду,
Голову преклонив,
У могилы его,
Долгой жизни я попрошу.

В современных религиозных практиках каракалпаков почитание предков продолжает занимать одно из значительных мест. Культ предков является одной из наиболее живучих традиций и продолжает сохраняться в наши дни, главным образом в семейных обрядах у многих каракалпакских родов. Причем в современной духовной жизни поклонение культу предков сохраняется не только среди старшего поколения, но и у молодых людей.

Широко бытовали у каракалпаков представления о человеческой душе. Душа у каракалпаков представляется в самых разных видах. Наиболее распространенным «образом» является отождествление души покойного с мухой, которая вылетает из человека при последнем вздохе. Подобные представления в эпосе встречаются неоднократно.

Талай-талай геўдеден,
Шыбындай шықты шийрин жан.
[Қырқ қыз 2009: 84]

Из несчетного количества тел,
Вылетала душа-муха.

Арсыз әжел келер болды өзиме,
Шыбын жаным көринип тур көзиме.
[Қырқ қыз 2009: 39]

Близок час бесчестной кончины,
Душа-муха предстала пред глазами.

Душа умершего у каракалпаков называется ‘*әрўақ*’. *Әрўақ*, согласно представлениям каракалпаков, всегда сопутствует человеку, помогает и оберегает его, оказывает влияние на его судьбу. В приведенном эпизоде духи предков, испуганные происходящим, покидают сородичей:

Тасқа тартып урады,
Қараған мусылмандардың
Әрўақлары кашады.
[Қырқ қыз 2009: 88]

С силой о камень ударяет,
Видевших это мусульман
Духи предков покидают.

Отразился в эпосе такой аспект религиозной жизни как *зиарат*. Паломничество *зиарат* представляет собой обычай посещения святых мест или *мазаров* (могил, захоронений), он существовал в ритуальной практике испокон веков. В Каракалпакстане широкое распространение в народе получило паломничество в рамках ислама, когда святыми местами являются могилы предков, посещаемые по особым дням. Основной причиной паломничества является надежда на избавление от болезней, а также поминовение усопших родичей. Этот мотив преобладает среди других побуждений. Так, и Аллаяр, персонаж *дастана*, после того как обращение к знахарям и гадалкам не излечило его, последней возможностью избавления от внезапно обрушившегося на него недуга видит паломничество к могиле отца.

Барып зиярат етпеге,
Атасының басына,
Көп ўақ жўрип Аллаяр,
Жақынлаған усайды,
Атасының басына.
[Қырқ қыз 2009: 32]

Собрался на зиарат,
К могиле отца,
Долгий путь прошел Аллаяр.
Приблизился, наконец,
К могиле отца.

В современной жизни каракалпаков *зиарат* продолжает занимать определенное место [Карлыбаев 2007: 126–177]. Одной из главных причин совершения паломничества ныне остается поминовение усопших родственников.

Нашли отражение в *дастане* некоторые элементы мусульманского погребального обряда, в частности, упоминается *кепин* – саван, изготовленный из белой ткани. Считалось, что человек при рождении, как и при смерти, должен облачаться в одинаковую одежду. Поэтому для умерших изготавливают *кепин* из белой ткани. Как отмечают исследователи, саван обязательно шили из белой материи, учитывая, видимо, сакральность белого цвета [Есбергенов, Атамуратов 1975: 182].

Шейит болған қызларды,
Ақ жаўып, арыў кепинлер,
Бийик жерге қояды.
[Қырқ қыз 2009: 121]

Погибших в бою девушек,
Завернув в саван белый,
Поместили на возвышении.

Журындайын кәлиңниң,
Гөрин тастан ойдырды,
Ақ жаўып, арыў кепинлер,
Песин ўақта қойдырды.
[Қырқ қыз 2009: 60]

Журына плешивого
Могилу обложили камнем,
Белым саваном накрыв,
Похоронили в полдень.

Өлген бир алты адамды,
Табытларға салыпты.
[Қырқ қыз 2009: 101]

Шестерых погибших
Положили в *табыт.*

Саван как элемент погребального обряда связан с влиянием ислама [Маргинани 2013: 218; Джаназа 2009: 26–31]. В доисламский же период предки многих народов Средней Азии, в том числе и каракалпаков, обычно хоронили покойников не в ритуальном саване, а в обычной повседневной житейской одежде. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические данные, как по древним, так и средневековым памятникам Евразии.

Поминальные обряды каракалпаков, как и других тюркских мусульманских народов, включали пятикратные поминки: 1) *кара асы* (букв. ‘черная трапеза’), справлявшаяся до похорон, 2) *жетиси* или недельные поминки, которые отмечаются через 7 дней; 3) *қырқы* – сороковины, проводят на 37-й, 40-й день после похорон; 4) *жүзи* – сто дней справляются на 97-й, 100-й день и 5) *жылы* – годовщина, которую отмечают за несколько дней до исполнения года со дня похорон умершего [Курбанова 2020: 127]. Из них самыми грандиозными были сами похороны и поминки по истечении года со дня смерти. После годовых поминок траур по покойнику прекращался. Годовые поминки, их значимость усматривается в следующих строках эпоса:

Сен көрерсең көзден ақан жасымды,
Кепинлерде кушақларсаң басымды,
Бул арадан анық бир жыл өткенде,
Ҳалықты жыйнап бердирерсең асымды.
[Қырқ қыз 2009: 46,47]

Ты увидишь слезы, текущие с глаз моих,
Обернутую в саван голову обнимешь,
По прошествии года одного,
Созвав народ справишь поминки по мне.

В исследуемом эпосе представляются интересными строки, в которых просматриваются элементы народной медицины. Истоки ее относятся к древнейшим временам. В жизни каракалпаков народному врачеванию отводилась значительная роль. Народные лекари у каракалпаков назывались по-разному, в основном по роду их деятельности, по способу лечения. В целом же знахарей называли *таўып* (от арабского слова *табиб* – طبيب). Они пользовались авторитетом у народа. В эпосе имеются описания методов лечения *таўып*, упоминается о гадании:

Палшыға пал салдырды,
Шашып дунья-малларын,
Тәўпке өзин бақтырды,
Туўмаған туўды сойдырып,
Өкпеси менен қақтырды.
[Қырқ қыз 2009: 31]

Погадать просил гадалку он,
Щедро одарив деньгами,
Обращался к знахарям,
Молодую телку заколов,
Печенью болезнь выбивал.

Институт *таўып* существует и ныне. Интерес к народным методам врачевания не ослабевает. Причина жизнестойкости опирается на секреты народных знахарей, обладавших глубоким знанием сокровенных сторон человеческой души.

Отзвуком древних магических приемов в эпосе является использование одежды *Журынтаза* в качестве священной *теберик*[1]. Очевидно, поэтому бесплодные женщины, разорвав его на куски, забирают себе кусочки *шапан*.

[1] *Теберик* – подношение. У каракалпаков существовала традиция раздачи одежды или кусочков одежды, принадлежавшей покойному, участникам похорон. Практика связана с

Журынның гөне шапанын, Журына старый *шапан*
Туўмай журген хаяллар, Бесплодные женщины
Теберик деп бөлисти. Разорвали на *теберик*.
[Қырқ қыз 2009: 47]

Отразились в эпосе отдельные элементы исламской обрядности. На протяжении почти полутора тысячи лет ислам являлся основой духовной культуры каракалпакского общества, проник во все сферы общественных отношений, определял образ жизни мусульман. Исламская религия, оказавшая влияние на все сферы жизни, определила свои границы и в обрядах, и ритуалах. В эпосе имеются описания отголосков ритуала, обязательного для мусульманина, чтение молитвы *намаз*, подчеркивается значимость омовения *дәрет* при подготовке к молитве. Омовение в исламском вероучении занимает особую роль, так как без него мусульманам нельзя совершать некоторые обряды поклонения. Под этим термином в исламе понимается процесс ритуального очищения, совершаемого верующими как минимум несколько раз в день. В «Қырқ қыз» приведено описание подготовки к совершению *намаз* Аллаяром:

Ҳақ тәретин алады, Омовение совершив,
Өткен қаза намазын, Поминальную молитву
Қалдырмай оқып алады. Стал с усердием читать.
[Қырқ қыз 2009: 32]

Дано описание самого процесса чтения молитвы, сопровождавшегося чтением стихов из Корана – *аятов*:

Қайта, қайта бул пақыр, Снова и снова, несчастный,
Аят қоймай оқыды, Читает усердно аят,
Атасының әрўағын, К духу отца своего
Әсте тыңлап барлады. Осторожно прислушиваться стал.
[Қырқ қыз 2009: 32]

Имеются строки, отражающие один из древних обычаев каракалпаков, – благословение (*пәтия бериў*). Право давать благословение имеют аксакалы или старший по возрасту человек. Благословение дается во время семейных праздников, перед дальней поездкой и перед важным событием. Каракалпаки верили, что благодаря доброму и искреннему пожеланию праведного человека можно достичь поставленных целей и желаний. Искренность и светлые пожелания при благословении в *дастане* подчеркиваются прилагательным *ақ* ‘белый, светлый’.

Бахтымыздан не ис болса көрейик, Коль в силах наших помочь, не откажемся,
Өле-өлгенше кейинине ерейик, Будем верно служить до самой смерти,
Өлместей ет ғаррыларды, қарағым, Ты спаси от гибели стариков, дорогая,
Қолды жайып ақ пәтия берейик. Благословением своим тебя одарим.
[Қырқ қыз 2009: 105]

представлениями, согласно которым одежда покойного считается священной, так как в ней остается частица его души.

Нашло отражение в эпосе и моральное понятие, выражающее долг человека перед страной, обществом, – *парыз*. Эта обязанность определяется, изменяется и дополняется в каждую эпоху, в зависимости от исторической и социальной ситуации. Долг зависит от способностей и активности человека, его чувствительности. Поэтому его нельзя отделить от природы и интересов человека, от жизни родного края и нужд его родины:

Пайғамбарға бир жүз қойды берипсең,
Ҳақтын салған ислерине көнипсен,
Берекет тап, узақ жаса, шырағым,
Мусылманның парызлы исин етипсен.
[Қырқ қыз 2009: 33]

Пожертвовал Пророку сто баранов,
Истину признал,
Благословенен будь, живи долго, дорогой,
Долг мусульманин сполна исполнил ты.

Представления о загробном мире, судном дне отразились в следующих строках эпоса:

Қаншелли гүна етсе де,
Сораўшы әпиў етеди,
Қыяметте қыл көпирден,
Аман – саўғана өтеди.
[Қырқ қыз 2009: 37]

Сколько бы ни грешил,
В судный день все простят,
В судный день по тонкому мосту
Благополучно он пройдет.

В *дастане* не приводится описание ада, однако есть строки, где упоминается о нем:

Қырғаўылдай қылпыйтып,
Салды мойын дузаққа,
Қайтып шықпас етти де,
Таслады саққа дозаққа.
[Қырқ қыз 2009: 36]

Как испуганный фазан,
Попавший в западню,
Из которой не вырваться,
Выброшен в ад.

Неотъемлемой частью культуры каракалпаков являлись игры и развлечения, в первую очередь обрядовые. Они сопровождали традиционные праздники, свадьбы, гуляния. В эпосе нашли отражение традиционные игры и развлечения каракалпаков: *ылақ* ‘состязания наездников’, *көкпар* ‘козлодрание’, *алтын қабақ атыў* ‘метание золотых стрел’. В играх принимали участие все молодые люди. Как отмечает Г.П. Лобачева, у каракалпаков не было затворничества женщин. «У каракалпакской молодежи преграды в общении определялись не установлениями ислама, как у соседей, а реликтами патриархально-родовой психологии» [Лобачева 2003: 87].

Конные состязания, развивающие в людях силу, ловкость, мужество, в силу полукочевого уклада жизни у каракалпаков получили наибольшее распространение. Одним из таких видов развлечений являлось козлодрание *көкпар*, без которого не обходилось ни одно торжественное мероприятие:

Ҳалқынды жыйнап, жан ата,
Ортаға көкпар тасладың,
Алысқа атты шаптырдың,
Ҳәр елден мерген алдырып,
Алтын қабақ аттырдың.
[Қырқ қыз 2009: 40]

Собрав народ, дорогой отец,
Ты устроил *көкпар*,
Далеко гонцов послав,
С разных стран метких стрелков пригласил,
Метание стрел устроил.

Для игры *көкпар* родители жениха давали теленка или в крайнем случае козла, которому отрезали голову и ноги до колен, очищали внутренности, сшивали живот крепким шпагатом и выносили участникам игры. Между всадниками начиналась борьба за обладание тушей.

Испытать свои возможности, проявить силу, волю и мужество разрешалось молодым наездникам, достигшим 16 лет, в состязании *ылақ*. Исследователи усматривают в подобных состязаниях, сопровождающих праздничную семейно-бытовую обрядность, элементы возрастных инициаций, дошедшие из глубин веков [Снесарев 1963: 177]:

Қырық қызы менен атаўда,	С сорока девушками на острове,
Тартып ылақ ойнады.	Состязались.

[Қырқ қыз 2009: 8]

Ни одно торжественное мероприятие не обходилось без исполнителей *жыраў*. Традиция приглашать их существовала вплоть до середины XX в.

Қырық қызы менен Гулайым,	С сорока девушками Гулайым,
Женгесинин уйинде,	В доме у своей снохи,
Бақсы-жыраў айттырып,	Пригласила *бақсы-жыраў*,
Гүңиренди хаўазлар.	Слышалось пение их издалека.

[Қырқ қыз 2009: 55]

Большой интерес для этнографов представляют сведения о традиционной одежде, отличавшейся своеобразием. В «Қырқ қыз» неоднократно упоминается о старинном головном уборе каракалпачек *сәўкеле*:

Сәўкеле кийди басына	Надела на голову *сәўкеле*

[Қырқ қыз 2009: 9]

Ғайратланған қырық қызы бар қасында,	Богатырские сорок девушек рядом,
Алтын гүмис сәўкелеси басында.	Злотые, серебряные *сәўкеле* на голове.

[Қырқ қыз 2009: 30]

Этот головной убор не перестает вызывать интерес у исследователей. Каракалпакский *сәўкеле* представляет собой мягкую круглую глубокую шапку-ушанку из войлока, покрытую красным сукном, богато украшенную вышивкой, ювелирными изделиями в виде серебряных подвесок и блях с глазками сердолика и кораллов. Предположение, что подобный головной убор в основе своей имел шлем, отмечено рядом ученых, и достаточно давно сформулирован тезис о том, что уборы шлемовидного типа связаны с боевыми шлемами воинов сако-массагетских и сармато-аланских племен, в среде которых, как известно, были чрезвычайно сильны традиции матриархата и нередко, наравне с мужчинами, предводителями и правителями были женщины [Морозова 1954: 136; Жданко 1958: 552, 553; Жданко 1971: 167]. Каракалпакский эпос является прямым подтверждением данного тезиса.

В *дастане* находим описания головных уборов: *Қундыз телпек кийгизипти басыңа* (‘Бобровая шапка на голове’) [Қырқ қыз 2009: 16], *Басында бар сәллеси*, (‘На голове тюрбан’) [Қырқ қыз 2009: 26]. Приведены сведения о дополняющих костюм элементах, таких, как накосное украшение, пояс: *Алтын шашбаў жара-*

сады шашыңа, Алтын қәмар жарасады бойларға (‘Золотой накосник украшает волосы. Золотой пояс красит тебя’) [Қырқ қыз 2009: 23], *Белинде қосбаўы, қолында қусы* (‘Опоясан кожаным ремнем, / В руках ловчая птица’) [Қырқ қыз 2009: 19]; *Устине кийди мәллени* (‘Надел на себя *шапан*’) [Қырқ қыз 2009: 26].

Жипектен жона көйлекше,
Жипектен жөргек алдырдың,
Тоғыз жасқа келгенде,
Торқадан кийим кийгиздиң.

Распашонку шелковую,
Шелковую пеленку привезти велел,
Как исполнилось девять,
Платье из *торқа* пошить велел.

[Қырқ қыз 2009: 40]

На термине «*торқа*» хотелось бы остановиться подробнее. *Торқа* – старинный вид ткани, вырабатывавшийся из волокна конопли – *кендир.* Пряжа из этого растения имела естественный светло-серебристый цвет. Более толстая, прочная, сотканная в несколько нитей ткань шла на изготовление мужских халатов *торқа тон* и на покрытие шуб. Из более тонкой пряжи ткали материал для женской одежды [Томина 1989: 244]. Упоминание данной ткани в *дастане* подтверждает давность его бытования.

Наличие термина *торқа* во многих тюркских языках свидетельствует о древности происхождения и широком распространении в прошлом в тюркском мире как самого термина, так и, следовательно, самого предмета – прочной и красивой ткани, очевидно, выработанной не из хлопка, а из волокон других растений, в том числе из *кендир*[2]. Традиция производства тканей из растительного волокна заслуживает внимания еще и потому, что косвенно свидетельствует о древних этногенетических и этнокультурных связях каракалпаков с угорскими народами Урала и Поволжья и древним тюркским миром Южной Сибири. Т.А. Жданко обратила внимание на то, что обские угры, а также башкиры и некоторые народы Поволжья сохраняли древнюю хозяйственно-культурную традицию выработки прядильного волокна из дикорастущих растений (конопли, крапивы) [Жданко 1971: 170]. Конопля была распространенным среди марийцев растением, использующимся в производстве холста [Молотова 2002]. Кроме того, каракалпакский *кендирный* холст, по-видимому, имеет аналогии и в древнескифском мире Алтая – во 2-ом Пазырыкском кургане (V–IV вв. до н. э.) С.И. Руденко обнаружил при раскопках ткань из растительного волокна конопли [Руденко 1948: 58]. Возможно, это тот же *Apocynum sibiricum*, что растет по берегам Арала и в дельте р. Амударья.

Все перечисленные этнографические элементы в *дастане* находят свое дополнение и подтверждение этнографическими данными. При малочисленном количестве письменных источников по истории каракалпаков фольклор представляет собой богатый материал, вобравший в себя темы, связанные с хозяйственной жизнью, семейным бытом и традициями. В них отражены исторические реалии, борьба с внешним врагом и другие события, пережитые народом за пройденный исторический путь.

Приведенные примеры иллюстрируют взаимосвязь каракалпакского фольклора с этнографией. Значение фольклора как источника для изучения истории и этнографии каракалпаков остается актуальным. Более того, приобретает большее

[2] *Кендир* – конопля.

значение, чем когда-либо, потому что в современной действительности возникла потребность в более глубоком и всестороннем изучении языка, культуры, истории народов.

Литература

Ахмедов 1985 – *Ахмедов Б.А.* Историко-географическая литература Средней Азии. XVI–XVIII вв. (письменные памятники). – Ташкент: Фан, 1985. – 264 с. {*B.A. Akhmedov.* Historical and geographical literature of the Central Asia. 16th–18th centuries (monuments of writing). – Tashkent: Fan, 1985. – 264 p.}

Дауқараев 1961 – *Дауқараев Н.* Революцияға шекемги қарақалпақ адебияты тарихынынг очерклери. – Нөкис, 1961. – 206 с. {*N. Dauqaraev.* Sketches of Karakalpak literature of pre-Revolution period. – Nukus, 1961. – 206 p.}

Джаназа 2009 – Джаназа. Погребальные обряды в Исламе. – Киев: Аль-Иршад, 2009. – 72 с. {Janazah. The funeral rites of Islam. – Kiev: Al-Irshad, 2009. – 72 p.}

Жданко 1958 – *Жданко Т.А.* Каракалпакская эпическая поэма «Кырккыз» как историко-этнографический источник // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXX. – М., 1958. – С. 110–120. {*T.A. Zhdanko.* Karakalpak epic poem «Kyrkkyz» as a historical and ethnographical sources // Short reports of Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. Issue 30. – Moscow, 1958. – PP. 110–120.}

Жданко 1971 – *Жданко Т.А.* О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – С. 161–173. {*T.A. Zhdanko.* On similarity of some historical rites of Karakalpaks and Bashkirs // Archeology and ethnography of Bashkiria. – Ufa, 1971. – PP. 161–173.}

Жданко 1950 – *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков // ТИЭ. – Т. IX. – М.–Л.: АН СССР, 1950. – 170 с. {*T.A. Zhdanko.* Sketches of historical ethnography of Karakalpaks // TIE. – Volume 9. – Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1950. – 170 p.}

Иванов 1935 – *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков // ТИВ АН СССР. – Т. VII. – М.–Л., 1935. – С. 9–89. {*P.P. Ivanov.* A sketch of history of Karakalpaks // Data on the history of Karakalpaks // Works of Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. – Volume 7. – Moscow–Leningrad, 1935. – PP. 9–89.}

Карлыбаев 2007 – *Карлыбаев М.А.* Роль зияратов в повседневной жизни каракалпаков // Мир ислама. Материалы международной исламоведческой научной конференции. 11–13 декабря. – Москва, 2007. – С. 126–133. {*M.A. Karlybayev.* The role of ziyārahs (ziyarats) in everyday life of Karakalpaks // The World of Islam. Data of the International Conference on Islamic Studies. December, 11–13. – Moscow, 2007. – PP. 126–133.}

Қарақалпақстан 2003 – Қарақалпақстан XIX әсирдиң екинши ярымынан XXI әсирге шекем. – Нөкис: Қарақалпақстан, 2003. – 554 с. {Karakalpakstan from the second part of the 19th century till the 21st century. – Nukus: Qaraqalpaqstan, 2003. – 554 p. (In Karakalpak.)}

«Кырк кыз» 1983 – «Кырк кыз». Каракалпакская народная поэма. В переложении А. Тарковского. – Нукус: Каракалпакстан, 1983. – 356 с. {"Kyrk kyz". Karakalpak folk poem. In rendition of A. Tarkovsky. – Nukus: Karakalpakstan, 1983. – 356 p.}

Курбанова 2020 – *Курбанова З.И.* Семейная обрядность каракалпаков: обычай *бес кийим* в динамике трансформаций традиционной культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2020. – Том 48. – № 3. – С. 124–133. {*Z.I. Kurbanova.* The family rites of Karakalpaks: the *bes kiyim* rite in momentum of transformation of the traditional culture // Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. – Novosibirsk, 2020. – Volume 48. – No. 3 – PP. 124–133.}

Лобачева 2003 – *Лобачева Г.П.* Из традиционного быта каракалпакской молодежи (по полевым материалам 50-х годов XX в.) // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 1. – С. 87–97. {*G.P. Lobacheva.* About the traditional way of life of Karakalpak youth (based on the field data of the 1950s) // Ethnographical review. – 2003. – No. 1. – PP. 87–97.}

Максетов 1976 – *Максетов К.М.* Каракалпакский эпос (к вопросу о художественных особенностях дастанов и репертуаре Курбанбая Тажибаева). – Ташкент, 1976. – 180 с. {*K.M. Masketov.* The

Karakalpak Epos (in relation to artistic peculiarities of dastans in Kurbanbay Tajibayev's repertoire). – Tashkent, 1976. – 180 p.}

Молотова 2002 – *Молотова Т.Л.* Ткачество марийцев (способы обработки волокна, процессы тканья холста) // Этническая культура марийцев. Традиции и современность. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 56–71. {*T.L. Molotova.* The Mari weaving (ways of fibre processing, the processes of linen weaving) // Ethnical culture of Maris. Traditions and modernity. – Yoshkar-Ola, 2002. – PP. 56–71.}

Морозова 1954 – *Морозова А.С.* Культура домашнего быта каракалпаков начала XX века (к вопросу этногенеза). – Ташкент, 1954. – 255 с. // Рукописный Фонд Фундаментальной библиотеки Академии наук Республики Узбекистан. –Инв. № РД-247. {*A.S. Morozova.* Karakalpak house life of the beginning of the 20th century (with regard to ethnogenesis. – Tashkent, 1954 – 255 p. // The Manuscript Collection of the Fundamental Library of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan. – Inv. No. RD-247.}

Отениязов 2018 – *Отенязов П.Ж.* История сбора, издания и исследования каракалпакских народных сказок // Российская тюркология. – 2018. – № 3–4. – С. 89–97. {*P.Zh. Oteniyazov.* The history of collection, edition and research of Karakalpak folk tales // Russian Turkology. – 2018. – No. 3–4. – PP. 89–97.}

Руденко 1948 – *Руденко С.И.* Второй Пазырыкский курган. – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1948. – 64 с. {*S.I. Rudenko.* The Second Pazyryk Burial. – Leningrad: The State Hermitage publishing house, 1948. – 64 p.}

Сагитов 1946 – *Сагитов И.Т.* О дастане «Кырккыз». Литературный альманах «Знамя Победы», кн. 1. – Нукус, 1946. – С. 56–64. {*I.T. Sagitov.* On the «Kyrkkyz» dastan. Literary almanac «Znamya Pobedy» («The Victory Banner»), Book 1. – Nukus, 1946. – PP. 56–64.}

Толстов 1947 – *Толстов С.П.* Город гузов / Историко-этнографические этюды // Советская этнография. – 1947. – № 3. – С. 55–102. {*S.P. Tolstov.* The city of Ghuzs / Etudes of History and Ethnography // Soviet ethnography. – 1947. – No. 3. – PP. 55–102.}

Толстов 1947 – *Толстов С.П.* К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. – Вып. II. – М.–Л., 1947. – С. 69–73. {*S.P. Tolstov.* In relation to the genesis of the Karakalpak people // Brief Reports of Institute of Ethnography. – Book 2. – Moscow–Leningrad, 1947. – PP. 69–73.}

Толстов 1954 – *Толстов С.П.* Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии Каракалпакии и каракалпаков // Бюллетень АН УзССР. – 1954. – № 9–10. {*S.P. Tolstov.* The main outcomes and prospects of research of history and archeology of Karakalpakia and Karakalpaks // The Bulletin of the Academy of Sciences of UzSSR. – 1954. – No. 9–10.}

Томина 1989 – *Томина Т.Н.* Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 228–252. {*T.N. Tomina.* Fabrics in the clothes of nomads and semi-nomads of the Central Asia // The Traditional Clothes of Peoples of the Central Asia and Kazakhstan. – Moscow: Nauka, 1989. – PP. 228–252.}

Маргинани 2013 – Аль-Хидайа фи шарх «Бидайа аль-Мубтади». Руководство в комментарии к (книге) «Вступление начинающего». Книга очищения, молитвы, закята, поста и хаджа. – Алматы: Кәусар саяхат, 2013. – 467 с. {Marghīnānī 2013 – *AlHịdaiё fi ṣarḥ Bịdaiё alMubtadi*. The guide in commentary to (the book) «Introduction for the beginner». The book of cleanse, pray, zakāt, and the Hajj. – Almaty: Käusar sayahat, 2013. – 467 p.}

Штернберг 1936 – *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. – Л.: Издательство народов Севера, 1936. – 570 с. {*L.Ya. Sternberg (Shternberg).* The primeval religion in the light of ethnography. Research, articles, lectures. – Leningrad: Publishing house of the Peoples of the North, 1936. – 570 p.}

ETHNOGRAPHIC ELEMENTS IN THE EPOS «KYRK KYZ»

Z.I. Kurbanova

Nukus

Summary: The epic legacy of the Karakalpak people is rooted in the distant past. It is notable for its rich content and originality of forms. The study of the epic works of Karakalpaks is

of interest not only for folklorists, but also for ethnographers. The ethnographic elements that it contains are a valuable source. The study of epic in this aspect is of great importance, since the sources about the past of the Karakalpak people are extremely scarce.

Key words: Karakalpaks, epos, folklore, culture, custom, rite, tradition, Amazons.

Zemfira Ibragimovna Kurbanova – Ph.D. in history, head of Ethnography Department of Karakalpak Scientific and Research Institute of Humanities, Karakalpak Department of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan, e-mail: sapphire71@mail.ru.

№ 1–2 (30–31) 2021

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ САМОЗАПИСИ ЭПОСА СКАЗИТЕЛЕМ И ЕГО ФОНОЗАПИСИ (НА ПРИМЕРЕ ШОРСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ)[1]

И.А. Невская, Л.Н. Арбачакова
г. Новосибирск, г. Франкфурт-на-Майне

Резюме: В статье на примере шорских героических сказаний «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» рассматриваются некоторые фонетические, лексические и текстовые особенности их самозаписей сказителем и аудиозаписей, сделанных исследователем. Самозаписи были сделаны кайчи В.Е. Таннагашевым, а аудиозаписи – Л.Н. Арбачаковой. В результате сравнения этих вариантов было выявлено, что аудиозаписи отличаются многочисленным использованием повторяющихся слов, русизмов, междометий, возгласов, а также оговорками. В них отражены диалектные особенности речи сказителя и его произношение. Самозаписи данного сказителя являются сокращенными и слегка «подчищенными» текстами, стремящимися соответствовать литературным письменным нормам. В них содержится прямое указание на то, что они являются самозаписями сказителя.

Ключевые слова: аудиозапись, самозапись, шорский язык, героическое сказание, сказитель, эпическая эвиденциальность.

1. Вводные замечания

Статья посвящается светлой памяти Эдгема Рахимовича Тенишева, великого российского ученого, вдохновившего целый ряд поколений тюркологов, в их числе и авторов статьи, на документацию языка и фольклора тюркских народов и а проведение лингвистических и фольклорных исследований. Эдгем Рахимович был примером самого тщательного подхода к сбору и публикации языкового и фольклорного материала.

Все исследователи, публикующие записи фольклорных произведений, стоят перед выбором решения, насколько точно нужно передать все аспекты записи, в какой

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Невская Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, ассоциированный профессор Франкфуртского университета; e-mail: nevskayairina60@gmail.com.
Арбачакова Любовь Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия; e-mail: anzass@mail.ru.

степени можно нормировать записанный текст (устранять оговорки, избавляться от междометий и «слов-паразитов», заменять окказиональные русские слова и выражения соответствующими словами родного языка информантов и т. п.). Перед подобными проблемами стоят и сами носители, и знатоки данного языка и фольклора, если они делают самозапись некоего фольклорного произведения. В случаях публикации записей или самозаписей эпических произведений необходимо учитывать и творческий подход сказителя к тексту, и его относительную свободу в выборе общих мест, эпических формул и в их варьировании. В результате самозапись сказителя и публикация исследователем расшифровки той же фонограммы, которая была основой для самозаписи, могут значительно отличаться друг от друга.

В данной статье рассматриваются некоторые фонетические, лексические и текстовые различия самозаписей сказителя и расшифровок аудиозаписей этих же сказаний, сделанных Л.Н. Арбачаковой.

Шорское героическое сказание «Күннӱ көрген Күн Көөк» в исполнении выдающегося шорского сказителя В.Е. Таннагашева (1932–2007) было записано Л.Н. Арбачаковой в 1999 г. Сказитель подготовил его самозапись, а расшифровка аудиозаписи сказания была сделана Л.Н. Арбачаковой. Сказание «Ақ Плек» было записано Л.Н. Арбачаковой от того же сказителя, в фонозаписи оно было сделано через год (в 2000 г.). Сказитель сделал самозапись сказания «Ақ Плек» спустя шесть лет, в 2006 г. Фонозаписи обоих сказаний были сделаны в г. Мыски Кемеровской области в доме самого сказителя. По словам В.Е. Таннагашева, он впервые услышал сказание «Күннӱ көрген Күн Көөк» от своего учителя П.Н. Амзорова, а «Ақ Плек» – от сказителя Мукалиша (к сожалению, кайчи не мог вспомнить его фамилию). Самозапись сказания «Күннӱ көрген Күн Көөк» была подготовлена к публикации Д.А. Функом [Функ 2010: 391], самозапись «Ақ Плек» опубликована не была. Аудиозаписи обоих сказаний «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» были расшифрованы, подготовлены к печати и опубликованы Л.Н. Арбачаковой в книге «Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева» [Сказания Таннагашева 2015].

Сказания были исполнены сказителем *каем* (горловым пением) под аккомпанемент комуса. Исполнение шло в рамках сложившейся шорской эпической традиции. Однако, в силу устной природы сказывания и хорошего владения эпическим слогом, кайчи был относительно свободен и допускал импровизацию. Надо сказать, что степень импровизации, особенно проявляющаяся в вариативности эпических формул, в лексическом и синтаксическом строе, широком использовании синонимии, в конечном итоге задает уровень художественности эпического повествования. Фиксации эпоса в виде самозаписи сказителя и в аудиозаписи позволяют нам провести их сопоставительный лингвистический анализ, раскрыть некоторые особенности исполнительского мастерства кайчи, а также показать его подходы к решению возникающих проблем при самозаписи.

Сравнительному анализу эпических формул и типических мест в этих фиксациях мы планируем посвятить отдельную работу. Особенностям исполнения сказителя В.Е. Таннагашева посвящена публикация [Арбачакова 2009: 86–89]. Авторы данной статьи исследовали индивидуальную лексику шорских сказителей, в том числе и сказителя В.Е. Таннагашева, в сопоставительно-обобщающем плане в статье [Арбачакова, Невская 2020]. Л.Н. Арбачакова провела сравнение двух

видов фиксации сказания «Күннӱ көрген Күн Көөк» [Арбачакова 2021]. В данном исследовании мы также проводим сопоставительный анализ фонетических, лексических и текстовых отличий самозаписей сказителя двух героических сказаний «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» от их фонозаписей, предлагаем новые подходы к объяснению «ошибочных» фиксаций, а также анализируем процессы нормирования текстов, которые мы наблюдаем как в самозаписях, так и в расшифровках исследователей. Мы особенно останавливаемся на ценности обоих видов фиксации, а также на тех особенностях живого исполнения эпоса, которые утрачиваются в нормированной самозаписи.

Важность изучения повторных записей для решения многих исследовательских задач подчеркивал В.М. Гацак в своей монографии «Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики» [Гацак 1989: 256]. В данном случае мы исследуем не разные фонозаписи сказаний, а их разные расшифровки – сделанные самим сказителем и исследователем. Как показывают первые результаты нашего исследования, их сопоставительный анализ раскрывает два разных пласта фиксации фольклорного материала – на уровне статического, идеализированного и нормированного текста сказания как части эпического наследия шорцев и на метауровне исполнения сказания кайчи и его общения со слушателями.

2. Фонетические различия самозаписи и аудиозаписи

2.1. Глухие согласные в интервокальном положении

В самозаписи «Күн Көөк» присутствуют многие глухие согласные в интервокальном положении, хотя по правилам ассимиляции согласных они должны озвончаться: *о**т**уруп* вместо *о**д**уруп* ‘сев’; *ады**ш**арға* вместо *ады**ж**арға* ‘стреляться’; *па**с**ып* вместо *па**з**ып* ‘идя’; *ча**с**ыға* вместо *ча**з**ыға* ‘в степь’ и т. д. Это наблюдается на протяжении всей записи.

Такое явление связано с тем, что оппозиция согласных по глухости-звонкости в шорском языке является сопутствующей. Основная же оппозиция, по которой противопоставляются согласные звуки, в орфографии обозначающиеся как *т – д*, *с – з*, *ш – ж* и т. д., является оппозицией по шумности-малошумности, имеющей несколько иную природу. Поскольку шорская орфография основывается на кириллической графике, которая также используется и для русского языка, где основной является именно оппозиция по глухости-звонкости, носители шорского языка ожидают подобных различий и для звуков, которые обозначаются соответствующими парами кириллических согласных. Поэтому шорский «д» между двумя гласными оказывается для них недостаточно звонким по сравнению с русским «д»; шорский «д» для них звучит ближе к русскому «т», чем к русскому «д». В процессе обучения носителей шорского языка шорской орфографии они учатся использовать соответствующие буквы «правильно», хотя фонетическая реальность противоречит их ожиданиям. Поскольку сказитель обучался шорской орфографии в детстве, когда к тому же происходила смена кириллического и латинского шорских алфавитов, неудивительно, что он полагается больше на звучание, чем на правила орфографии. Подобные орфографические ошибки нередки и у современных носителей других тюркских языков Южной Сибири, пользующихся кириллическими алфавитами.

2.2. Редукция и выпадение гласных и согласных

Некоторые слова в этой самозаписи были воспроизведены сказителем в стяженном виде. Д.А. Функ, подготовивший к публикации таннагашевскую самозапись сказания «Күннӱ көрген Күн Көөк», отметил в предисловии, что «…исправлены также формы, в которых сказитель “проглатывал” гласные или согласные, вроде *толдра* (*толдыра*), *чача* (*чатча*), *слағайлығ* (*сылағайлығ*), *қнат* (*қынат*), *чалтрап* (*чалтырап*), *қыйғлап* (*қыйғылап*) и т. п.» [Функ 2018: 12].

Во время расшифровки сказаний с фонозаписей подобные слова с «проглоченными» звуками (например, *игеле* вместо *ийгеле* ‘вдвоем’, *ӱдре* вместо *ӱдӱре* ‘навстречу’, *айдағa* вместо *айдарға* ‘говорить’ и т. д.) в издании Л.Н. Арбачаковой уточнялись, т. е. давалась их более полная форма, тем более что на основании аудиозаписи не всегда можно было однозначно утверждать, что при произношении эти звуки полностью пропадали [Сказания Таннагашева 2015]. Некоторые слова в аудиозаписи сказителем действительно были произнесены в стяженной форме, что характерно для разговорного стиля.

Мы наблюдаем и противоположное явление – нормирование сказителем самозаписи. Так, в фонозаписи «Күннӱ көрген Күн Көөк» первый согласный дательного падежа в позиции между гласными выпадает, а гласные стягиваются: *тегре-е* ‘в небо’, *ӧрге-е* ‘во дворец’, *а-а* ‘ему’, а в самозаписи сказитель написал эти слова с нестяженной формой аффикса в соответствии с грамматическими нормами шорского языка: *тегри-ге*, *ӧрге-ге*, *а-ға*.

2.3. Ассимиляция согласных

В самозаписях сказаний «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» встречается ассимиляция первого согласного аффикса настоящего времени предшествующим свистящим согласным основы глагола: *пасся*/*пася* ‘идет’ вместо *пас-ча* (*-ча* – аффикс наст. вр.); при этом последний согласный основы палатализируется, что сказителем передано следующим образом: *чассям* < *часям* ‘умираю’ вместо *час-ча-м* (*-ча* – аффикс наст. вр., *-м* – 1 л. ед. ч.). Это происходит и с другими аффиксами, имеющими начальный согласный *ч-*, после свистящего согласного основы: *ӧсиған* ‘растущий’ вместо *ӧсчыған* (*-чыған* – аффикс имперфективного причастия); *қысяқ*/*қысяғаш* ‘девочка’ вместо *қысчақ*/*қысчағаш*’ (*-чақ*/*-чағаш* – уменьшительно-ласкательные аффиксы). Д.А. Функ с целью сохранения особенностей сказительской речи при публикации сказаний в подобных словах сохранил оригинальное написание [Функ 2018: 12].

3. Лексические различия самозаписи и аудиозаписи

3.1. Различия в наименовании героев

Имена главных героев в сказаниях «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» в самозаписи полностью совпадают с фонозаписью. Однако имя противника главного героя Ай Толая в самозаписи эпоса «Күннӱ көрген Күн Көөк» сказитель передал как Кан Киган, в аудиозаписи сказания его зовут Кан Чибек. А в самозаписи сказания «Ақ Плек» друг главного героя Ак Плека зовется Алтын Шур, в то

время как в фонозаписи это имя дано как Алтын Топчу. Возможно, что сказитель, расшифровывая сказания, заметил, что назвал имена персонажей во время исполнения неправильно, и исправил свои ошибки.

3.2. Использование повторяющихся слов и междометий

Отметим, что аудиозаписи отличаются многочисленным использованием слова *тедир* ‘сказал, говорил, оказывается’, употребляемого исполнителем в момент коротких заминок, которые он в самозаписи выпустил. Так, в самозаписях «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» нет чрезмерного использования слова *тедир* ‘сказал, говорил, оказывается’: в «Күннӱ көрген Күн Көөк» оно встретилось всего 8 раз, в «Ақ Плек» – 7 раз, в то время как в аудиозаписи сказания «Күннӱ көрген Күн Көөк» это слово употреблено почти 300 раз (292), в «Ақ Плек» – 250 раз. Многочисленное использование этого слова отмечено и для других шорских сказителей, индивидуальные особенности исполнения которых мы исследовали [Арбачакова, Невская 2020].

Слово *тедир* ‘сказал, говорил, оказывается’ является формой индиректива от глагола *те-* ‘сказать, говорить’. Категорию индиректива в тюркских языках ввел Ларс Йохансон [Johanson 2000: 61–89]. Это тюркская грамматическая категория, которая выражает передачу содержания высказывания опосредованно: это может быть непрямая эвиденциальность (пересказывательность: *как говорят*, *по словам Х*, или логический вывод о произошедшем событии, т. е. инференция: *по-видимому*, *очевидно* и т. п.) [Chafe, Nichols 1986; Johanson, Utas 2000; Исхакова и др. 2007] или неожиданность некоего события, удивление по его поводу (т. е. миративность: *как оказалось* и т. п.) [DeLancey 1997]. Шорский показатель индиректива – это аффикс *-ДЫр* [Nevskaya 2002; Исхакова и др. 2007], который присутствует в слове *тедир*.

Как мы отмечали в статье [Арбачакова, Невская 2020], благодаря частотности в устной речи слово *тедир* ‘сказал, говорил, оказывается’, видимо, превращается в шорском языке в прагматическую частицу, которая, теряя исходное значение индирективности, служит для сказителя неким «заполнителем пауз» при исполнении эпоса. Подчас даже возникает впечатление, что его частое употребление разрушает художественно-поэтическую цельность исполнения [Фольклор шорцев 2010: 438].

Глагол *эрбекте-* и *эрбектен-* ‘говорить, рассказывать’ в формах простого и аналитического настоящего времени *эрбектепча* и *эрбектен(и)б-одурча* ‘говорит, сказывает’ функционально может соответствовать слову *тедир*. В сказании «Күннӱ көрген Күн Көөк» эти формы употреблены 15 раз, в «Ақ Плек» – 16 раз; в самозаписи, соответственно, 10 и 4 раза, т. е. тут нет такого разительного различия в их частотности в самозаписях и аудиозаписях, что свидетельствует о том, что для этих слов нехарактерно превращение в прагматическую частицу, они сохраняют свое лексическое значение.

Формы деепричастий и настоящее время глагола *те-* ‘говорить, сказать’ *теп* / *теп-келип* / *тепча* ‘говоря / сказав / говорит’ в аудиозаписях сказаний «Күннӱ көрген Күн Көөк» зафиксированы в 54 случаях, в «Ақ Плек» – 14 раз; а в самозаписях в 43 и 8, т. е. тут тоже различия в их частотности в самозаписях и в расшифровках аудиозаписей незначительны.

Кроме этого, в фонозаписях чаще прозвучало междометие *эзе* ‘да, конечно’, чем оно представлено в самозаписях; например, в фонограмме сказания «Күннӱ көрген Күн Көөк» оно встретилось 35 раз, в «Ақ Плек» – 25 раз, а в самозаписи «Күннӱ көрген Күн Көөк» – 26 раз, в то время как в «Ақ Плек» этого возгласа нет.

Другое непереводимое слово-сорняк *ноо*, которое произносится в момент небольшой паузы или заминки, в фонозаписи «Күннӱ көрген Күн Көөк» использовано 12 раз, в «Ақ Плек» – 9, а в самозаписях текстов оно отсутствует. Кроме этого, в аудиозаписях сказаний встречаются другие междометные возгласы сожаления или удивления, характерные для устного исполнения: *пай-пай*, *э-э, о-о*.

То, что сказитель «очистил» самозапись сказания от большинства подобных слов, характерных для устного исполнения эпоса, можно понять: они не относятся к тексту самого сказания, а являются маркерами метаплана, т. е. ситуации устного исполнения текста, при котором сказитель общается со слушателями, призывая их вместе с ним посочувствовать герою, удивиться сложившейся ситуации, подчеркнуть, что именно так и было ему передано сказание предыдущими мастерами-сказителями, привлечь внимание к тому, что ситуация развивается далее и т. п. Тем самым, подобные «слова-сорняки» являются важными элементами в общении сказителя и слушателей; их роль тоже нужно фиксировать и изучать.

3.3. Русизмы в аудиозаписи и их отсутствие в самозаписи

В аудиозаписях сказаний «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» по всему тексту встречается русское слово *карман*, которое получает шорские морфологические показатели: *оң карман-ы-н-га* ‘в правый карман’, а в самозаписях сказителем оно заменено шорским словом *изеп*: *оң изеп-ке* ‘в правый карман’; то есть в данном случае он намеренно решил восстановить в текстах исконное шорское слово: *изеп* / *изепке* / *изептең* ‘карман / в карман / из кармана’ и т. д.

В аудиозаписях встречаются русизмы, адаптированные в шорском языке и получающие шорские аффиксы: *курва-га* ‘курве’ {курва-DAT}, *книга-зын* ‘книгу’ {книга-ACC}; или без шорских аффиксов: *курчавый*, *то ли*, *еще*, *только*, *однако*.

Как мы заметили, в самозаписях сохранились лишь ассимилированные русизмы, которые сказителем уже не воспринимаются как чужие: *стол* / *устол* ‘стол’, *кирлес-тең* ‘с крыльца’, *қартус* ‘картуз’ (мужской головной убор с козырьком и околышем; неформенная фуражка). Эти русизмы встречаются уже в ранних записях Н.П. Дыренковой, а также и в сказаниях современных кайчи. О русских заимствованиях, встречающихся в эпических текстах, мы уже писали в своих исследованиях [Арбачакова, Кузьмина 2014: 68–72].

В целом можно отметить, что расшифрованные с фонозаписей тексты показывают, что сказитель во время исполнения эпоса употреблял диалектные слова и просторечия, которые отсутствуют в его самозаписях, видимо потому, что он старался свои тексты передавать на «чистом» литературном языке.

4. Оговорки, уточненные сказителем при исполнении эпоса

4.1. Лексические оговорки, уточненные сказителем

Сказитель во время традиционного исполнения сказаний «Күннӱ көрген Күн Көөк» и «Ақ Плек» иногда делал оговорки, но тут же исправлял их. Иногда им

уточнялась неправильно употребленная лексика: *қара чер-ди* ‘черную землю (ACC)’ он поправил на *қара шойун пол-ду* ‘черный чугунный пол (ACC)’, *көргени* ‘видит’ уточнил как *уққаны* ‘слышит’. В самозаписях подобные оговорки, естественно, устранены.

Имеются и ошибки в именах собственных, которые не всегда им уточнялись во время исполнения; например, вместо имени *Алтын Топчу* он один раз ошибочно назвал *Алтын Шаппа*. Также встретились случаи, когда в фонозаписи кайчи дважды повторил имя: *Күн Көөк, Күн Көөк печезин* ‘Кюн Кёк, Кюн Кёк-сестру его (ACC)’. В аудиозаписи «Ақ Плек» сказитель оговорился в имени коня: *ақ қыр-ат* ‘светло-серый конь’, но затем тут же уточнил: *ақ сар-ат* ‘светло-рыжий конь’. В изданиях сказаний эти ошибки были устранены [Сказания Таннагашева 2015].

5. Текстовые особенности само- и аудиозаписи

5.1. Различия в объеме текстов

Самозаписи и аудиозаписи текстов «Солнце увидевшая Кюн Кёк» («Күннӱ көрген Күн Көөк») и «Ақ Плек» разные по объему. В самозаписи «Күннӱ көрген Күн Көөк» содержится 1005 стк., в расшифровке аудиозаписи у нас получилось 1588 стк.; в аудиозаписи «Ақ Плек» – 1300 строк, а самозапись «Ақ Плек» дана в сокращенном виде (она включает 200 длинных строк, т. е. она не учитывает рифму и поэтическую структуру сказания).

5.2. Прямое указание на самозапись сказания

Мы обратили внимание на то, что в более поздних самозаписях своих сказаний кайчи в концовке уточнял, что он не исполнял сказание, а записал. Например, самозапись сказания «Ақ Плек» завершается эпической формулой: *Уққан-көрген шенимбе пас пердим* ‘Сколько услышал-увидел, записал’ [Функ 2018: 217]. Сказание «Алтын Қоста» (самозапись от 4 февраля 2003 г.) он завершил традиционной формулой, также уточнив, что это он его записал: *Узун теп узарбадым, Қысқа теп қызарбадым. Уққан-көрген шени пастым.* ‘Говоря длинное, не удлинял, / Говоря короткое, не укорачивал. / Сколько услышал-увидел, написал’ (согласно копии рукописи сказания «Алтын Қоста», предоставленной Л.Н. Арбачаковой сказителем).

6. Выводы

В результате сравнения героических сказаний, зафиксированных разными способами (в самозаписи и в аудиозаписи), был выявлен ряд фонетических, лексических и текстовых особенностей разных видов фиксации.

Яркой чертой самозаписей является то, что там реже употребляются слова *тедир* / *теп-келип* / *эрбектепча* ‘сказал, оказывается (по-видимому / очевидно / по всей видимости) / говоря / говорит’, которыми «засорены» аудиозаписи. Кроме этого, в самозаписях практически нет междометных возгласов (*пай-пай, ноо, ээ, о-о*), оговорок; в результате их намного легче читать и воспринимать.

В аудиозаписях много повторов, практически в конце каждой строки употребляются слова *тедир* ‘сказал, оказывается (по-видимому / очевидно / по всей

видимости)’ и т. п., опущенные при самозаписи. Видимо, они на бессознательном уровне воспринимались сказителем как слова, которые мало влияют на содержание текста и не являются его неотъемлемой частью. Такие слова принадлежат устному регистру исполнения текста, помогая сказителю психологически настроиться на дальнейшее исполнение, собраться с мыслями и т. п. В то же время они выполняют важные семантические и прагматические функции: подчеркивают пересказывательность текста, т. е. ссылаются на то, что это текст, выражающий особый тип эвиденциальности, а именно фольклорную пересказывательность, т. е. то, что сам сказитель не являлся непосредственным свидетелем этих событий. Они создают определенную дистанцию между эпическим повествованием и самим сказителем, который представляет содержание эпоса в опосредованном виде: *как говорят*, *насколько я могу судить*, *по мере моего понимания*, *насколько я видел или слышал* и т. п. Благодаря своей частотности слово *тедир*, очевидно, идет путем превращения в коммуникативную частицу, частично утрачивая свое исходное индирективное значение.

Аудиозаписи и их расшифровки позволяют точнее передать звучание текста и его фонетические особенности, часто сглаженные в самозаписи и замененные на литературную норму. С точки зрения текстовых отличий, самозаписи содержат прямое указание на то, что текст был записан сказителем в соответствии с тем, насколько он знаком с описываемыми событиями.

Все эти особенности аудиозаписей, разумеется, не влияют на содержание эпоса. За этими «посторонними вкраплениями» в эпический текст можно почувствовать характер, настроение исполнителя, его личное отношение к главному герою эпоса, к его противникам, а также к своим слушателям, принять во внимание его ссылку на фольклорный тип эвиденциальности, присущий всему повествованию.

Выявленные различия текстов эпосов в самозаписи и фонозаписи обусловлены именно способами их фиксации. Когда сказитель сам записывал сказание, он старался воспроизвести их согласно правилам языка, дать наиболее выверенный литературный текст на нормированном языке, очищенный от слов, которые не являются непосредственной частью повествования.

Нормирование происходит и при публикации расшифровки текста фонозаписи исследователями: восстанавливаются исходные формы, подвергшиеся фонетическому стяжению, которые даются наряду или вместо стяженных, исправляются некоторые ошибки фактического характера (в именах героев и т. д.). В то же время, расшифровка фонозаписи старается передать и то, как сказитель общается со слушателями, т. е. тот метаплан устного исполнения, который сказителем не учитывается в самозаписи.

Тем самым, необходимыми и правомерными являются публикации как самозаписи, так и расшифровки сказаний. Поскольку и тот и другой вид публикаций являются обработками, нормирующими текст в том или ином аспекте, для лингвистов и этнологов особый интерес представляет и сама фонозапись, которая является фактической основой и для самозаписи сказителя, и для ее расшифровок исследователями. Сравнительное изучение различных видов фиксаций и их соответствие звукозаписям является отдельной исследовательской задачей, которая дает возможность изучить не только текст самого сказания, но и мастерство сказителя, его индивидуальный стиль и особенности его общения со слушателями.

Литература

Арбачакова 2009 – *Арбачакова Л.Н.* Из опыта расшифровки шорских героических сказаний в исполнении В.Е. Таннагашева // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: СО РАН, 2009. – С. 86–89. {*L.N. Arbachakova*. The experience of transcribing Shor heroic epic stories performed by V.E. Tannagashev // Gumanitarnyie nauki v Sibiri. – Novosibirsk: SO RAN. – 2009. – PP. 86–89.}

Арбачакова 2021 – *Арбачакова Л.Н.* Сказание «Күннӱ көрген Күн Көөк» в самозаписи и звукозаписи // Сибирский филологический журнал. – 2021. – Выпуск 1. – С. 51–64. {*L.N. Arbachakova.* The epic «Künnü körgen Kün Köök» in self-recording and audio recording // Siberian Journal of Philology. – 2021. – No. 1. – PP. 51–64.}

Арбачакова, Кузьмина 2014 – *Арбачакова Л.Н., Кузьмина Е.Н.* Шорский эпос: признаки угасания традиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2014. – С. 68–72. {*L.N. Arbachakova, E.N. Kuzmina.* Shor epos: the signs of dying away of traditions // The languages and folklor of indigenous peoples of Siberia] – Novosibirsk, 2014. – PP. 68–72.}

Арбачакова, Невская 2020 – *Арбачакова Л.Н., Невская И.А.* Индивидуальные особенности языка сказителя (на примере записей шорских героических сказаний) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 3 (29). – С. 20–31. – DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-20-31. {*L.N. Arbachakova, I.A. Nevskaya*. Individual linguistic peculiarities of a storyteller (the case of Shor heroic epic stories' recordings) // Tomsk journal of linguistics and anthropology. – 2020. – № 3 (29). – PP. 20–31. – DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-20-31.}

Гацак 1989 – *Гацак В.М.* Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. – М.: Наука, 1989. – 256 с. {*V.M. Gatsak.* Oral epic tradition in the time. A historic research on its poetics. – Moscow: Nauka, 1989. – 256 PP.}

Исхакова и др. 2007 – *Исхакова, Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А., Шенцова И.В.* Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциональность в языках Европы и Азии / под ред. В.С. Храковского. – СПб.: Наука, 2007. – С. 469–519. {*Kh.F. Iskhakova, D.M. Nasilov, I.A. Nevskaya, I.V. Shentsova.* Evidentiality in Turkic languages // Evidentiality in languages of Europe and Asia / V.S. Khrakovskiy (Ed.). – Saint-Peterburg: Nauka, 2007. – PP. 469–519.}

Сказания Таннагашева 2015 – Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева / отв. редактор *Е.Н. Кузьмина*; составление, подготовка текстов и перевод *Л.Н. Арбачаковой*. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 318 с. {Epic stories told by the Shor kaychi (story-teller) V.Ye. Tannagashev / *Ye.N. Kuzmina* (Ed.). – Novosibirsk: RITs NGU, 2014. – 318 p.}

Функ 2018 – Шорский героический эпос. Том 5, часть I: Шорский эпос в самозаписях сказителя-кайчи В.Е. Таннагашева / Сост., подготовка шорских текстов к изданию, предисловие и комментарии *Д.А. Функа*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – 236 с. {Shor heroic epos. Vol. 5, part I: Shor heroic epics in self-recordings of the narrator-kaychi V.Ye. Tannagashev / Compilation, preparation of Shor texts for publication, foreword and comments by D.*A. Funk*. – Tomsk: Tomsk state university, 2018. – 236 p.}

Функ 2010 – Шорский героический эпос. Том I / Сост., подгот. к изданию, вступит. ст., пер. на рус. яз., примеч. и коммент. *Д.А. Функа.* – М.: ИЭА РАН, 2010. – 392 с. {Shor heroic epos. Vol. 1 / Compilation, preparation for publishing, translation into Russian, appendix, notes, comments by *D.A. Funk*. – Moscow: Institute of ethnography and anthropology, RAS, 2010. – 392 p.}

Фольклор шорцев 2010 – Фольклор шорцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 29 / Сост. *Л.Н. Арбачакова*. – Новосибирск: Наука, 2010. – 608 с. {Folklore of the Shor people // Series Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, Vol. 29 / Compilation, preparation of Shor texts for publication, foreword and comments by *L.N. Arbachakova*. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 608 p.}

Chafe, Nichols 1986 – *Chafe W., Nichols J.* (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology // Advances in Discourse Processes. Volume XX. – Norwood, New Jersey: Praeger, 1986. – 360 p.

DeLancey 1997 – *DeLancey S.* Mirativity: new vs assimilated knowledge as a semantic and grammatical category // Linguistic typology. – 1997. – Volume 1.1. – PP. 33–52.

Johanson, Utas 2000 – *Johanson L., Utas B.* (eds.) Evidentials. Turkic, Iranian and neighbouring languages // Empirical approaches to language typology. Volume 24. – Berlin, New York: Mouton de Cruyter, 2000. – 484 p.

Johanson 2000 – *Johanson L.* Turkic indirectives // *Johanson L., Utas B.* (eds.) Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages // Empirical approaches to language typology. Volume 24. – Berlin, New York: Mouton de Cruyter, 2000. – PP. 61–89.

Nevskaya 2002 – *Nevskaya I.A*. Evidentials, indirectives and miratives in Shor // Scholarly depth and accuracy. A festschrift to Lars Johanson / N. Demir, F. Turan (Eds.). – Ankara: Grafiker, 2002. – PP. 307–323.

Some specific features of self-recordings and audio recordings (On the example of shor epic stories)

I.A. Nevskaya, L.N. Arbachakova

Novosibirsk, Frankfurt am Main

Summary: The article describes some phonetic, lexical and textual features of self-recordings of the narrator and the audio recordings thanscribed by researchers on the example of the Shor epic stories «Künnü körgen Kün Köök» and «Ak Plek». The self-recordings were made by the narrator V.Ye. Tannagashev; the audio recordings and their transcripts were made by L.N. Arbachakova. As a result of their comparison, we can state that audio recordings contain plentiful interjections, Russian borrowings, pragmatic and epistemic particles, and mistakes. They reflect dialectal features of the narrator's speech, and his pronunciation. The transcripts of self-recordings are shortened and corrected in attempt to follow the Shor literary norms. They contain explicit reference that the texts are self-made by the narrator.

Key words: audio recording, self-recording, Shor language, heroic epic story, narrator, epic evidentiality.

Irina Anatolyevna Nevskaya – Ph.D. in philology, chief researcher of Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, associated professor of Frankfurt university, e-mail: nevskayairina60@gmail.com.

Lyubov Nikitovna Arbachakova – Ph.D. in philology, senior researcher of Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: anzass@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Дыбо А.В., Шеймович А.В. (Москва). Памяти Эдгема Рахимовича Тенишева 5

Тенишев Э.Р. История письменных тюркских литературных языков донациональной поры 30

ВКЛАД Э.Р. ТЕНИШЕВА В ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кормушин И.В. (Москва). О взглядах Э.Р. Тенишева на историю древних литературных тюркских языков 45

Абдуллаев С.Н. (Каракол). Синтаксические способы вербализации концепта «муһәббәт» («любовь») в уйгурских текстах Э.Р. Тенишева: устойчивые конструкции и межстилевая контаминация 50

Дубровина М.Э. (Санкт-Петербург). Вклад Э.Р. Тенишева в изучение саларского языка 60

Псянчин Ю.В. (Уфа). Вклад Э.Р. Тенишева в науку Башкортостана (к 100-летию со дня рождения) 66

Хисамитдинова Ф.Г. (Уфа). Э.Р. Тенишев и экспериментально-фонетические исследования в башкирском языкознании 78

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКОВ И КОЛЛЕГ

Алишина Х.Ч. (Тюмень). «Саваплы юлыгыз уңышлы булсын...» («Да будет плодотворен ваш благородный путь…») 85

Псянчин Ю.В. (Уфа). Он был для нас вторым отцом 91

Хисамитдинова Ф.Г. (Уфа). Встреча, изменившая мою судьбу 98

Экба З.Н. (Москва). Мой Учитель: штрихи к портрету 103

ХРОНИКИ

Международная научно-практическая конференции «Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева» (Пенза, 21–23 апреля 2021 г.) 108

Годичное собрание Российского комитета тюркологов, совмещенное с научной конференцией «Тенишевские чтения-14», посвященное 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева (Москва, 25 мая 2021 г.) 122

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Кара-оол Л.С. (Кызыл). Лексика традиционных свадебных обрядов в тувинском языке 126

Мальцева В.С. (Москва). Шорские тексты, собранные Н.Ф. Катановым от выходца из села Анчул.....144

Сахатова Г.С. (Никосия). *Eken* в туркменском языке: модальное слово или модальная частица?.....149

Шенцова И.В. (Новосибирск). Концепт «клятва» в шорском языке.....157

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Есипова А.В. (Томск). Конверсия. История вопроса. Точка зрения А.М. Щербака.....166

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ержанова Д.К. (Нукус). Стилистические особенности поэм Ибрагима Юсупова.....175

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Курбанова З.И. (Нукус). Этнографические элементы в эпосе «Кырк кыз».....186

Невская И.А., Арбачакова Л.Н. (Франкфурт-на-Майне, Новосибирск). О некоторых особенностях самозаписи эпоса сказителем и его фонозаписи (на примере шорских героических сказаний).....199

CONTENTS

A.V. Dybo, A.V. Sheymovich (Moscow). In Memoriam of Edgem Rakhimovich Tenishev.....5

E.R. Tenishev. History of written Turkic literary languages of the pre-national epoch 10

E.R. TENISHEV'S CONTRIBUTION TO TURKOLOGY

I.V. Kormushin (Moscow). On E.R. Tenishev's scientific views on history of ancient literary languages.....45

S.N. Abdullayev (Karakol). Syntactic ways of verbalization of the concept «muhäbbät» («love») in the Uyghur texts of E.R. Tenishev: stable structures and interstyle contamination.....50

M.E. Dubrovina (Saint-Petersburg). Contribution of E.R. Tenishev to the study of the Salar language.....60

Yu.V. Psyanchin (Ufa). E.R. Tenishev's contribution to the science of Bashkortostan (to his 100th anniversary) 66

F.G. Khisamitdinova (Ufa). E.R. Tenishev and experimental phonetic research in the Bashkir linguistics 78

MEMORIES OF STUDENTS AND COLLEAGUES

Kh.Ch. Alishina (Tyumen). «Let your noble path be fruitful…» 85

Yu.V. Psyanchin (Ufa). He was like a father to us 91

F.G. Khisamitdinova (Ufa). Acquaintance that changed my destiny.....98

Z.N. Ekba (Moscow). My teacher: touches to the portrait 103

CHRONICLES

All-Russian Scientific and Practical Conference «Languages of Culture in the Context of Historical Heritage: to the 100th Anniversary of E.R. Tenishev» (April 21–23, 2021).....108

Annual Gathering of the Russian Committee of Turkologists, united with the scientific conference «Tenishev Readings-14», devoted to the 100th anniversary of E.R. Tenishev (Moscow, May 25, 2021).....122

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

L.S. Kara-ool (Kyzyl). Lexis of traditional wedding rites in the Tuvan language 126

V.S. Maltseva (Moscow). Texts in Shor, collected by N.F. Katanov from a man born in the village of Ahchul 144

G.S. Sakhatova (Nicosia). *Eken* in Turkmen: modal word or modal particle?.....149

I.V. Shentsova (Novosibirsk). The notion of «oath» in Shor.....157

DISCUSSIONS AND VENTILATIONS

A.V. Yesipova (Tomsk). Conversion. Background of the issue.
A.M. Shcherbak's point of view.....166

LITERARY STUDIES

D.K. Yerzhanova (Nukus). Stylistic peculiarities of Ibrayim Yusupov's poems 175

FOLKLORE STUDIES

Z.I. Kurbanova (Nukus). Ethnographic elements in the epos «Kyrk kyz».....186

I.A. Nevskaya, L.N. Arbachakova (Frankfurt am Main, Novosibirsk).
Some specific features of self-recordings and audio recordings
(on the example of Shor epic stories).....199

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ✦ Структура и история языка
- ✦ Дискуссии и обсуждения
- ✦ Языковые связи
- ✦ Ономастика
- ✦ Культурология
- ✦ Литературоведение
- ✦ Фольклористика
- ✦ Сообщения и обзоры
- ✦ История науки, документы
- ✦ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ✦ актуальности
- ✦ проблемности
- ✦ научной новизны
- ✦ доказательности
- ✦ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал издается в двух версиях – бумажной и электронной. 120 печатных экземпляров предназначены для предоставления обязательных экземпляров в Книжную палату, библиотекам ряда родственных институтов и журналов, а также для бесплатной раздачи по одному экземпляру членам Российского комитета тюркологов, авторам напечатанных в данном номере материалов и членам редколлегии. Журнал индексируется в РИНЦ и на-

ходится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: http://www.turcologica.org.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: rosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт),** межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временно́го периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <…>.

Букву «ё» использовать только в смыслоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf,** а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы

Вводится заголовком ***Литература*** – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания. В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакторской группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

Отпечатано в ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Рождественка, д. 12/1, стр. 1, офис 8, 9, 10, 11
тел.: (495) 7263169; (495) 9682416; (495) 6234554; (495) 6253813
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать 30.12.2020. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 г/м^2. Формат 70×108$^1/_{16}$.
Усл.печ.л.13,5.
Тираж 120 экз. Заказ № 1026